

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

ASIA & AFRICA today

2024 № 3

Журнал «Азия и Африка сегодня» (до марта 1961 года – «Современный Восток») – рецензируемый научный журнал, единственное в России ежемесячное издание, посвященное проблемам стран Азии и Африки (страны СНГ, проблематика стран Содружества – не рассматриваются). Издание было учреждено в июле 1957 года Академией наук СССР. Издаётся Институтом востоковедения и Институтом Африки Российской академии наук под руководством Отделения историко-филологических наук РАН.

Среди авторов журнала – ведущие ученые-востоковеды и африканисты России, отечественные и зарубежные политические и общественные деятели, писатели, работники культуры.

Ключевые направления:

- политическое развитие стран Азии и Африки;
- экономические проблемы стран Азии и Африки;
- международные отношения; роль азиатских и африканских государств в деятельности ООН, других международных и региональных организаций; глобализация и регионализация;
- проблемы цивилизационного развития; проблемы общества и государства, демократии и автократии, религиозного экстремизма и терроризма; становление и особенности гражданского общества;
- демографические процессы и миграции населения; продовольственная проблема в развивающихся государствах; экологические проблемы на Азиатском и Африканском континентах;
- этнические и межконфессиональные конфликты; – ислам и христианство и их влияние на политические процессы в странах Азии и Африки;
- культура, наука, образование, литература, искусство;
- религии, верования, культы;
- традиции, обычаи, нравы;
- опыт исторического развития, перекликающийся с современными проблемами афро-азиатского региона;
- Россия – Восток (политические, экономические, культурные и другие связи России со странами Азии и Африки).

В журнале публикуются: научные статьи, обзоры, рецензии, рассказывается о важнейших событиях научной жизни – международных конференциях ученых-востоковедов и африканистов, симпозиумах, результатах полевых исследований.

К публикации принимаются статьи и на английском языке.

“Aziya i Afrika segodnya” (“Asia and Africa today”) magazine is the sole Russian peer-reviewed monthly devoted to socio-political, economic, demographic, environmental, cultural and other processes in the Asian and African countries.

The journal was founded in 1957 by the Academy of Sciences of the USSR under the title *Sovremennyi Vostok* (The Contemporary East). Under the current title it has been published since March 1961 by the Institute of Oriental Studies and the Institute for African Studies, both of the Russian Academy of Sciences.

The authors of the journal are prominent Russian scholars, in Asian and African studies, political and public figures, as well as foreign scholars and experts on a wide range of issues related to Asia and Africa.

The major areas and subjects for presentation in the magazine:

- socio-political development of Asian and African countries,
- economic problems of Asian and African countries,
- development economics,
- Asian and African states' activities in UN and regional international organizations,
- globalization and regionalization,
- food problem in developing states,
- aggravation of environmental problems in Asian and African continents,
- ethnic and interfaith conflicts, – Islam, Christianity and their influence on political processes in Asian and African countries,
- religious extremism and terrorism,
- culture, science, education, literature, art,
- religions, beliefs, cults,
- traditions, customs, morals,
- correlation of historical development and modern problems in the Afro-Asian region – chapters of history,
- Russia – East (political, economic, cultural and other relations of Russia with Asian and African countries).

Policy:

- Prompt reaction to the events taking place in Asian and African countries.
- Extending of topics and improvement of quality of materials to be published.
- Strengthening and development of cooperation with other Russian and foreign academic institutions dealing with Oriental and African Studies.
- Prioritizing papers in English language.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2024 № 3

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцев (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2024 № 3

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic
Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno
(Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Жебин А.З. Корейский замкнутый круг 5

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Ломова А.А. Отношения Индии и Тайваня на современном этапе 15

Плаксин А.А. Методы влияния администрации Дж.Байдена на политику Японии
в сфере безопасности 22

Окимбеков У.В. Бассейн Амударьи и развитие орошаемого земледелия на севере Афганистана 30

Взгляд зарубежного эксперта

Ван Хуань (КНР). Стратегия России по развитию Арктики и пути сотрудничества России
и Китая в Арктике 39

Садовская Л.М. Буркина Фасо: от незавершенного народного восстания до военных переворотов 48

Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Агафшин М.М. «Маленький Могадишо» в Стокгольме,
или «апартеид с дружелюбным лицом» по-шведски 57

Канаев Е.А., Новик Н.Н., Кулясов Н.С., Федоренко Д.О. АСЕАН в условиях цифровой
фрагментации 66

Григорьева Н.А., Старикова С.А. (Санкт-Петербург). «Экспорт невест»
в дискурсе СМИ Вьетнама и Китая 74

© Российская академия наук, 2024
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2024

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

**Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian
Science Citation Index на платформе Web of Science
и EBSCO Publishing.**

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

TOP PROBLEM

Zhebin A.Z. The Korean Vicious Circle	5
--	----------

POLITICS, ECONOMICS

Lomova A.A. Relations between India and Taiwan at the Present Stage	15
--	-----------

Plaksin A.D. Methods of Influence of the J.Biden Administration on Japanese Security Policy	22
--	-----------

Okimbekov U.V. The Amu Darya River Basin and the Development of Irrigated Agriculture in Northern Afghanistan	30
---	-----------

Foreign expert view

Wang Huang (China). Russia's Arctic Strategy and the Ways of Cooperation between Russia and China in the Arctic	39
---	-----------

Sadovskaya L.M. Burkina Faso: From an Unfinished Popular Uprising to Military Coups	48
--	-----------

Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Agafoshin M.M. "Little Mogadishu" in Stockholm, or "Apartheid with a Friendly Face" in Sweden	57
---	-----------

Kanaev E.A., Novik N.N., Kulyasov N.S., Fedorenko D.O. ASEAN amidst the Digital Fragmentation	66
--	-----------

Grigoryeva N.V., Starikova S.A. (St. Petersburg). "Bride Exports" in Media Discourse of Vietnam and China	74
---	-----------

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2024

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

**Included in Russian Science Citation Index on WoS platform,
and EBSCO Publishing.**

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

DOI: 10.31857/S032150750030454-1

Корейский замкнутый круг

© Жебин А.З.^а, 2024

^а Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3060-2390; alexzheb1948@gmail.com

Резюме. В статье рассматривается состояние и перспективы межкорейских отношений, которые на данном этапе в Пхеньяне расценивают как враждебные. Большое место отводится анализу внутренних и международных причин нынешнего обострения военно-политической конфронтации на Корейском полуострове.

Вопреки доминирующей на Западе точке зрения об исключительной ответственности КНДР за сложившуюся там ситуацию, автор показывает, как Соединенным Штатам удалось блокировать попытки примирения между Севером и Югом путем вовлечения Сеула в различные блоковые комбинации, направленные против России и Китая. Эта стратегия получила дополнительную синергию с началом в 2022 г. президентства Юн Сок Ея, пришедшего к власти при поддержке той части правящей элиты РК, которая целиком ориентирована на США и выступает за объединение путем «поглощения» КНДР.

Поняв бесперспективность попыток улучшить отношения с РК до конца срока нынешнего президента РК, заканчивающегося в 2027 г., лидер КНДР Ким Чен Ын отказался от самой идеи объединения, объявил Южную Корею «вражеским государством» и сообщил о планируемых в этой связи изменениях в конституции и в жизни страны в целом.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, объединение, отношения, диалог

Для цитирования: Жебин А.З. Корейский замкнутый круг. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 5–14.
DOI: 10.31857/S032150750030454-1

The Korean Vicious Circle

© Alexander Z. Zhebin^а, 2024

^а Institute of China and contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3060-2390; alexzheb1948@gmail.com

Abstract. The article examines the state and prospects of inter-Korean relations, which are regarded as hostile at this stage in Pyongyang. Much attention is given to the analysis of the internal and international causes of the current aggravation of the military-political confrontation on the Korean peninsula.

Contrary to the dominant point of view in the West about the exclusive responsibility of the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) for the situation there, the author shows how the United States managed to block attempts at reconciliation between North and South by involving Seoul in various block combinations directed against Russia and China. This strategy gained additional synergy in 2022 with the beginning of the presidency of Yoon Suk Yeol, who came to power with the support of that part of the ruling elite of the Republic of Korea (ROK), which was entirely following the United States and advocated unification through the “absorption” of the DPRK.

Realizing the futility of attempts to improve relations with the ROK before the end of the term of the ROK incumbent president, ending in 2027, the DPRK leader Kim Jong-un abandoned the very idea of unification, declared South Korea an “enemy state” and announced planned in this regard changes in the constitution and in the life of the country as a whole.

Keywords: DPRK, Republic of Korea, unification, relations, dialogue

For citation: Alexander Z. Zhebin. The Korean Vicious Circle. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030454-1

ВВЕДЕНИЕ

В череде взаимных угроз и обвинений, военных учений и боевых стрельб, которыми вместо новогодних поздравлений обменялись Сеул и Пхеньян в канун и в первые дни 2024 г., почти незамеченным осталось то обстоятельство, что очередной всплеск межкорейской конфронтации привел к появлению на Корейском полуострове новой геополитической реальности.

До сих пор КНДР и Республика Корея (РК) выступали на международной арене как полностью суверенные страны. Однако между собой они договорились, что «их отношения, не будучи отношениями между государствами, представляют собой особые, промежуточные отношения, проистекающие из процесса перехода к воссоединению» [1]. Данное положение было зафиксировано в Соглашении о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве между Югом и Севером, подписанном 13 декабря 1991 г. в Сеуле. Соглашение содержало 6 предложений:

- 1) активное развитие обменов между корейцами Юга и Севера и свободное посещение обеих частей полуострова зарубежными корейцами;
- 2) активизация обмена письмами между членами разделенных семей и их взаимных посещений;
- 3) признание торговли между Севером и Югом внутренней торговли;
- 4) сбалансированное развитие национальной экономики, непрепятствование обмену с Севером товарами и продуктами невоенного назначения – как с дружественной страной;
- 5) сотрудничество на международной арене во имя общих интересов нации;
- 6) содействие Северу в улучшении отношений с капиталистическими государствами и стремление к улучшению отношений Республики Корея с социалистическими государствами.

Даже после принятия 17 сентября 1991 г. в ООН Север и Юг Кореи не пожелали де-юре признать друг друга и установить нормальные межгосударственные отношения. Дело в том, что обе стороны не отказались от надежд в перспективе добиться объединения страны, причем каждая на своих условиях. Вот для того, чтобы максимально сохранить за собой свободу рук при решении этой задачи, Пхеньян и Сеул согласились, ориентируясь, видимо, на опыт ГДР и ФРГ, о том, что отношения между ними будут носить особый характер и, как было сказано выше, отличаться от нормальных межгосударственных отношений.

Отныне, заявил лидер КНДР Ким Чен Ын в своей заключительной речи на расширенном заседании IX Пленума ЦК ТПК 8-го созыва, прошедшем 26–30 декабря 2023 г., межкорейские связи «полностью стали отношениями между двумя враждебными государствами» [2]. Таким образом, международные отношения, пока еще связывающие наш огромный и разнообразный мир в единое целое, обрели два теперь уже полностью полноценных субъекта – КНДР и РК.

Можно возразить, что оба эти государства уже с момента их создания в 1948 г. обрели этот статус. В отношениях с другими государствами – да, но не между собой. Связи между КНДР и РК не были нормальными и уж никак не соответствовали нормам, прописанным в Уставе ООН. К тому же США после проведения в мае 1948 г. сепаратных выборов в контролируемой ими части страны южнее 38-й параллели добились того, что ООН признала правительство РК единственно законным на Корейском полуострове. Многие годы США при поддержке своих союзников, ориентирующихся на Вашингтон и просто послушных вассалов, не допускали КНДР к участию даже в обсуждении корейского вопроса на трибуне ООН.

В Пхеньяне придерживались прямо противоположной точки зрения. Там с самого начала считали власти в Сеуле «марионетками США», а саму Южную Корею – «незаконно оккупированной южной половиной республики (под республикой в данном случае подразумевалась КНДР. – А.Ж.). Не случайно в первой конституции Северной Кореи столицей республики был объявлен Сеул [3]. В новом основном законе 1972 г. указывалось, что КНДР «представляет интересы всего корейского народа» [4].

Теперь же всем странам надо считаться с тем фактом, что на Корейском полуострове существуют, по мнению лидера КНДР, два даже не просто «враждебных», а «воюющих государства», а корейцам, по крайней мере жителям Северной Кореи, надо забыть об объединении с Южной Кореей, население которой в одночасье перестало считаться их соотечественниками.

ТРУДНАЯ ДОРОГА К ЕДИНСТВУ

Нельзя сказать, что Север и Юг Кореи не пытались продвинуться объединению. В 1972 г. в Совместном заявлении они согласовали три принципа, на которых оно должно быть достигнуто – мир-

ным путем, без вмешательства извне, за счет консолидации всей корейской нации. В 1991 г. было подписано упомянутое выше соглашение, которое в случае его реализации могло бы послужить неплохой основой для перевода двусторонних отношений в русло мирного сосуществования и сотрудничества.

Особенно интенсивно межкорейские связи стали развиваться в период правления в РК двух либеральных президентов – Ким Дэ Чжуна (1998–2003) и Но Му Хена (2003–2008). Не отказываясь от стратегической цели – объединения страны на основе т.н. либеральной демократии и рыночной экономики, оба этих деятеля считали, что решать эту задачу предпочтительнее не за счет силового давления, а путем развития экономических связей, торговли, гуманитарных обменов, сотрудничества в области культуры, туризма, спорта.

Однако обеспечить стабильно поступательное развития процессов примирения не удалось. Ведь до начала 1960-х гг. Пхеньян и Сеул даже не разговаривали друг с другом. С конца 1980-х гг., после ухода военно-диктаторских режимов, одной из главных внутренних причин стали особенности политической системы и политического процесса, утвердившихся в Южной Корее с принятием конституции 1987 г. Они привели к появлению своего рода «демократических качелей», когда власть оказывалась то у либерального крыла правящей элиты, то у консерваторов.

В РК глава государства избирается на один 5-летний срок, ему не нужно беспокоиться о своем переизбрании. Отсюда выполнение предвыборных обещаний не всегда было в числе его приоритетов. Поэтому к концу его пятилетнего срока избиратели, не получившие обещанного, приводили к власти кандидата от оппозиции. Пять лет спустя ситуация повторялась с точностью до наоборот. Учитывая разные подходы либералов и консерваторов к ведению дел с Севером, как следствие, то в жар, то в холод бросало и межкорейские отношения.

Главным внешним фактором, не позволившим корейцам продвинуться если не к объединению, то хотя бы к более нормальным отношениям, было и остается вмешательство США в корейские дела. Оно во многом облегчалось паническим страхом южнокорейской элиты остаться один на один с КНДР. Надо признать, что американцы довольно умело воспользовались этими фобиями, чтобы закрепиться на юге полуострова. Помимо размещения там нескольких десятков тысяч своих солдат и многочисленных военных баз, США еще со времени Корейской войны сохраняли за собой и командование вооруженными силами РК. Формально вернув в 1994 г. Сеулу право распоряжаться своими войсками в мирное время, Вашингтон позаботился о том, чтобы в случае новой войны на полуострове почти 600-тысячная армия РК автоматически возвращалась бы под начало американского генерала – командующего войсками США, дислоцированными в Южной Корее.

К этому надо добавить и оказавшуюся весьма дальновидной ставку США на возвращение в Южной Корее нескольких поколений политической и военной элиты, которая ориентируется на американские ценности, стандарты и даже образ жизни. Так произошло не в последнюю очередь потому, что в большинстве своем её представители получили образование в США и стремятся к тому, чтобы там же учились и их дети.

С учетом этих обстоятельств становится понятным, что Вашингтону примирение и широкое сотрудничество между Севером и Югом не нужны. Ведь если бы обе части страны помирились, поддерживать тезис о «северокорейской угрозе» было бы весьма затруднительно. Если бы отношения между Севером и Югом наладились, всё больше южнокорейцев стали бы задаваться вопросом: а зачем нам нужны американские войска, которые находятся в стране со времен Корейской войны?

И тут американцев «выручила» ракетно-ядерная программа КНДР, которую эта страна была вынуждена форсировать после агрессии НАТО против Югославии и нападения США на Ирак. Эти события показали Пхеньяну, что ни международное право, ни СБ ООН не могут защитить страну, чья политика негодна США.

Соревноваться с американским ВПК небольшая и небогатая Северная Корея не могла. Пришлось использовать то, что лежало буквально под ногами – значительные залежи урана. В итоге к 2024 г. КНДР провела 6 ядерных испытаний и освоила производство всех видов ракет, в т.ч. межконтинентальных (МБР) и крылатых, что вызывает настоящую панику в Сеуле. Заверения Пхеньяна, что их ядерное оружие создано исключительно для сдерживания агрессии США и не будет применено против «соотечественников» там не воспринимались. В РК никак не могут забыть, как спустя пару месяцев после начала Корейской войны южнокорейские войска чуть не были сброшены северокорейцами в море и только

вмешательство США в конфликт, который начался как гражданская война между Севером и Югом, спасло режим Ли Сын Мана.

Десятилетия непрерывной пропаганды имиджа Америки как «спасителя» Южной Кореи не могли не сказаться как на политической ориентации правящей элиты, так и на мировосприятии рядовых южнокорейцев. Большинство правящего класса и населения страны не мыслят будущего без тесного союза с США, грезят о собственном ядерном оружии, но готовы (а когда не готовы, то вынуждены) по команде Вашингтона забывать о национальной гордости и жертвовать вполне осязаемыми экономическими интересами.

СЕУЛ МЕНЯЕТ ПРИОРИТЕТЫ

С приходом к власти в Южной Корее в 2022 г. президента Юн Сок Еля ситуация в межкорейских отношениях стала быстро деградировать. Тому было несколько причин. Новый президент не имел практически никакого политического опыта, хотя и достиг поста генерального прокурора на ниве любимого занятия каждой находящейся у власти южнокорейской администрации – разоблачения и наказания коррупционеров из рядов предыдущей администрации. Будучи уволенным за попытку нарушить это правило и поискать таковых среди, что называется, «своих», он был быстро подобран правоконсервативной оппозицией, у которой не было другого подходящего кандидата на президентских выборах 2022 г.

Победившему с минимальным за всю историю Южной Кореи разрывом в 0,7% голосов неопытному Юну надо было помочь с выбором «правильного» курса, прежде всего в международных делах. Уже через 10 дней после его вступления в должность в Сеул прибыл Дж.Байден. Новоиспеченному политику быстро помогли усвоить новояз американской демократии о «*like-minded countries*», «*rule-based order*». Это было как нельзя кстати в свете начавшейся в Вашингтоне кампании по мобилизации союзников и вассалов на фронт «сдерживания» Китая.

К этому времени некоторые американские эксперты и ориентирующиеся на США южнокорейские специалисты достаточно подробно разъяснили, что объединение Кореи подождет, а стране давно пора играть, мол, гораздо более престижную «глобальную роль», которая, как показали реальные события, сводится к подыгрыванию США в создании разного рода блоковых комбинаций в АТР или прямому участию в таковых, как это произошло в августе 2023 г. в Кэмп-Дэвиде, где был создан де-факто военно-политический альянс США – Япония – Южная Корея.

Кстати, Юн все же был вынужден последовать сложившейся традиции, согласно которой очередной глава государства просто обязан был предложить собственную концепцию отношений с Севером. Однако выдвинутая им т.н. «смелая инициатива» на проверку оказалась перелицованным планом президента Ли Мен Бака (2008–2013). Суть обоих предложений заключалась в попытке убедить Пхеньян отказаться от своих ракетно-ядерных программ за несущественные, а порой просто унижительные экономические подачки при полном игнорировании озабоченностей КНДР в области её безопасности¹.

Впрочем, о «смелой инициативе» быстро забыли, оставив упоминание о ней в качестве дежурной фразы, приводимой больше для проформы о её поддержке со стороны США и ряда других союзников. Ухудшение отношений с КНДР продолжалось.

В октябре 2023 г. Министерство объединения РК рассмотрело проект очередного 4-го пятилетнего плана развития межкорейских отношений на 2023–2027 гг. Главный упор предлагалось сделать на достижении денуклеаризации КНДР, «обеспечении прав человека» в этой стране, выстраивании отношений с Севером, основанных на неких «принципах», что сильно напоминало проповедуемый США и Западом «порядок, основанный на правилах», которые никто не видел². Таким образом, план носит явно конфронтационный характер, а попытки его реализации могли привести только к дальнейшему обострению отношений между Севером и Югом, что в итоге и произошло.

Само Министерство объединения, призванное заниматься отношениями с КНДР, в 2023 г. было сильно сокращено. Особенно это коснулось тех его подразделений, которые отвечали за переговоры и поддержание других контактов с КНДР. Управление министерства, ведавшее межкорейским диалогом, было понижено в статусе и урезано до уровня небольшого отдела.

¹ <https://www.korea.net/AboutKorea/Inter-Korean-Relations/An-Audacious-Initiative>

² <https://www.yna.co.kr/view/AKR20231018046200504?section=north-korea/all>

Обращает на себя внимание тот факт, что к осени 2023 г. практически все сотрудники администрации предыдущего президента РК Мун Чжэ Ина, которые занимались межкорейскими отношениями, подверглись уголовному преследованию. Кампания против «сочувствующих Северной Корее», а вернее даже тех, кто считал, что в интересах самого Сеула было бы сохранение контактов с Пхеньяном, достигла масштабов, напоминающих времена военных диктатур в Южной Корее: повсюду стали искать северокорейских «шпионов».

Остается только догадываться, каким образом развитие отношений с КНДР по этому плану предполагалось сочетать со всё новыми санкциями, вводимыми Сеулом в отношении Пхеньяна, а заодно и Москвы за предполагаемую, но никак не доказанную «оружейную сделку» между РФ и КНДР. Последний по времени 12-й пакет таких санкций в отношении КНДР, включавший начальника северокорейской разведки и еще 7 человек были объявлен Сеулом 27 декабря 2023 г.³

В эту же корзину «стимулов» для Пхеньяна приступить к «денуклеаризации» можно добавить заявления нового министра обороны РК Син Вон Сика о необходимости неопременного «наказания» КНДР за некие возможные «провокации». Дежурным пунктом в выступлениях этого деятеля стали реализовавшиеся в конце декабря 2023 г. призывы к выходу из соглашения о мерах доверия в военной области, достигнутого на межкорейском саммите в Пхеньяне 19 сентября 2018 г.

ОЗНАЧАЕТ ЛИ ЭТО «КОНЕЦ ДИАЛОГА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ»

Некоторые южнокорейские эксперты считают, что нынешний курс Сеула, в частности, речь главы государства по случаю знаковой для каждого корейца даты – Дня возрождения Кореи 15 августа 2023 г. – и ряд других выступлений с призывами о «многократном возмездии» за некие предполагаемые северокорейские «провокации» означают «конец диалога и взаимодействия» на Корейском полуострове⁴.

Указанный курс, писала сеульская газета «Ханкере синмун», теперь «полностью отменяется политикой тотального подчинения администрации Юна США и Японии», преподносимой публике как «укрепление их трехстороннего сотрудничества». Это сотрудничество рассматривается как «ключевой элемент Индо-тихоокеанской стратегии США», которая, как откровенно признает газета, представляет собой не что иное, как «стратегию противостояния с Китаем». Такая американская стратегия «больше не требует проведения на Корейском полуострове политики взаимодействия. Отныне всё должно быть подчинено задаче противостояния с Китаем и Россией»⁵. Таким образом, в Сеуле окончательно произошла смена приоритетов – вместо объединения страны на первый план вышло обслуживание геополитических интересов США.

Разумеется, в рамках такой задачи становилось ненужным и даже вредным подписание декларации или какого-либо другого документа об окончании де-юре Корейской войны. Ведь если война юридически завершена, встанет вопрос о роспуске тех структур, которые были созданы для её ведения, в первую очередь пресловутого «Командования ООН», выводе из Южной Кореи иностранных войск.

Между тем США и Южная Корея вновь активизировали усилия по реанимации этого пережитка «холодной войны» с тем, чтобы заручиться как можно более широкой международной поддержкой своей продолжающейся уже 70 лет де-факто оккупации южной части полуострова. Для участия в деятельности командования, помимо его 16 первоначальных стран-членов, Вашингтон и Сеул пытаются привлечь еще ряд американских вассалов.

Институт разоружения и мира МИД КНДР в своем сообщении, опубликованном накануне проведенного в Сеуле 13 ноября 2023 г. совещания представителей государств – членов «Командования ООН», еще раз обратил внимание на то, что само название – «Командование ООН» – не содержалось в резолюциях СБ ООН и было сфабриковано США, самочинно подменившими им упомянутое в резолюции «объединенное командование», которое было поручено возглавить американскому генералу⁶.

³ Seoul blacklists North Korean spy chief, 7 others over hacking and arms trade. *NK news*, 27.12.2023. <https://nknews.org/2023/12/seoul-blacklists-north-korean-spy-chief-7-others-over-hacking-and-arms-trade/> (accessed 04.01.2024)

⁴ The end of dialogue and engagement on the Korean Peninsula. 20.08.2023. http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/1104953.html (accessed 23.12.2023)

⁵ Ibidem.

⁶ См.: Резолюция 85 СБ ООН от 07.07.1950. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/064/97/PDF/NR006497.pdf?OpenElement> (accessed 23.12.2023)

Новый министр по делам национального объединения Ким Ен Хо заявил, что администрация Юн Сок Еля «никогда не будет добиваться подписания» декларации или другого документа об окончании войны, по крайней мере до разрешения вопроса о якобы похищенных или удерживаемых на Севере южнокорейцах⁷.

14 ноября 2023 г., после 11-летнего перерыва, власти РК возобновили работу специальной группы, призванной добиваться прояснения судьбы и возвращения на Юг этих людей, которых, по официальным данным, насчитывается 516. Правительство РК заявило о намерении сотрудничать в этих целях с представителями гражданского общества и религиозными группами как в самой РК, так и с работающими в этой области организациями других стран⁸.

Можно не сомневаться, что реанимация этой проблемы внесет еще один осложняющий элемент в межкорейские отношения. Впрочем, Пхеньяну есть чем ответить. Еще в 1994 г. по указанию Ким Чен Ира в КНДР был создан Комитет за возвращение долгосрочных узников из РК.

Нынешняя администрация РК, отмечает Ким Ен Чхоль, бывший министр национального объединения, а ныне профессор южнокорейского университета Инчжэ, «стерла слово “мир” из всех документов по внешней политике и безопасности. Это беспрецедентная мера с момента появления корейской нации» [5]. Он спорит с теми, кто считает любой диалог и переговоры с КНДР «фальшивым миром» и полагает, что при сохранении нынешнего нестабильного режима перемирия Корейский полуостров превратится в арену геополитической трагедии, место столкновения политик мировых держав [5].

В свете такого отношения нынешней администрации РК к вопросам войны и мира на полуострове вполне логичным выглядит возвращение – после 6-летнего отсутствия – обозначения Северной Кореи как «врага» в вышедшей в феврале 2023 г. в Сеуле «Белой книге по вопросам обороны» за 2022 год⁹.

Такие шаги предпринимаются в обстановке всеобщего падения интереса общественности к проблеме объединения. По мнению ряда экспертов, подавляющее экономическое и военное (с учетом союза с США) превосходство Юга над Севером привело к тому, что общественное мнение стало воспринимать КНДР как «другую страну»¹⁰.

«Ястребам» в окружении Юн Сок Еля особенно не нравилось заключенное при прежнем президенте Мун Чжэ Ине Соглашение от 19 сентября 2018 г. о реализации Пханмунчжомской декларации Севера и Юга в военной сфере. Документ предусматривал реализацию ряда мер по укреплению доверия и снижению напряженности по обе стороны от Военно-демаркационной линии (ВДЛ), разделяющей два корейских государства вдоль 38-й параллели. Запрещалось, в частности, проведение военных учений и боевых стрельб ближе 5 км от ВДЛ. Кроме того, декларацией устанавливалась бесполетная зона, ликвидировались с каждой стороны по 11 стационарных военных постов в демилитаризованной зоне (ДМЗ), восстанавливалась линия прямой связи между военными двух сторон. Сеул и Пхеньян в очередной раз пообещали друг другу превратить ДМЗ на суше в зону мира и создать зону мира на Западном (Желтом) море – в районе, где часто происходили вооруженные инциденты, в ходе которых гибли и люди, и корабли.

Повышенное беспокойство в Сеуле вызывал пункт о бесполетной зоне на западном участке ДМЗ, поскольку в нескольких десятках километров к югу от границы этой зоны уже начинались пригороды Сеула.

Эти претензии усилились после полета в конце декабря 2022 г. нескольких северокорейских дронов, один из которых беспрепятственно оказался в районе расположения офиса администрации президента РК. В ответ южнокорейцы отправили свои дроны к северу от ВДЛ. Хотя даже Командование ООН в Корее, возглавляемое американским генералом, было вынуждено признать, что обе стороны нарушили Соглашение о перемирии в Корее, в Сеуле случилась истерика – вскоре в отставку были отправлены министр обороны и председатель Объединенного комитета начальников штабов¹¹.

⁷ Yoon gov't will 'never' pursue end-of-war declaration: unification minister. *Yonhap*. 03.08.2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230803005300325?section=nk/nk> (accessed 10.12.2023)

⁸ S.Korea resumes task force after 11 years hiatus on its citizens held in N.Korea. *Yonhap*. 14.11.2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231114006100315> (accessed 15.12.2023)

⁹ N.Korea labeled 'enemy' again in S.Korea's Defense White Paper. *Yonhap*. 16.02.2023. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230216001200325> (accessed 23.12.2023)

¹⁰ https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_editorial/1115884.html (accessed 12.01.2024)

¹¹ UN Command says both Koreas violated armistice with drone intrusions. *NK news*. 26.01.2023. <https://www.nknews.org/2023/01/un-command-says-both-koreas-violated-armistice-with-drone-intrusions/> (accessed 15.12.2023)

Новый этап призывов к отмене Соглашения от 19 сентября 2018 г. вызвало нападение ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. В Сеуле стали срочно примерять ситуацию на себя. Судя по заявлениям министра обороны РК и ряда других высокопоставленных деятелей администрации, события на Ближнем Востоке оказались решающим аргументом в пользу «корректировки» Соглашения. Нужен был лишь благовидный предлог для её объявления, который не заставил себя ждать.

21 ноября 2023 г. КНДР успешно осуществила уже довольно давно ожидавшийся запуск разведывательного спутника. На следующий день в Сеуле объявили об отказе соблюдать некоторые положения ст. 1 Соглашения, касающиеся бесполетных зон. При этом южнокорейцы, видимо, учли опыт своего старшего союзника. В 1957 г. США в одностороннем порядке отказались соблюдать не устраивающие их пункты Соглашения о перемирии в Корее 1953 года, однако сохранили выгодный им «каркас» этого документа в целом.

ПХЕНЬЯН «СЖИГАЕТ МОСТЫ»

В ответ северокорейцы решили, что называется, рубануть сплеча, и 23 ноября объявили, что с этого дня они не будут придерживаться никаких ограничений, налагавшихся на них Соглашением от 19 сентября 2018 г., восстановят свои наблюдательные посты в ДМЗ и в целом вернут всё к тому положению, какое существовало до принятия этого документа¹².

Жесткий ответ КНДР на частичную отмену Югом Соглашения от 19 сентября стал, похоже, первым шагом в радикальном пересмотре Пхеньяном всей политики в отношении южного соседа, начавшемся с апреля 2023 г., когда Юн Сок Ель нанес визит в США.

Основные причины нового курса и его основные направления разъяснил на прошедшем 26–30 декабря 2023 г. IX пленуме ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК) 8-го созыва генеральный секретарь ЦК ТПК, председатель Госсовета КНДР Ким Чен Ын. Двумя неделями спустя, выступая на X сессии Верховного Народного Собрания КНДР 14-го созыва, корейский лидер конкретизировал свои разъяснения.

По его словам, США в последнее время «непрерывно дестабилизовали и обостряли ситуацию на Корейском полуострове» [2]. Конкретными проявлениями этой линии, считают в Пхеньяне, стало создание т.н. ядерной консультативной группы – двустороннего органа, призванного больше учитывать мнение Сеула при планировании применения Соединенными Штатами ядерного оружия на полуострове.

Следующим пунктом озабоченностей КНДР стало создание де-факто трехстороннего военного альянса США – Япония – Южная Корея и начавшиеся совместные военные учения этих стран. По мнению Пхеньяна, такие маневры подводят ситуацию на полуострове к «более непредсказуемой и опасной грани». Количество таких учений по сравнению с 2022 г. выросло в 2 раза, сообщил Ким Чен Ын [2].

Лидер КНДР также обвинил Южную Корею в том, что она «полностью превратилась в передовую военную базу и ядерный арсенал США» [2]. Действительно, в рамках стратегии концепции «расширенного сдерживания», согласованной в ходе американо-южнокорейского саммита в Вашингтоне в апреле 2023 г., уже во второй половине того года гораздо более частыми стали заходы в порты РК американских атомных подлодок и атомных авианосцев, а американский стратегический бомбардировщик – носитель ядерного оружия – впервые в истории совершил посадку на её аэродроме.

Но особое возмущение в Пхеньяне вызывала та готовность, если не сказать сильнее – энтузиазм, с которой Сеул подыгрывал Вашингтону, возбуждая чувства «недоверия и вражды» к КНДР. Неудивительно, что наиболее сильные выражения северокорейский руководитель в своей речи на пленуме приберег для характеристики политики Южной Кореи, которая по его словам, играет роль «самого преданного приспешника», «верного пса» в осуществлении враждебной политики в отношении КНДР [2].

При этом в Пхеньяне, пожалуй, впервые публично поставили знак равенства между вообще всеми – и «консервативными», и «демократическими» администрациями Южной Кореи. Те и другие, по его словам, демонстрировали «полную общность» в стремлении «развалить» КНДР и добиться объединения путем «поглощения» Севера Югом. Такой курс, отметил Ким Чен Ын, «прямо противостоит нашей линии по воссоединению родины – “одна нация, одно государство и два строя”»¹³.

¹² Statement by DPRK Ministry of National Defence. KCNA, 23.11.2023. <http://kcna.kp/en/article/q/d487ba90ee598c03e8f4386a35738dc1.kcmsf> (accessed 23.12.2023)

¹³ Имеется в виду предложенная в 1980 г. Ким Ир Сеном идея создания Демократической конфедеративной Республики Корё, заключавшаяся в том, что при сохранении двух региональных правительств и существующих систем на Севере и на Юге на международной арене страна будут выступать как единое государство под упомянутым выше названием (прим. авт.).

Стоит ли удивляться, что в заявления официальных представителей КНДР и комментарии СМИ при характеристике политики Сеула как на международной арене, так и области межкорейских отношений вернулись такие выражения, как «марионетки» и даже «марионеточная свора»¹⁴.

Наконец, в Пхеньяне, конечно же, не могли не обратить внимания на явно провокационное указание Юн Сок Еля, которое он дал в канун нового 2024 года при посещении одной из воинских частей на передовой линии, о том, что случае любой «северокорейской провокации» надо, мол, сначала отвечать, а потом уже докладывать начальству¹⁵.

Но если президенту приходится соблюдать определенные приличия, то его подчиненным это оказалось явно не под силу. Министр обороны РК, выступая 27 декабря на борту нового фрегата «Чхонан», названного так в честь утонувшего в 2010 г. по так и невыясненной причине одноименного корвета ВМС РК, призвал моряков «безжалостно топить» северокорейских «врагов» в случае атаки с их стороны¹⁶.

В Сеуле стали открыто рекламировать тренировки спецподразделений, в задачу которых входит «обезглавливание» военно-политического руководства КНДР, а также вооружения, которые предполагается использовать для решения таких задач. На выставке, которую в первые дни 2024 г. посетил министр обороны РК, в их числе были представлены новейшие беспилотники, изготовленные с применением технологии «стелс», и дроны-убийцы¹⁷.

В итоге в КНДР пришли к выводу о том, что «реалии настоятельно требуют от нас заново определить подход к межкорейским отношениям и к политике по воссоединению» [2].

Надо сказать, разочарование этими реалиями было так велико, что лидер КНДР не удержался от довольно сильных выражений. Считать партнером в деле примирения и объединения «шайку, провозгласившую нас “главным противником”, – это ошибка, которую мы больше не должны допустить», – указал он. Более того, пожалуй, также в первый раз Ким Чен Ын дал понять, что «вражескими стали не только южнокорейское государство, но и само южнокорейское общество, зараженное культурой янки» [2].

В принятом на пленуме ТПК постановлении указывалось, что в создавшихся условиях война для КНДР стала не «абстрактным понятием», а «реальностью», а отношения с Южной Кореей стали отношениями «между двумя воюющими государствами». Так как война, заявил Ким Чен Ын, «может вспыхнуть в любое время», необходимо подготовиться «к овладению всей территорией южной части Кореи». Вместе с тем северокорейский лидер уточнил, что КНДР «никогда не будет развязывать войну в одностороннем порядке» или добиваться «одностороннего объединения в опоре на вооруженные силы» [2].

Проходившая в Пхеньяне всего один день, 15 января 2024 г., X сессия Верховного Народного Собрания КНДР, по словам Ким Чен Ына, «положила конец 80-летним межкорейским отношениям» и по новому законодательно закрепила политику в отношении Южной Кореи «на основе признания двух государств, существующих на Корейском полуострове» [6].

Депутаты единогласно приняли постановление об упразднении Комитета КНДР по делам мирного объединения Родины, Управления по содействию национальной экономике и Управления по международному туризму в горах Кымган и распустили все другие организации, которые занимались вопросами мирного объединения страны. Намечено ликвидировать все линии связи и сообщения между двумя частями страны, в т.ч. обеспечить «невосстанавливаемое» прерывание железной дороги Сеул – Синийчжу¹⁸, поскольку этот железнодорожный маршрут считался «символом обмена и сотрудничества между Севером и Югом».

¹⁴ U.S. High-Ranking Officials' Visits Will Bring about New War Cloud on Korean Peninsula and Asia-Pacific Region. *KCNA*. 08.11.2023.

<http://kcna.kp/en/article/q/520f9be9dfa8657c0a077ee1f62103543fe15e8dec5c66d609870406493474138922c85424e084cb686a1129a11acc9958e59cb4aa4838c45c808019781dc61b.kcmsf> (accessed 05.01.2024)

¹⁵ Yoon orders military to retaliate first, report later in case of enemy attacks. *The Korea Times*, 28.12.2023. <https://www.koreatimes.co.kr/www/common/printpreviws.asp?categoryCode=205&newsIdx=365952> (accessed 04.01.2024)

¹⁶ Mercilessly bury North Korea if it attacks, ROK defense chief orders sailors. *NKnews*, 27.12.2023. <https://www.nknews.org/2023/12/mercilessly-bury-north-korea-if-it-attacks-rok-defense-chief-orders-sailors> (accessed 04.01.2024)

¹⁷ Defense chief calls for maintaining capabilities to strike N.K. leadership. *Yonhap*, 16.01.2024. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240112007100315?input=tw> (accessed 18.01.2024)

¹⁸ Учитывая, что пункт назначения Синийчжу – город на границе КНДР и Китая, это означало, что поезда проследуют через всю Северную Корею вплоть до последней станции на границе с КНР (прим. ред.).

Практическая работа по реализации этих решений уже началась. В конце января 2024 г. на окраине Пхеньяна, на дороге, ведущей к пограничному с РК городу Кэсону, был снесен «Монумент трех хартий объединения»¹⁹ [7].

К следующей сессии высшего законодательного органа КНДР Ким Чен Ын предложил подготовить ряд поправок к конституции, учитывающих новые реалии на полуострове. Наиболее серьезными и, скажем прямо, взрывоопасными, могут оказаться вопросы территориального размежевания между двумя теперь уже официально «враждебными государствами».

Дело в том, что до сих пор в Пхеньяне не акцентировали, например, тот факт, что Конституция Республики Корея объявляет территорией РК весь Корейский полуостров и прилегающие к нему острова²⁰. Возможно, северокорейцы надеялись, что ситуацию удастся как-то уладить в дальнейшем, поскольку обе стороны декларировали стремление к объединению страны. Пока же, согласно основному закону Южной Кореи, КНДР как бы не существует, а её территория – это 5 провинций (по старому административному делению), захваченных мятежниками, которые в Законе о государственной безопасности РК значатся как «антигосударственная организация» под названием КНДР. В РК до сих пор функционирует т.н. Управление пятью северными провинциями (*и пук о-до-чхон*), которое назначает губернаторов провинций и мэров городов на Севере (их офисы, разумеется, остаются в Сеуле) и даже организует спортивные игры выходцев с Севера.

Как отметил Ким Чен Ын, поскольку Республика Корея перестала быть партнером по диалогу, а стала «абсолютно чужой страной» и «самым враждебным государством», необходимо принять законодательные меры по точному определению территориальных пределов, находящихся под государственной властью КНДР [6]. В этой связи руководитель КНДР заявил о непризнании «незаконной северной разграничительной линии»²¹ [6].

Воды в районе этой линии уже неоднократно становились ареной вооруженных стычек Севера и Юга, в ходе которых гибли и корабли, и люди. Дело в том, что США провели её в одностороннем порядке, в отличие от закреплённого в Соглашении о перемирии прохождения Военно-демаркационной линии на суше. Причем ни документа о введении этой линии, ни подтверждения того, как и когда американцы известили об этом северокорейцев, возглавляемое США «Командование ООН в Корее» предъявить не может.

Но самую масштабную работу КНДР предстоит проделать для ликвидации «пережитков прошлых времен» в политической, идеологической и культурной жизни страны, образовании и общественных науках.

Речь идет буквально о тотальном удалении из любой области деятельности понятий, связанных с единством корейской нации, отношениями между «соотечественниками» Севера и Юга, мирным объединением. В рамках нового курса это выглядит вполне понятным – объединяться не с кем, поскольку «соотечественники» на Юге перестали быть таковыми.

Больше того, поставлена задача, сопоставимая по размаху с описанной в прошлом веке всемирно известным писателем-футурологом: «удалить из национальной истории нашей Республики (т.е. КНДР. – А.Ж.) такие концепции, как “объединение”, “примирение”, “соотечественник”» [6].

Между тем в Сеуле заявления Пхеньяна о «враждебных» отношениях поспешили добавить к списку доказательств якобы «антинациональной и антиисторической сути режима» в КНДР²².

И тут нельзя не упомянуть еще об одной, возможно, самой деликатной проблеме, с которой предстоит столкнуться руководству КНДР, реализуя намеченный им курс. Неотъемлемой составляющей своей легитимности оно считает верность заветам Ким Ир Сена и Ким Чен Ира.

Среди этих заветов, изложенных в выступлениях на партийных съездах и конференциях, встречах с иностранными делегациями, в сотнях других выступлениях и статей, тема объединения родины и всё,

¹⁹ Был открыт в августе 2001 г. Согласно этим хартиям, основополагающие принципы в деле воссоединения Кореи – это самостоятельность, мирное объединение, великая национальная консолидация (*прим. ред.*).

²⁰ См.: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=1

²¹ Северная разграничительная линия – спорная морская демаркационная линия в Желтом море между КНДР на севере и РК на юге. Эта линия военного контроля действует как фактическая морская граница между Северной и Южной Кореей (*прим. ред.*).

²² Yoon vows multiple-times stronger punishment in event of N.K. provocation. *Yonhap*, 16.01.2024. <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240116003054315?section=popup/print> (accessed 20.01.2024)

что с ней связано, – одна из центральных. Пропганда постоянно убеждала северокорейцев в мудрости и непогрешимости их вождей и заодно – в необходимости жертвовать многим во имя будущего воссоединения. Возможно, для многих в Корее теперь «распалась связь времен».

Или всё опять пойдет по столь знакомому замкнутому кругу: конфронтация – разрядка – снова противоборство?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первые дни 2024 г. в районе Северной разграничительной линии произошел обмен артиллерийскими залпами. В ответ на боевые стрельбы Севера в районе контролируемых Югом островов южнокорейцы ответили двойным количеством залпов (400 выстрелов на 200, сделанных со стороны КНДР). Пока что обе стороны позаботились о том, чтобы их снаряды упали в море в пределах их собственных территориальных вод.

Как будут развиваться события, если у какой-то из сторон случится «перелет», остается только догадываться.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Peace and Cooperation. White paper on Korean Unification. 1996. Ministry of National Unification, Republic of Korea, pp. 200–207.
2. Report on 9th Enlarged Plenum of 8th WPK Central Committee. *KCNA*, 31.12.2023. <http://www.kcna.kp/en/article/q/5a9ffe6e4d6704ac1838b14785365295.kcmsf> (accessed 10.01.2024).
3. О Социалистической Конституции Корейской Народно-Демократической Республики. Корея, Пхеньян, 1975, С. 311.
1975. On Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea. Pyongyang, p. 311. (In Russ.)
4. Socialist Constitution of the Democratic People's Republic of Korea. Pyongyang, Korea. 1972, p. 3.
5. Kim Yeon-chul. To those who call dialogue and negotiation “false peace”. 10.07.2023. <http://english.hani.co.kr/arti/PRINT/1099484.html> (accessed 23.12.2023)
6. Respected Comrade Kim Jong Un Makes Policy Speech at 10th Session of 14th SPA. *KCNA*, 16.01.2024. <http://kcna.kp/en/article/q/f4bf631617198851f067bd66d7f48d18.kcmsf> (accessed 20.01.2024)
7. Ким Ир Сен. Три хартии объединения родины. Издательство литературы на иностранных языках. Корея. Пхеньян. 98 чучхе (2009).
Kim Il Sung. 2009. Three Charters for National Reunification. Korea, Pyongyang. 98 Juche. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия.

Alexander Z. Zhebin, PhD (Political Science), Leading Researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 30.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 27.02.2024

DOI: 10.31857/S032150750030440-6

Отношения Индии и Тайваня на современном этапе

© Ломова А.А.^а, 2024

^а ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0004-3178-7480; lomova.dip@list.ru

Резюме. В статье рассматриваются тенденции развития отношений Индии и Тайваня.

Автор отмечает, что сотрудничество двух сторон стало постепенно развиваться начиная с 90-х годов XX в. Важной вехой в наращивании их взаимодействия послужил приход к власти на Тайване в 2016 г. администрации Демократической прогрессивной партии (ДПП) и провозглашение «Политики продвижения на Юг», что совпало по времени с активным развитием восточного направления внешней политики Республики Индии и одновременно охлаждением её отношений с Китайской Народной Республикой (КНР).

В статье анализируются исторические предпосылки развития отношений Индии и Тайваня и их современные векторы. Отмечается, что наиболее эффективное взаимодействие сторон налажено в сферах экономики, науки и технологий, культурно-гуманитарного сотрудничества. Уделено внимание реакции КНР на развитие взаимодействия двух сторон.

Автор делает вывод, что, несмотря на развитие экономических и гуманитарных связей по линии Тайбэй – Нью-Дели, Индия продолжает придерживаться «политики одного Китая», заинтересована в стабильной, предсказуемой ситуации в Тайваньском проливе.

Победа лидера ДПП Лай Циндэ на выборах, которые состоялись на Тайване в январе 2024 г., а также проведение в Индии парламентских выборов в апреле–мае 2024 г., по мнению автора, не изменят общих тенденций развития отношений двух сторон.

Ключевые слова: Тайвань, КНР, Китай, Индия, политика одного Китая

Для цитирования: Ломова А.А. Отношения Индии и Тайваня на современном этапе. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 15–21. DOI: 10.31857/S032150750030440-6

Relations between India and Taiwan at the Present Stage

© Anastasia A. Lomova^a, 2024

^a IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0004-3178-7480; lomova.dip@list.ru

Abstract. The article examines current trends in the development of relations between India and Taiwan.

The author notes that relations between India and Taiwan began developing gradually since the 1990s. Since the Democratic Progressive Party (DPP) came to power in Taiwan in 2016 and proclaimed the “The New Southbound Policy”, which coincided with the active development of the East direction of the Republic of India’s policy and at the same time the deteriorating of its relations with the People’s Republic of China (PRC), the intensification of cooperation between the two sides began.

The author analyzes the historical background for the development of relations between India and Taiwan and their modern vectors. It is noted that the most effective cooperation between the two sides is in the areas of economics, science and technology, as well as in cultural and humanitarian exchanges.

Attention is paid to the reaction of the PRC to the development of cooperation between India and Taiwan. The author concludes that despite the development of economic and humanitarian ties along the Taipei – New Delhi line, India continues to adhere to the “one China policy” and is interested in a stable, predictable situation in the Taiwan Strait.

The victory of DPP leader Lai Ching-te in the elections held in Taiwan in January 2024, as well as the results of the coming parliamentary elections in India in April–May 2024, as the author considers, will not change the general trends in the development of relations between the two sides.

Keywords: Taiwan, PRC, China, India, one China policy

For citation: Lomova A.A. Relations between India and Taiwan at the Present Stage. *Asia and Africa today*. № 3. 2024. Pp. 15–21. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030440-6

ВВЕДЕНИЕ

После прихода к власти на Тайване в 2016 г. Цай Инвэнь (председатель Демократической прогрессивной партии ДПП в 2008–2022 гг.; глава Тайваня с 20 мая 2016 г.) её администрация приступила к реализации «Новой политики продвижения на юг», в основе которой лежит идея более активного взаимодействия со странами Южной и Юго-Восточной Азии. В рамках этого направления заметно укрепились связи Тайваня с Индией. За период с 2016 по 2023 г. их двусторонний товарооборот вырос на 62,5% (с \$5 млрд до \$8 млрд)¹, развивается индийско-тайваньское культурно-гуманитарное и научно-техническое взаимодействие.

Избранный глава администрации Лай Циндэ, одержавший победу в январе 2024 г. на выборах с повесткой о необходимости провозглашения независимости Тайваня, как ожидается, продолжит курс на поддержание и развитие взаимодействия с Индией.

При этом в XXI в. можно выделить две, казалось бы, противоречащие друг другу, особенности отношений Индии и Тайваня: первая – в исторической ретроспективе Индия всегда придерживалась «политики одного Китая»; вторая – очевидная интенсификация их взаимодействия.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНДИЙСКО-ТАЙВАНЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

С момента установления в 1950 г. дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой (КНР) и Республикой Индией Индия последовательно придерживалась «политики одного Китая». Несмотря на ухудшение отношений между КНР и Индией после пограничной войны 1962 г. и одновременно попытку тайваньских властей улучшить отношения с Нью-Дели, индийское правительство продолжало следовать стратегическому курсу на поддержание отношений с Пекином, а позже способствовало восстановлению места КНР в ООН в качестве представителя китайского народа вместо Тайваня².

Новый этап в отношениях Индии и Тайваня начался в 1990-х гг. Кризис мировой политической системы, связанный с окончанием холодной войны и распадом СССР и, соответственно, падением престижа социалистической системы в целом, совпал с изменениями во внутренней (прежде всего экономические реформы, проводившиеся в стране с 1991 г. [1, с. 78]) и внешней политике Индии (принятие новой внешнеполитической стратегии Индии *Look East* («Взгляд на Восток»). Всё это привело к сближению Нью-Дели и Тайбэя.

В 1995 г. было открыто первое неофициальное представительство Тайваня в Индии – Тайбэйский экономический и культурный центр в Нью-Дели и Индийско-Тайбэйская ассоциация соответственно на Тайване. После прихода к власти на Тайване в 2000 г. Демократической прогрессивной партии (ДПП) отношения между Индией и Тайванем получили еще больший импульс к развитию. В 2002 г. стороны подписали Соглашение о защите инвестиций, а также были запущены прямые авиарейсы Нью-Дели – Тайбэй. В 2004 г. с неофициальным визитом в Тайвань прибыл бывший министр обороны Индии (1998–2004 гг.) Джорж Фернандес [2, р. 222]. По информации военных аналитиков, он помог развитию сотрудничества Тайваня и Индии в области обмена разведанными. Несмотря на скудную информацию о взаимодействии двух сторон в этой области, эксперты КНР считают, что в Индии были созданы пункты для наблюдения за системой связи на юго-западе материкового Китая, а сам проект получил название «Потайная дверь» [3].

К 2010 г. Индия и Тайвань подписали в общей сложности семь двусторонних соглашений, включая Меморандум о сотрудничестве в области науки и технологий, чтобы обеспечить официальный канал

¹ India-Taiwan trade vol to touch \$13 bn in three years. *The Times of India*. 17 July, 2023. <https://timesofindia.indiatimes.com/city/chennai/india-taiwan-trade-vol-to-touch-13-bn-in-three-years/articleshow/101057235.cms> (accessed 28.12.2023)

² Резолюция № 2758 от 25 октября 1971 года «О восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединённых Наций».

сотрудничества в научно-технической сфере, а также Меморандум о сотрудничестве и обмене в области образования, позволяющий индийским студентам обучаться на Тайване, а тайваньским в Индии. По состоянию на 2023 г. 3000 индийских студентов проходят обучение на Тайване³. Наибольшее число стипендий в тайваньских университетах на обучение по программам подготовки научных кадров (PhD) в 2024 г. было назначено студентам из Индии⁴.

Сенсационной в 2007 году стала «транзитная остановка» лидера партии Гоминьдан и будущего главы администрации Тайваня Ма Инцзю (2008–2016), посетившего Мумбаи по пути в Африку. Он стал первым (тогда еще будущим) тайваньским лидером, который нанес визит, пусть и неофициальный, в Индию.

В 2012 г. Тайвань открыл еще один Тайбэйский экономический и культурный центр в индийском городе Ченнаи, а в 2023 г. объявил о планах открытия такого центра в Мумбаи.

Продвижение политики Тайваня в отношении Индии проходило не без препятствий: религиозные и культурные различия, непосредственное противодействие КНР и связанные с этим ограничения [4, с. 64], но тем не менее его можно назвать успешным. Это нашло непосредственное отражение в активизации торгово-экономических связей сторон.

Согласно данным Министерства экономики Тайваня, товарооборот Индии и Тайваня в 2001 г. составил \$1,19 млрд, а в 2021 г. – \$7,7 млрд⁵. Тайвань занимает 14-е место по экспорту из Индии и 18-е – по импорту⁶. Размер его инвестиций в индийскую экономику составил \$879 млн за период с 2018 по 2023 г. [5].

С 2009 г. стороны ведут переговоры о заключении соглашения о свободной торговле [6, р. 49], но по состоянию на декабрь 2023 г. оно так и не было подписано. В настоящее время в Индии действуют более 80 тайваньских компаний и организаций. Основной объем тайваньского экспорта в Индию включает интегральные схемы, оборудование и другую электронную продукцию. Самыми востребованными направлениями тайваньских инвестиций являются высокотехнологичные и трудоемкие отрасли. Тайвань – лидер производства полупроводниковой продукции, его доля в общемировом производстве составляет более 60%⁷. Заметно активизировалось сотрудничество сторон в сфере полупроводников: по ожиданиям, к 2030 г. общий доход полупроводниковой промышленности может достичь \$1 трлн при годовом темпе роста на уровне 10%⁸.

Перспективной сферой сотрудничества является и трудовая миграция. Поскольку Тайвань ежегодно нуждается в 60 000–80 000 (в перспективе до 400 000 в период до 2030 г.) привлеченных рабочих из-за границы⁹, то возможное соглашение сторон в сфере трудовой миграции могло бы покрыть потребности тайваньской экономики.

Учитывая потенциал индийского рынка и определенную взаимодополняемость экономик Индии и Тайваня, можно предположить, что их экономические и торговые отношения имеют возможности для развития. Индия представляет собой обширный рынок сбыта, богата ресурсами, отличается низкой стоимостью рабочей силы и большим потенциалом экономического развития.

ЦАЙ ИНВЭНЬ: «ВРАГ МОЕГО ВРАГА – МОЙ ДРУГ»

В 1999 г. Нарендра Моди (премьер-министр Индии с мая 2014 г., лидер Бхаратия джаната парти, БДП) посетил Тайвань во время своего пребывания на посту генерального секретаря БДП. Администрация Тайваня неоднократно подчеркивала этот факт в своих заявлениях, считая, что фундамент благоприятного развития отношений двух сторон был заложен еще тогда.

³ Invest India. <https://www.investindia.gov.in/country/taiwan-plus> (accessed 28.12.2023)

⁴ 2024 MOFA Taiwan Fellowship Candidates. http://taiwanfellowship.ncl.edu.tw/eng/news_detail.aspx?sn=2101 (accessed 28.12.2023)

⁵ Taiwan India Relations (Taipei Economic and Cultural Center in India). https://www.roc-taiwan.org/in_en/post/39.html (accessed 28.12.2023)

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Supply Chain Summit: It takes Taiwan and India together to make semiconductors a trillion-dollar industry by 2030. <https://digitimes.com/news/a20231114VL206/supply-chain-summit-india-taiwan-semiconductor-ict-manufacturing.html> (accessed 28.12.2023)

⁹ Editorial: Taiwan, India working together (2023). *The Taipei Times*. <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2023/12/06/2003810191>

При администрации Цай Инвэнь целью Тайваня стало снижение своей экономической зависимости от материкового Китая. Этому во многом должна была способствовать «Новая политика продвижения на юг», которая близка по духу индийской политике «Взгляд на Восток» и её обновленной версии, представленной Н.Моди, «Действуй на Востоке» (Look East/Act East). Ключевой тезис индийской и тайваньской стратегий – приоритетное развитие отношений со странами азиатского региона для диверсификации своих экономик.

Кроме того, по мнению китайских экспертов, «одной из важнейших причин для властей Тайваня развивать отношения с Индией является её антипатия к Китаю» [3].

Тайваньский лидер неоднократно подчеркивала свое благожелательное отношение к Индии, которую называет «яркой, разнообразной и красочной страной» [7]: она делится своими фотографиями на фоне Тадж-Махала, рассказывает о пристрастиях в индийской кухне и поздравляет Н.Моди с днем рождения [8].

Индийское политическое руководство занимает жесткую позицию в отношении Китая. Так, Нарендра Моди известен своей критикой КНР, которая заметно усилилась после столкновений военных двух стран в приграничных районах. Тем не менее относительно Тайваня он проявляет сдержанность и не дискредитирует поддержку Индией «политики одного Китая».

ИНДИЯ – ТАЙВАНЬ ИЛИ ИНДИЯ – КНР?

Некоторые тайваньские эксперты полагают, что налаживание отношений между администрацией Тайваня и Индией связано, прежде всего, с усилением китайско-индийских столкновений на границе. Они считают, что политическое измерение тайваньско-индийских отношений может получить новое развитие по мере роста противостояния между Нью-Дели и Пекином. Однако есть несколько аргументов против этой точки зрения.

Во-первых, несмотря на сложную историю отношений между Индией и Китаем, политика Индии в отношении КНР никогда фундаментально не менялась. Индия и Китай являются важными партнерами, продолжают сотрудничество в рамках многосторонних международных механизмов.

Во-вторых, развитие экономических и торговых отношений между Тайванем и Индией несопоставимо по масштабам с китайско-индийским сотрудничеством в сфере экономики. В настоящее время доля Тайваня и Индии в экономиках друг друга составляет менее 1% [5], в то время как доля Китая в общем объеме импорта Индии за 2023 фин. г. составляет 14%¹⁰. Сохраняется значительный торговый дисбаланс в китайско-индийских отношениях, что свидетельствует о потенциальных трудностях в случае отказа (если не о его невозможности) от экономических связей с материковым Китаем.

В-третьих, тенденция развития внутривосточной ситуации в КНР свидетельствует о её твердом намерении воссоединиться с Тайванем как важной составляющей «великого возрождения китайской нации» [9, с. 152] и претворения в жизнь «двух столетних целей». Председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал взаимосвязь этих идей. При сохранении этого тренда развитие изолированных индийско-тайваньских отношений представляется в долгосрочной перспективе нецелесообразным для Индии.

Поддержка Тайваня со стороны США и сближение Дели и Вашингтона в контексте китайско-американского противостояния, а также общее ухудшение китайско-индийских отношений в результате пограничных столкновений могут создать впечатление, что у Индии и Тайваня в настоящее время открыто окно дополнительных возможностей для увеличения пространства взаимодействия.

Такого рода предположения циркулирует в западных, тайваньских и некоторых индийских СМИ. Широкое распространение получила информация, что два члена парламента от БДП – правящей партии Индии – в онлайн формате присутствовали на церемонии вступления в должность Цай Инвэнь, которая состоялась как раз спустя некоторое время после начала столкновений на границе [10]. С другой стороны, это не выразилось в каких-либо конкретных шагах или действиях, направленных на установление более тесных индийско-тайваньских отношений по линии партийных элит.

¹⁰ ICRA Limited. 2023. Thematic Report. China's large share in Indian imports and cost advantage to result in slow reduction in reliance. India-China trade and financial flows.

Тайваньско-азиатский фонд обменов опубликовал многостраничный доклад «Тайвань и Индия: перспективы отношений»¹¹, где среди прочих аспектов отмечаются попытки Тайваня наладить отношения с Индией по линии партийного взаимодействия. По их логике, поскольку партии имеют негосударственную природу, то и контакты по партийной линии не нарушают «политику одного Китая», но при этом являются эффективным механизмом взаимодействия. Эксперты считают успешными подобные отношения с Японией, где на межпартийном уровне создана Тайваньская проектная группа (*Taiwan Project Team*). В отношении же Индии они отмечают «отсутствие координации» и «спорадический характер» таких попыток налаживания сотрудничества [11].

В своей работе «Дилемма Тайваня и КНР: какими могут быть траектории политики Индии» индийский исследователь Манодж Кумар Паниграхи (он был одним из первых студентов, обучавшихся на Тайване в рамках программы студенческого обмена) отмечает, что в случае военного конфликта Пекина и Тайбэя Индия столкнется с необходимостью эвакуации своих граждан из-за границы и возможной блокировкой морской торговли в Восточной Азии [12].

В целом «правительство Индии старается избегать шагов, связанных с Тайванем, которые могут ухудшить и без того сложные отношения с Китаем» [13], несмотря на призывы отдельных политиков применять диверсифицированный подход в отношениях с КНР. Министр иностранных дел Индии С.Джайшанкар отметил значительный уровень индийско-тайваньского сотрудничества в сфере технологий, экономики и бизнеса, но при этом на вопрос о возможной экономической блокаде Тайваня со стороны властей КНР заявил: «Я не оперирую гипотезами»¹². Более того, самой Индии невыгодно обострение отношений по берегам пролива, поскольку 55% торговли стран региона Индийского океана проходит через Южно-Китайское море и непосредственно через Тайваньский пролив [13].

Политика Индии основана на идее прагматизма, в текущей ситуации нет оснований предполагать, что Республика будет действовать в ущерб собственным национальным интересам и откажется от поддержки «политики одного Китая». В то же время это не мешает ей продолжать развивать контакты с администрацией Тайваня для удовлетворения потребностей своей экономики и использования его в качестве рычага воздействия на Пекин. Такой же логике с большой вероятностью будет следовать и новое правительство Индии после парламентских выборов, запланированных на апрель–май 2024 г.

ПОЗИЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Официальные лица Китая неоднократно подчеркивали преемственность линии Индии на поддержание дипломатических отношений с КНР и следование «политике одного Китая». Позиция китайских властей строится на идее, что народы Китая и Индии – представители двух древнейших цивилизаций, которые развивали успешное взаимодействие более двух тысяч лет (правда, некоторые индийские эксперты весьма скептически относятся к данному тезису [14]), поэтому стратегической основой их отношений должны быть взаимные уступки и взаимовыгодное сотрудничество. После пограничных столкновений число контактов двух стран по линии высших руководителей снизилось, но они не прекратились полностью. Так, например, с 2019 г. не проводились встречи лидеров в рамках двустороннего механизма – неформального саммита Китай – Индия, но в то же время Си Цзиньпин и Н.Моди продолжают проводить переговоры на полях БРИКС, ШОС и других многосторонних площадках.

В китайских академических кругах интенсификация отношений Индии и Тайваня рассматривается в рамках стратегической конкуренции КНР и США, в своих работах они призывают Республику Индия «определиться» с кругом союзников и партнеров. Они полагают, что исторически верный путь для Индии – политика неприсоединения, считая сотрудничество по линии Юг – Юг приоритетным для её собственного развития [15].

¹¹ Перспективы отношений – вариант перевода с китайского, с английского – придание стратегического характера отношениям (*прим. авт.*).

¹² Заявление министра иностранных дел Индии С.Джайшанкара в ходе беседы с журналистами. https://youtu.be/RI6AJnAJdyA?si=aM_hInM7SuHXPM9P (accessed 28.12.2023)

С другой стороны, исследователи Китая призывают обращать внимание на «возможный сговор» Индии и Тайваня, где «независимость Тибета» может быть увязана с «независимостью Тайваня» [3]. По их мнению, в этом ключе можно рассматривать приглашение администрацией Тайваня Далай-ламы, и в то же время возможную поддержку тибетцами развития отношений между нынешней тайваньской администрацией и Индией [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента установления дипломатических отношений между КНР и Индией Дели никогда не менял своей позиции по тайваньскому вопросу и всегда придерживался «политики одного Китая». С 1990-х гг. как результат изменений в международной обстановке после окончания холодной войны, ускорения процессов глобализации и региональной экономической интеграции, взаимодействие между Тайванем и Индией становится всё более тесным, развиваются их экономические и культурно-гуманитарные связи.

После прихода к власти Цай Инвэнь администрацией Тайваня была принята «Новая политика продвижения на юг», что открыло Тайваню новые возможности для развития отношений с Индией – ключевой страной Южной Азии. Учитывая потенциал индийского рынка и определенную взаимодополняемость экономик Индии и Тайваня, можно считать, что их экономические и торговые отношения, сотрудничество в сфере полупроводниковой промышленности получают новые возможности для дальнейшего развития.

Администрация Тайваня, по-видимому, надеется получить таким образом дополнительную внешнюю поддержку. Однако Нью-Дели, несмотря на непростой период в отношениях с КНР ввиду обострения ситуации на общих участках границы и активизацию отношений с Тайбэем, намерен сохранять историческую линию преемственности своей внешней политики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Куприянов А.В., Макаревич Г.Г. Индия в постбиполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире. *Международная аналитика*. 2021. Т. 12, № 2. С. 74–92. DOI 10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92.
Kupriyanov A.V., Makarevich G.G. 2021. India in the Post-Bipolar World: 30 Years of Searching the Place. *International Analytics*. Vol. 12, № 2. Pp. 74–92. (In Russ.). DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92
2. Singh T. 2019. India-Taiwan Relations: Burgeoning Economic Engagements. *Indian Foreign Affairs Journal*, vol. 14, № 3, pp. 222–234. *JSTOR*. <https://www.jstor.org/stable/48636728> (accessed 28.12.2023)
3. 张华:警惕台印相互勾结 (Zhang Hua. Be aware of collusion between Taiwan and India). (In Chin.). <https://www.huaxia.com/c/2017/07/17/521860.shtml> (accessed 28.12.2023)
4. 冯峥 台湾地区与印度关系 新动向: 回顾与前景分析 现代台湾研究2017年 2期 59-66 (Feng Zheng. 2017. New Trends in Relations between Taiwan and India: Review and Prospect Analysis. *Modern Taiwan Studies*. Iss. 2. Pp. 59–66). (In Chin.)
5. Jha M.K. India-Taiwan: No FTA on the card amid ambiguous foreign policies. 2023. <https://financialexpress.com/business/defence-india-taiwan-no-fta-on-the-card-amid-ambiguous-foreign-policies-3088633/> (accessed 01.01.2024)
6. Pathak S., Hazarika O.B. 2020. India-Taiwan economic relations: charting a new path. *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations*, Vol. 6, № 1, pp. 37–68.
7. Ghosh R. 2020. Taiwan President Tsai Ing-wen reveals her favourite Indian dishes in viral post. *India today*. <https://www.indiatoday.in/trending-news/story/taiwan-president-tsai-ing-wen-reveals-her-favourite-indian-dishes-in-viral-post-read-here-1732142-2020-10-16> (accessed 28.12.2023)
8. Chaudhury D.R. 2023. Taiwan's top leadership gains huge popularity among Indian netizens amid China standoff. *The Economic Times, India*. <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/taiwans-top-leadership-gains-huge-popularity-among-indian-netizens-amid-china-standoff/articleshow/78745315.cms> (accessed 28.12.2023)
9. Ломанов А. От воссоединения к национальному возрождению: современный китайский взгляд на проблему Тайваня. *Пути к миру и безопасности*. 2022. № 2 (63). С. 150–174.
Lomanov A. 2022. From unification to national revival: China's contemporary approach to the Taiwan problem. *Pathways to Peace and Security*. № 2(63). Pp. 150–174. (In Russ.)
10. Vanvari N., Tan A.C. 2021. India, Taiwan and the Indo-Pacific: Economic-Security Strategic Partnership and Expected Utility. *Theory Journal of Asian Security and International Affairs*. Vol. 8, Iss. 1. Pp. 98–126. DOI: 10.1177/2347797021992531

11. Yang A. H., Hashmi S. 2022. Taiwan and India Strategizing the Relations. Taiwan India exchange foundation. <https://www.taef.org/doc/1075> (accessed 28.12.2023)
12. 林行健 因應潛在兩岸衝突影響 學者建議印度多與台灣接觸 (Lin Xingjian. In response to the impact of potential Taiwan Strait conflict, scholars suggest more contact between India and Taiwan). (In Trad. Chin.). <https://www.cna.com.tw/news/aip/202310280209.aspx> (accessed 28.12.2023)
13. Menon S. Taiwan: An Indian view. 2022. *The Brookings Institution*. <https://www.brookings.edu/articles/taiwan-an-indian-view/> (accessed 28.12.2023)
14. Madan T., Gokhale V., Menon S. 2023. A big-picture look at the India-China relationship. The Brookings Institution. <https://www.brookings.edu/articles/a-big-picture-look-at-the-india-china-relationship/> (accessed 28.12.2023)
15. 楼春豪 印度战略投机“多头下注”能持久吗 (Lou Chunhao: How long can last India's strategic speculations). (In Chin.). <https://m.huanqiu.com/article/4EXiIyXZjXp> (accessed 24.12.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ломова Анастасия Александровна, кандидат политических наук, научный сотрудник центра Индоокеанского региона ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва, Россия.

Anastasia A. Lomova, PhD (Political Science), Researcher, Center of the Indo-Pacific Region, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 27.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 22.02.2024

Методы влияния администрации Дж.Байдена на политику Японии в сфере безопасности

© Плаксин А.Д.^a, 2024

^a Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия

ORCID: 0009-0004-1601-3786; pl.aleksander25@gmail.com

Резюме. Статья посвящена анализу способов воздействия администрации Дж.Байдена на политику Японии в сфере безопасности. Автор оценивает перспективы развития американско-японских отношений, способных уже в ближайшем будущем оказать существенное влияние на расстановку сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Были проанализированы следующие вопросы: степень заинтересованности японского правительства в участии в военных блоках под эгидой США, развитие двусторонних отношений Японии с ближайшими союзниками Соединенных Штатов и реакция Вашингтона на соответствующие действия Токио. Рассмотрено также влияние взятого Токио курса на милитаризацию внешней политики и на дальнейшее развитие американско-японских отношений.

Была выявлена тенденция к углублению американско-японского сотрудничества в сфере безопасности, набирающая обороты благодаря проводимому руководством Японии курсу, направленному на милитаризацию внешнеполитической деятельности, а также осуществлению гибкой политики в отношениях с Вашингтоном. Подчеркнуто, что в ряде случаев данная политика идет вразрез с национальными интересами Токио.

Ключевые слова: Япония, администрация Джо Байдена, военные блоки, политика безопасности, оборонный бюджет, влияние США в АТР

Для цитирования: Плаксин А.Д. Методы влияния администрации Дж.Байдена на политику Японии в сфере безопасности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 22–29. DOI: 10.31857/S032150750030441-7

Methods of Influence of the J.Biden Administration on Japanese Security Policy

© Alexander D. Plaksin^a, 2024

^a Institute of China and Modern Asia,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0004-1601-3786; pl.aleksander25@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ways in which the Joseph Biden administration influences Japan's security policy in order to assess the prospects for the development of US-Japanese relations, which could have a significant impact on the balance of power in the Asia-Pacific region in the near future.

To achieve the goal of the study, questions were analyzed regarding the interest of the Japanese government in participating in military blocs under the auspices of the US, the development of bilateral relations between Japan and the closest allies of the United States, Washington's reaction to the corresponding actions of Tokyo, as well as the impact of the course of militarization of foreign policy set by Tokyo for the development of US-Japanese relations.

As a result of the study a trend towards deepening US-Japanese security cooperation was identified, which is gaining momentum owing to the course pursued by the Japanese administration aimed at militarizing foreign policy activities, as well as the implementation of a flexible policy in relations with Washington, in some cases running counter to the national interests of Tokyo.

Keywords: Japan, Joe Biden administration, military blocs, security policy, defense budget, US influence in the Asia-Pacific region

For citation: Plaksin A.D. Methods of Influence of the J.Biden Administration on Japanese Security Policy. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 22–29. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030441-7

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы ускорились темпы формирования многополярного мироустройства, что стало ударом по прежней системе международных отношений, основанной на доминировании одного гегемона – США. В качестве инструмента борьбы с такого рода тенденциями Белый дом сделал ставку на расширение сети т.н. партнерских отношений путем консолидации позиций по вопросам безопасности, как экономической, так и военной, с союзническими странами всех регионов мира. Действуя подобным образом, США возложили на партнеров бремя взаимных обязательств в интересующих Вашингтон сферах.

На данный момент можно констатировать не самые удачные результаты внешней политики США на Африканском континенте, в регионе стран Ближнего Востока и Латинской Америке. Однако, с другой стороны, европейские страны, члены ЕС и НАТО, практически открыто перестали проводить независимую внешнюю политику. Наиболее противоречивая ситуация сложилась в АТР, обозначенном Вашингтоном в качестве приоритетного направления своей внешнеполитической деятельности. Ряд стран региона предпочли занять нейтральную позицию в период турбулентности международных отношений. В то же время события, связанные с увеличением военной активности КНР и активизацией действий со стороны КНДР, стали поводом для США интенсифицировать попытки налаживания более тесных связей со своими союзниками в регионе.

В сложившейся ситуации именно на Японию возложена основная роль страны, проецирующей стандарты западного миропорядка в АТР. На это указывают и неоднократные высказывания официальных лиц США и самой Японии.

Резкие действия нынешних японских властей направлены на поддержку общей линии политики Вашингтона. Так, Токио, выстраивавший долгое время вполне прагматичные отношения с РФ с прицелом на продолжение переговоров по возвращению Японии северных территорий и заключение мирного договора, одним из первых заговорил о введении санкций против России в 2022 г. И это в то время, как большинство стран региона воздержались от подобных заявлений [1].

Также при посредстве Японии США методично переносят сценарий своей внешней политики в Европе на Тихоокеанский регион. 12 мая 2022 г. премьер-министр Японии Фумио Кисида в ходе встречи с представителями Европейской комиссии Урслой фон дер Ляйен и председателем Европейского совета Шарлем Мишелем продекларировал тезис Вашингтона о том, что сложившаяся в Европе ситуация сотрясает фундамент мирового порядка не только в данном регионе, но и в Азии, а безопасность в Европе и в Тихоокеанском регионе неразделимы. При этом японский премьер отождествил возможность действий КНР в отношении Тайваня с действиями России в Европе [2].

БЛОКОВЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИКЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЯПОНИИ

Стоит отметить, что проводимая Токио внешняя политика по сотрудничеству в области безопасности испытывает серьезное давление со стороны Вашингтона. В основе своей она проводится в рамках двух типов взаимодействия: прямое или опосредованное участие в региональных альянсах (как правило, с ведущей ролью США) и выстраивание двусторонних отношений со странами, политика которых не противоречит интересам Вашингтона.

Говоря о членстве Японии в военных альянсах, стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев именно США являются авторами таких инициатив, выступая в роли основных получателей выгоды, позволяющих Вашингтону обеспечить дополнительную поддержку своих предложений, а также разделить бремя их реализации.

В этом контексте стоит упомянуть сделанное Японией предложение о присоединении к альянсу *AUKUS* – трехстороннему пакту безопасности, членами которого являются США, Великобритания и Австралия. Созданный в 2021 г. альянс направлен на увеличение военного потенциала стран-участниц путем совместной разработки и производства современных систем вооружения.

В апреле 2022 г. появилась информация о том, что все участники пакта единогласно выступают за принятие Японии в свои ряды. Для США данная инициатива особенно актуальна в свете череды неудач

в работе по созданию гиперзвукового оружия и последовавших за этим заявлений о продолжении попыток его разработки уже в рамках альянса. Японские средства и технические достижения могли бы поспособствовать продвижению в одном из самых актуальных на данный момент вопросов в сфере вооружения¹.

Однако в мае 2022 г. премьер-министр Японии Ф.Кисида заявил, что его страна не собирается присоединяться к альянсу, но продолжит развивать тесные отношения со странами-членами².

С учетом того, что военное взаимодействие с другими странами является особой темой для обсуждения внутривластным истеблишментом Японии, США предпочитают воздерживаться от сильного давления на Токио в этом вопросе. Как представляется, коллективные решения альянса могут быть негативно встречены оппозиционными партиями Японии, что, в свою очередь, может оказать влияние на рейтинг нынешнего премьера.

В свете этого Вашингтон сделал выбор в пользу тактики, направленной на активную поддержку развития двусторонних связей между членами альянса и Японией. Так, 22 октября 2022 г. Япония и Австралия подписали двустороннее соглашение о сотрудничестве в области безопасности. Документ отразил возможность участия сил самообороны Японии в совместных учениях с австралийскими военными, став первым соглашением подобного рода, заключенным Японией с какой-либо страной, кроме США [3]. 11 января 2023 г. Япония и Великобритания подписали аналогичное соглашение [4].

Кроме того, 4 июня 2023 г. министр обороны Японии Ясукадзу Хамада и его австралийский коллега Ричард Марлес подписали «Меморандум о взаимопонимании по упрощению процедур совместных исследований в области оборонной техники»³. Министры подчеркнули важность поддержания технологического уровня и условились осуществлять еще более тесное взаимодействие в сфере оборонных технологий и науки.

Япония, наравне с США, Индией и Австралией, является участником подписанного еще в 2007 г. Четырехстороннего диалога по безопасности (*QUAD – Quadrilateral Security Dialogue*), за реанимацию которого в последнее время активно взялся Вашингтон. 17 мая 2022 г. пресс-секретарь Белого дома Карин Жан-Пьер, комментируя политику Вашингтона в АТР, заявила: «Оживление и активизация наших союзов и развитие партнерских отношений, таких как *QUAD*, остается ключевым приоритетом для президента. Это жизненно важно для нашей способности продвигать внешнеполитические цели...» [5].

24 мая 2022 г. состоялся саммит лидеров Четырехстороннего диалога по безопасности – США, Австралии, Индии и Японии, а 3 марта 2023 г. прошла встреча министров иностранных дел стран-участниц. Мнения членов альянса в вопросах международной безопасности не столь единодушны, как в *AUKUS*. Так, политика Индии существенно разнится с внешнеполитическим курсом Вашингтона, и по многим проблемным вопросам Дели продолжает соблюдать нейтралитет. Логичным результатом работы альянса на данный момент по большей части являются лишь декларативные заявления, однако координация военной политики стран продолжается.

Еще одним альянсом, с которым всё больше связывают Японию, стал НАТО. Главный военный блок Европы и транслятор американской военной политики в регионе всё чаще и чаще через своих чиновников заявляет о необходимости своего присутствия в АТР в качестве «силы сдерживания» Китая.

Несмотря на заявление премьера Ф.Кисиды, что его страна не планирует становиться членом НАТО, Токио поддержал планы альянса по открытию своего офиса связи в Японии, а посол Японии в США Кодзи Томита отметил, что такой офис должен появиться на территории Японии уже в 2024 г. По задумке авторов этого плана, офис альянса поможет координации с НАТО⁴.

¹ AUKUS 参加、米英豪が日本に打診 極超音速兵器など技術力期待. (US, UK, and Australia approach Japan to participate in AUKUS, expecting technological capabilities such as hypersonic weapons). *Sankei Shimbun*, 12.04.2022. (In Japan.). <https://www.sankei.com/article/20220412-73VOZUMHBVKTFHLLJHSZHUYQU/> (accessed 08.06.2023)

² Япония не планирует вступать в AUKUS, заявил Кисида. *МИА «Россия сегодня»*, 24.05.2022. <https://ria.ru/20220524/aukus-1790317311.html> (accessed 01.06.2023)

³ Japan, Australia to Simplify Joint Research of Defense Assets. *Yomiuri Shimbun*, 05.06.2023. <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/defense-security/20230605-114276/> (accessed 03.06.2023)

⁴ Japan working toward opening of NATO liaison office in Tokyo. *Asahi Shimbun*, 10.05.2023. <https://asahi.com/ajw/articles/14904169> (accessed 07.06.2023)

Не составляет труда догадаться, что в основу подобных действий представителей НАТО в первую очередь ляжет лоббирование интересов Вашингтона. Однако этот шаг со стороны Белого дома может иметь и второе дно, а именно доведение до понимания действующих членов НАТО необходимости возможного оказания военной помощи союзникам в столь отдаленном регионе в случае возникновения критической ситуации (на примере их кооперации в украинском конфликте).

На данном этапе на внешнюю политику Японии Вашингтоном возложена роль связующего звена между членами НАТО и заинтересованными в сотрудничестве с этой организацией странами азиатского региона. Так, став первым премьер-министром Японии, приглашенным для участия в саммите НАТО в Мадриде 29 и 30 июня 2022 г., Ф.Кисида заявил, что уже сейчас страны блока разделяют понимание того, что национальная безопасность в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе неразделимы [6]. Анализируя политику блока в Европе, можно предположить, что и открытие возможности членства в НАТО для стран Азии не является далекой перспективой, а это, в свою очередь, приведет к существенному скачку напряженности в регионе, и без того наполненном межгосударственными противоречиями.

ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ ЯПОНИИ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СТРАНАМИ АТР

Период перехода к многополярному миру предсказуемо отмечен периодическими вспышками замороженных конфликтов. Так, в 2022 и 2023 гг. для внешней политики безопасности Японии серьезным вызовом стал рост напряженности в отношениях с двумя странами региона – КНР и КНДР, происходящий на фоне эскалации двух потенциально конфликтных ситуаций – проблемы, сложившейся вокруг Тайваня, и активизации учебных пусков ракет Северной Кореи.

В вопросе развития тайваньской проблемы Япония выступает не на первых ролях, а скорее, в общем русле стран-единомышленников под эгидой США, выражая осуждение активных действий Китая в Тайваньском проливе и выступая в поддержку Тайваня. Особое беспокойство японского правительства вызывают участвовавшие и приобретающие всё больший масштаб учения КНР.

Так, главный секретарь кабинета министров Японии Хирокадзу Мацуно выразил обеспокоенность в связи с китайскими военными учениями, которые прошли 4 августа 2022 г. недалеко от Тайваня, сразу после визита на территорию острова спикера палаты представителей США Нэнси Пелоси. Отдельно стоит отметить, что одновременно было сделано заявление о том, что японское правительство не в состоянии комментировать сам визит, рассматриваемый Пекином как вмешательство во внутренние дела⁵.

Однако обратной стороной такой политики Токио стал рост напряженности внутри японского общества. В опросе общественного мнения, результаты которого были опубликованы газетой «Асахи симбун» 1 мая 2023 г., отмечается, что 80% японских избирателей проявили обеспокоенность тем, что Япония окажется втянутой в вооруженный конфликт, если США и Китай столкнутся из-за Тайваня. Большинство респондентов заявили, что силы самообороны Японии должны ограничить свою роль арьергардной поддержкой американских вооруженных сил в случае активных действий Китая в отношении Тайваня. 70% выбрали «углубление отношений с Китаем», что намного больше, чем 26%, выбравших «укрепление обороноспособности» [7].

Вашингтон же традиционно избегает высказываний о возможности предоставления гарантии безопасности Тайваню, придерживаясь политики «стратегической неопределенности», а документально подтвержденных обязательств о взаимной обороне принятый в 1979 г. Конгрессом США «Закон об отношениях с Тайванем» не содержит. В нём сказано лишь то, что США будут «рассматривать любые попытки определить будущее Тайваня немирными средствами как угрозу миру и безопасности в западной части Тихого океана, что незамедлительно вызовет серьезную озабоченность Соединенных Штатов»⁶.

На фоне эскалации ситуации у берегов Тайваня для Вашингтона первостепенную роль продолжает играть территориальное расположение Японии, выступающей якобы в роли «щита» США. Несмотря на

⁵ Japan conveys 'concern' to China over drills close to Taiwan. *Asahi Shimbun*, 04.08.2022. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14687139> (accessed 30.05.2023)

⁶ Taiwan Relations Act (96th United States Congress 1979-1980). <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479/text> (accessed 08.06.2023)

протесты местных жителей, 13 января 2023 г. в ходе встречи в Вашингтоне Дж.Байден и Ф.Кисида заявили о планах по размещению на о. Окинава до 2025 г. дополнительного полка морской пехоты в дополнение к уже находящимся там американским силам⁷.

В свете разворачивающихся событий роль Японии в возможном конфликте остается неясной. Опираясь на европейский опыт, США могут ограничиться поставками военной помощи для Тайваня и косвенным втягиванием в конфликт ближайших стран региона, в число которых входит и Япония. В случае же полномасштабного столкновения КНР и США участие Японии в конфликте становится практически предрешенным.

Другим важным вопросом внешней политики национальной безопасности Японии стали кратно увеличившиеся пуски северокорейских ракет. Всего в 2022 г. Северная Корея выпустила около 90 ракет [8], что существенно превышает предыдущий пик пусков, отмеченный в 2017 г.

Токио, как и Вашингтон, не раз выражал протест в ответ на такого рода действия Пхеньяна, но главной реакцией стало резкое сближение позиций Японии и Южной Кореи в вопросе обеспечения безопасности в регионе.

Юн Сок Ёль, избранный в мае 2022 г. президентом Южной Кореи, уже через несколько часов после инаугурации провел встречу с министром иностранных дел Японии Ё.Хаяси, в ходе которой озвучил сообщение о желании начать работу над улучшением отношений между Токио и Сеулом [9].

Беспрецедентное заявление стало сигналом к активизации внешней политики Вашингтона в этом направлении. Следует отметить, что разногласия между Японией и Южной Кореей многие годы осложняли усилия США по укреплению трехстороннего союза в области безопасности со своими азиатскими партнерами. Уже на саммите НАТО 30 июня 2022 г. США вышли с инициативой и призвали две страны отложить в сторону все разногласия для решения всё более важных вопросов безопасности, включающих не только «опасность», якобы исходящую от Пхеньяна, но и ситуацию, сложившуюся в Европе, а также «активные действия» Китая в зоне Тайваньского пролива.

На саммите АСЕАН 13 ноября 2022 г. в Камбодже Дж.Байден заявил, что Соединенные Штаты, Япония и Южная Корея более чем когда-либо единодушны в отношении «опасного поведения» Северной Кореи. Кроме того, отмечается, что США продолжили призывать Токио и Сеул к дальнейшим шагам по улучшению их отношений уже в кулуарах саммита [10].

Результатом усилий Вашингтона стала озвученная министрами обороны трех стран 4 июня 2023 г. в Сингапуре договоренность о начале работы над трехсторонним оборонным диалогом, который позволил к концу 2023 г. начать обмениваться информацией между государствами о запусках северокорейских ракет [11].

Таким образом, США, взяв на себя роль наблюдателя в диалоге между Токио и Сеулом в наиболее значимом вопросе, касающемся национальной безопасности, получили возможность корректировать позиции союзников в проявлении реакций на действия Пхеньяна, а также в будущем распространить влияние сложившегося союза на другие очаги напряженности, появляющиеся в регионе.

Отдельно в контексте развития японских двусторонних отношений в области безопасности стоит выделить японско-филиппинское сотрудничество. С подачи США в 2023 г. Филиппины начали активно развивать взаимодействие по военной линии, достигнув договоренности о расширении присутствия американских военнослужащих на 4 новых военных базах, прибавив их к 5 объектам, уже открытым для присутствия сил США⁸.

Вслед за Вашингтоном Токио также принял решение о развитии связей с Филиппинами в оборонной сфере. Вскоре после достижения американо-филиппинского соглашения, 9 февраля 2023 г. президент Филиппин Фердинанд Маркос-младший посетил Японию, где состоялась его встреча с премьер-министром Кисидой. В ходе встречи было подписано японско-филиппинское соглашение об обороне, позволяющее японским войскам участвовать в учениях по реагированию на стихийные бедствия и гуманитарные нужды на Филиппинах.

⁷ Антикитайский плацдарм США в Азии. *РСМД*, 13.03.2023. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/antikитайskiy-platsdarm-ssha-v-azii/> (accessed 05.06.2023)

⁸ Антикитайский плацдарм США в Азии. *РСМД*, 13.03.2023. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/antikитайskiy-platsdarm-ssha-v-azii/> (accessed 05.06.2023)

Спустя несколько месяцев после встречи на высшем уровне Совет национальной безопасности (СНБ) Японии принял беспрецедентное решение, позволяющее Японии оказывать прямую помощь вооруженным силам развивающихся стран. Первым кандидатом на возможное получение такой помощи были названы Филиппины⁹.

Стоит отметить, что заявление СНБ Японии впервые ознаменовало отход Токио от правила, запрещающего оказание помощи союзническим странам в военных целях. Особенно актуальной данная тема становится в контексте давления Вашингтона на Токио в вопросе предоставлении военной помощи Украине, а также возможной помощи Тайваню в случае военных действий с Китаем.

Хоть и отмечается, что данное решение будет распространяться только на страны, не находящиеся в состоянии военного конфликта, но, принимая во внимание общий курс Токио на пересмотр политики национальной безопасности и постепенный отход от пацифистской направленности в оборонной сфере, можно сделать вывод, что под влиянием Вашингтона уже в ближайшем будущем положительное решение может быть принято по любой стране.

ПЛАНЫ ТОКИО ПО ИЗМЕНЕНИЮ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В контексте принятого СНБ Японии решения стоит отметить, что, продолжая курс на военное сближение с США, за последние полтора года японское правительство добилось существенных изменений в вопросе выстраивания стратегии национальной безопасности страны.

Так, 10 июня 2022 г. на открытии Саммита по безопасности в Азии Ф.Кисида заявил о планах правительства по резкому увеличению военных расходов Японии в течение ближайших 5 лет до 43 трлн иен (≈\$313 млрд) [12]. Таким образом, военный бюджет Японии станет 3-м в мире, после США и КНР и составит 2% от ВВП, что эквивалентно стандарту, который США устанавливает для стран – членов НАТО. Данная информация приобретает особое значение с учетом планов более тесного взаимодействия альянса со странами АТР. В попытке добиться понимания общественности в вопросе значительного увеличения военного бюджета в ежегодном докладе министерства обороны Японии (Белой книге обороны Японии 2022), опубликованном 22 июля 2022 г. отмечается озабоченность государственных органов развитием стратегического соперничества между Соединенными Штатами и Китаем, а также возможными в этой связи последствиями для Азии¹⁰.

К концу 2022 г., опираясь на растущее нагнетание вопросов увеличения военной мощи Китая и беспрецедентного количества проводимых им учений, активизации запусков ракет со стороны КНДР, а также национальный стресс на фоне убийства бывшего премьер-министра С.Абэ, Ф.Кисиде всё же удалось убедить японское общество в необходимости увеличения военного бюджета.

В ходе опроса, проведенного 16 декабря 2022 г., 68% респондентов в Японии и 65% – в США поддержали увеличение военных расходов Японии. Большинство респондентов в обеих странах выразили надежду, что Япония расширит свою роль в поддержании безопасности в Азии¹¹.

Стоит отметить, что приближение Японии к пересмотру подходов к обеспечению безопасности напрямую коррелирует с дальнейшим расширением оборонного сотрудничества с Вашингтоном, а вместе с этим – и ростом зависимости от США в военной сфере. Так, в Стратегии национальной безопасности Японии, представленной 17 декабря 2022 г., уже декларируется переход от традиционной роли сил самообороны Японии как «щита» к роли «щита и меча»¹².

Практическим доказательством зависимости Японии стало озвученное Ф.Кисидой 27 февраля 2023 г. намерение закупить у США 400 крылатых ракет «Томагавк».

Ожидаемо, заявление Кисиды вызвало шквал критики со стороны оппозиционных партий, апеллирующих к неуместности таких трат на фоне социальных и демографических проблем Японии. Особенно

⁹ Japan unveils framework to provide overseas defense assistance. *Yomiuri Shimbun*, 06.04.2023. <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/defense-security/20230406-101952/> (accessed 01.06.2023)

¹⁰ Defense of Japan 2002 (Annual White Paper). https://mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2022/DOJ2022_EN_Full_02.pdf (accessed 09.06.2023)

¹¹ Yomiuri-Gallup poll: Two-thirds of people in Japan, U.S. in favor of Japan strengthening defense. *Yomiuri Shimbun*, 16.12.2022. <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/defense-security/20221216-77773/> (accessed 07.06.2023)

¹² National Security Strategy of Japan. December, 2022. <https://cas.go.jp/jp/siryoku/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed 09.06.2023)

стоит отметить, что данное решение было принято на фоне высказываний представителей Министерства обороны Японии о плачевной ситуации в сфере ВПК, в т.ч. из-за сокращения спроса на отечественную продукцию по причине растущего объема импорта вооружений из США. Если вплоть до 2014 г. из США в Японию было импортировано оружия на общую сумму менее 200 млрд иен (≈\$2 млрд), то к 2019 г. эта сумма выросла до 700 млрд иен (≈\$6,5 млрд)¹³.

В свете сложившейся ситуации можно сделать вывод, что США и в дальнейшем продолжают получать выгоду от такого неравного союза, подталкивая вставший на милитаристские рельсы Токио к всевозможным военным авантюрам, таким как участие в различных региональных военных учениях, предоставление военной помощи странам-союзникам и т.д. Кроме того, разрастающийся на фоне украинского конфликта ВПК США будет нуждаться в значительных рынках сбыта после его завершения, а увеличившийся военный бюджет позволит японскому правительству заключать соответствующие сделки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стрессовая ситуация, в которой на сегодняшний момент находится вся система международных отношений, отчетливо показала, что в своей внешней политике США привержены принципу получения максимально допустимой выгоды, не считаясь при этом с глубинными интересами своих партнеров.

Следует отметить, что декларируемые Вашингтоном «партнерские» отношения внутри различных союзов, блоков и альянсов на деле имеют свою структуру управления и подчинения, а страны-участницы являются лишь элементом управляемой Вашингтоном системы и рискуют попасть под шквал критики и угроз в случае отказа от движения в общем русле. Нынешнее правительство Японии демонстрирует готовность к углублению американо-японского союза, а постепенная милитаризация внешней политики Японии делает роль Соединенных Штатов в её судьбе еще более значимой.

Суммируя все имеющиеся факторы, можно сделать вывод о том, что у США есть намерение уже в обозримом будущем использовать Японию в качестве плацдарма, способного проецировать военно-политический курс Вашингтона на АТР.

Ссылаясь на общую нестабильность в регионе, власти Японии продолжают курс на дальнейшее укрепление союзнических отношений с США. Вместе с тем Токио всё больше рискует быть втянутым в военный конфликт против своей воли. Это начинает вызывать опасения в японском общественном сознании, что, в свою очередь, может стать камнем преткновения для политики Ф.Кисиды в ближайшие годы.

REFERENCES

1. Lies E., Dolan D. Japan imposes sanctions on Russia over actions in Ukraine. *Reuters*, 23.02.2022. <https://reuters.com/world/japan-imposes-sanctions-russia-over-actions-ukraine-2022-02-23/> (accessed 07.06.2023)
2. Yamaguchi M. Japan, EU agree to raise efforts on Russia, in Indo-Pacific. *Associated Press*, 12.05.2022. <https://apnews.com/article/russia-ukraine-japan-asia-tokyo-china-88fa4b1c481a406ee0355fe0701c6901> (accessed 05.06.2023)
3. Mcguirk R. Japan, Australia upgrade security pact against China threat. *Associated Press*, 22.10.2022. <https://apnews.com/article/russia-ukraine-scott-morrison-china-europe-japan-e257060eca590e1c4999bffbde4920f> (accessed 03.06.2023)
4. Lawless J. UK, Japan sign defense deal amid rising concern about China. *Associated Press*, 11.01.2023. <https://apnews.com/article/british-politics-united-kingdom-japan-china-becbad022a2390e47e2f49446da17180> (accessed 07.06.2023)
5. Madhani A., Miller Z. Biden scraps planned visit to Australia, Papua New Guinea to focus on debt limit talks. *Associated Press*, 17.05.2023. <https://apnews.com/article/biden-papua-new-guinea-australia-debt-limit-b2b82fbb82d829f0b8bae87bef741d63> (accessed 02.06.2023)
6. Ikejiri K. Kishida: Security of Indo-Pacific and Europe are 'inseparable'. *Asahi Shimbun*, 30.06.2022. <https://asahi.com/ajw/articles/14657685> (accessed 01.06.2023)

¹³ Japan worried defense industry woes will hurt its ability to react. *Asahi Shimbun*, 27.11.2022. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14765045> (accessed 07.06.2023)

7. Teramoto T. Asahi poll: 56% want only SDF rear support to U.S. in event of Taiwan. *Asahi Shimbun*, 01.05.2023. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14898395> (accessed 29.05.2023)
8. Gozzi L., Ng K. North Korea fires long range missile ahead of Japan-South Korea talks. *BBC*, 16.03.2023. <https://web.archive.org/web/20230319210319/https://www.bbc.com/news/world-asia-64972944> (accessed 07.06.2023)
9. Aibara R., Suzuki T. Yoon: I want to work with Kishida to improve ties. *Asahi Shimbun*, 11.05.2022. <https://asahi.com/ajw/articles/14618296> (accessed 08.06.2023)
10. Tajima H. Japan, S. Korea Confirm Normalization of Military Info-Sharing Agreement. *Yomiuri Shimbun*, 17.03.2023. <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/defense-security/20230317-97916/> (accessed 06.06.2023)
11. Amano Y., Okabe Y. U.S. Leads Trio of Nations Seeking to Enhance Defense Against DPRK Missiles. *Yomiuri Shimbun*, 04.06.2023. <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/defense-security/20230604-114023/> (accessed 01.06.2023)
12. Abe P. Kishida blasts changing status quo through use of military force. *Asahi Shimbun*, 11.06.2022. <https://www.asahi.com/ajw/articles/14642849> (accessed 29.05.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Плаксин Александр Дмитриевич, младший научный сотрудник, Центр японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН; аспирант, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Alexander D. Plaksin, Junior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences; Post-graduate student, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 18.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 30.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 22.02.2024

DOI: 10.31857/S032150750030438-3

Бассейн Амударьи и развитие орошаемого земледелия на севере Афганистана

© Окимбеков У.В.^а, 2024

^а Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3452-3630; ubayd@inbox.ru

Резюме. Статья посвящена вопросам строительства временным правительством талибов (движение запрещено в РФ) гидротехнических сооружений в северных районах Афганистана. В ней, в частности, говорится о ходе работы над наиболее обсуждаемым в экспертных кругах и на уровне правительств отдельных стран региона Центральной Азии (ЦА) *проекте Куштеппа*, который способен в условиях растущего дефицита гидроресурсов оказывать влияние на режим вод реки Амударья.

Приводится краткая предыстория афганских государственных планов развития поливного земледелия с использованием вод этой трансграничной реки, причинах затягивания их реализации, перспективах развития отношений с соседними странами в области совместного использования гидроресурсов.

Дается информация о технических характеристиках планируемых объектов, а также демографии, соотношении поливного и богарного земледелия в афганских северных провинциях, проектах, находящихся на стадии реализации, вероятности их претворения в жизнь, влиянии будущих объектов на развитие национального аграрного сектора, хозяйственную жизнь населения афганского севера.

Ключевые слова: Афганистан, Узбекистан, Амударья, Куштеппа, ирригация, плотина, дефицит воды

Для цитирования: Окимбеков У.В. Бассейн Амударьи и развитие орошаемого земледелия на севере Афганистана. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 30–38. DOI: 10.31857/S032150750030438-3

The Amu Darya River Basin and the Development of Irrigated Agriculture in Northern Afghanistan

© Ubaid V. Okimbekov ^а, 2024

^а Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3452-3630; ubayd@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of construction by the interim government of the Taliban of hydraulic structures in the northern regions of Afghanistan. In particular, it describes the progress of work on the Qoshteppa project, which is the most discussed in expert circles and at the level of governments of some countries in Central Asia, and which is capable of influencing the water regime of the Amu Darya under conditions of growing scarcity of hydro resources.

A brief background of the Afghan state plans for the development of irrigated agriculture based on the waters of this transboundary river, the reasons for delaying their implementation, the prospects for the development of relations with neighboring countries on the joint use of water resources, technical specifications of the planned facilities, information on demography and the ratio of irrigated and rainfed agriculture in the Afghan northern provinces, as well as other projects under implementation, the likelihood of their realization, the impact of future facilities of the Amu Darya and other projects on the development of the national agrarian sector and the economic life of the Northern Afghanistan population in the process of implementation.

Keywords: Afghanistan, Uzbekistan, Amu Darya, Qoshteppa, irrigation, dam, water deficit

For citation: Okimbekov U.V. The Amu Darya River Basin and the Development of Irrigated Agriculture in Northern Afghanistan. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 30–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030438-3

ВВЕДЕНИЕ

Изучению проблем дефицита и рационального использования водных ресурсов, в частности в бассейне Амударьи, посвящено много научных трудов специалистов стран региона ЦА, исследований ме-

ждународных организаций¹. Имеются свежие аналитические работы и о гидропотенциале северных районов Афганистана [1], экологических и политических последствиях роста нехватки воды в будущем, реакции соседних стран, в частности Узбекистана, на строительство канала Куштеппа [2].

ПРОБЛЕМЫ СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД АМУДАРЬИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

В статье автор рассматривает в основном вопросы, связанные с активизацией нынешних афганских властей в деле строительства гидроэнергетических сооружений, берущих начало непосредственно из названной реки, её левых притоков, или же внутренних рек Афганистана, дается анализ происходящих вокруг них процессов в самом Афганистане, ответной реакции представителей правительства талибов на заявления и озабоченности соседних стран.

Рост дефицита водных ресурсов в целом является одним из серьезных вызовов ближайшего будущего [3; 4], в частности, в районе бассейна Амударьи, где с введением в оборот новых крупных ирригационных объектов ситуация может еще больше осложниться.

Напомним, что за последние 30 лет страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) при урегулировании водного вопроса в рамках созданных межгосударственных ведомств² сосредоточились на собственных нуждах и не учитывали вероятный рост потребления со стороны Афганистана – страны, имеющей прямое отношение к речному бассейну Амударьи. После распада СССР основными руководящими документами, определяющими структуру и принципы распределения водных ресурсов реки Амударьи, для указанных стран остались принятые в советское время (1987 г.) протоколы и схемы в которых объем отбора воды Афганистаном указывался равным 2,1 км³/год³.

Возможно, в какой-то мере продолжительный внутриафганский конфликт, погрузивший страну в глубокий политический и социально-экономический кризис, стал причиной того, что Афганистана оказался вне региональных межгосударственных комиссий по совместному использованию водных ресурсов.

На протяжении 1990-х гг. междоусобные войны действительно ограничили возможности пришедших к власти группировок моджахедов, а затем талибов в решении социально-экономических вопросов. С созданием Исламской Республики Афганистан (ИРА) на протяжении 20 лет её существования (2001–2021 гг.) частично реализовывались, но по разным причинам так и не были завершены проекты строительства многих ирригационных сооружений, намеченные в национальных программах развития. Процесс получил некоторое развитие после повторного захвата Кабула талибами (август 2021 г.), которые собственными силами продолжают строительство многих объектов ирригации.

В новых условиях, когда страна оказалась под контролем одной политической силы, способной в определенной мере обеспечить стабильность, власти первым делом поставили вопрос увеличения фонда поливных земель, в частности, в северном регионе. Такой шаг талибов заставил соседние страны реагировать на угрозу дальнейшего роста дефицита водных ресурсов Амударьи. Внимание государств ЦА, прежде всего Узбекистана и Туркменистана, главным образом привлекает проект ирригационного канала Куштеппа, о котором, в частности, говорил президент Узбекистана Ш.Мирзиёев в своем выступлении 15 сентября 2023 г. на состоявшемся в Душанбе заседании Совета глав государств – учредителей Международного фонда спасения Арала. Называя Афганистан новым участником процесса водопользования, он указал на очень важный момент, а именно отсутствие каких-либо обязательств, которые могли бы связывать Афганистан с этими странами по данному вопросу⁴.

¹ Например, на сайте Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (МКВК ЦА) размещена богатая библиотека, охватывающая максимальное количество исследований, отчетов и докладов по водохозяйственным вопросам региона Центральной Азии. См.: <http://cawater-info.net/library/index.htm> (accessed 10.12.2023)

² Главным региональным органом по совместному решению вопросов управления и рационального использования водных ресурсов бассейна Аральского моря является МКВК ЦА, созданная 18 февраля 1992 г. (прим. авт.).

³ Будущее бассейна Амударьи в условиях изменения климата. Под общ. ред. проф. В.А.Духовного. Ташкент: НИЦ МКВК Центральной Азии, 2018. С. 11.

⁴ Выступление президента Узбекистан Ш.Мирзиёева на заседании Совета глав государств – учредителей Международного фонда спасения Арала. 15.09.2023. <https://president.uz/ru/lists/view/6662> (accessed 01.12.2023)

Оросительные проекты Афганистана можно условно разделить на 2 категории: а) имеющие непосредственное отношение к водам трансграничных рек и б) использующие ресурсы внутренних рек. На афганском севере наиболее известными на сегодня являются проекты строительства канала *Куш-теппа*, а также плотин *Танги-Варсадж*, *Кадырабад*, *Дахан-дара* и *Султан-Ибрагим*.

КУШТЕППА

К строительству масштабных ирригационных сооружений Афганистан приступил во второй половине 1940-х гг. Несмотря на наличие плодородных угодий и неравномерное распределение земельно-водных ресурсов, к середине 1950-х гг. в северных и северо-восточных провинциях основная масса построенных объектов ирригации имела малую или среднюю мощность [5, с. 67–75; 6, с. 113; 118–120]. Это в первую очередь обуславливалось рельефом местности и связанными с этим техническими сложностями строительства более масштабных систем ирригации. В период 2-го афганского 5-летнего плана (1962/63–1966/67 гг.) в указанных регионах были построены каналы *Аджмир* и *Арча*, способные обеспечить поливной водой 12 и 24 тыс. га земли соответственно [5, с. 74–75]. В эти годы афганские и советские специалисты занимались комплексным изучением земельно-водных ресурсов этих территорий, в частности, проводились геологические, гидрологические, топографические и почвенные исследования, для измерения уровня и объема стока воды строились водомерные посты⁵.

Вопрос использования вод реки Амударьи впервые был поднят Афганистаном во второй половине 1940-х гг., и Кабул обратился к руководству СССР за содействием. На протяжении последующих десятилетий специалистами обеих стран рассматривались самые разные варианты и способы использования вод этой реки, в т.ч. строительство плотины в районе ниже слияния рек Пяндж и Вахш.

Советские специалисты в итоге предложили афганской стороне сосредоточить внимание на ресурсе внутренних рек, но также при помощи насосных станций направить воды Амударьи на орошение 200 тыс. га площадей. Афганская сторона в конечном счете сделала выбор в пользу насосных станций мощностью 100–110 м³/с и строительства самотечного канала протяженностью 154 км, способного оросить 100 тыс. га площадей.

Президент Афганистана М.Дауд (1973–1978 гг.) получил согласие Москвы на проведение изыскательских работ и проектирование канала, но позже против выступило руководство республик Средней Азии [7, с. 30–31]. Советскими специалистами впоследствии была подготовлена справка, в которой указывалось, что на территории Афганистана «собирается до 15% общего стока реки Пяндж – Амударьи... и в соответствии со всеми международными нормами, афганская сторона имеет право на отбор из Амударьи до 15% её среднегодового стока» [7, с. 31]. Отметим, что, по оценкам современных специалистов, «объем формирования стока на территории Афганистана даже с учетом северных провинций не превышает по различным источникам 13,25 до 18 км³»⁶.

Таким образом, идея строительства канала Куштеппа появилась в 70-е гг. прошлого века при президенте М.Дауде, но из-за изменения внутриафганской политической обстановки не получила дальнейшего развития. Важность строительства этого объекта для развития сельского хозяйства афганского севера раньше отмечалась и отечественными афганцами. Правительство М.Дауда в рамках 7-летнего (1976–1981 гг.) плана социально-экономического развития Афганистана рассматривало строительство гидроузла на р. Амударье в районе слияния рек Пяндж и Вахш.

Проект предусматривал строительство самотечного канала протяженностью 400 км с расходом воды до 800 м³/с и оросительной способностью до 500 тыс. га земельных площадей. Афганистан рассчитывал на помощь Советского Союза, но получил отказ, поскольку канал имел длительный срок окупаемости и не вызвал особого интереса [8, с. 138; 7, с. 27].

С тех пор в стране 5 раз сменилась власть (1978–2021 гг.), и вопрос реализации этого проекта серьезно не обсуждался до тех пор, пока оказавшиеся в международной политической и экономической изоляции талибы не вернулись к нему.

⁵ Экономический обзор за 1964–1965 гг. Исследовательско-статистический отдел министерства планирования. Кабул, 1965. С. 19–21.

⁶ Афганистан в свете регионального сотрудничества в области водных ресурсов. Проект «Региональная информационная база водного сектора Центральной Азии» «CAREWIB». Научно-информационный центр МКБК ЦА. Ташкент, 2011. С. 4.

Временное правительство талибов приступило к строительству Куштеппа через 7 месяцев после прихода к власти, т.е. в марте 2022 г. Среди прочих существующих в Афганистане ирригационных проектов Куштеппа отличается как масштабом, так и способностью оказывать влияние на расход воды Амударьи.

Канал напрямую берет начало от этой реки в районе Калдар провинции Балх ниже слияния рек Пяндж и Вахш и имеет технические параметры, отличающиеся от предложенных в 1970-х гг.: длина канала – 285 км, ширина – 100 м, глубина – 8,5 м, пропускная способность – 650 м³/с. Он способен оросить 550 тыс. га земельных площадей в провинциях Балх, Джаузджан и Фарьяб, а также, по разным оценкам, обеспечить работой около 200–250 тыс. человек.

На строительство канала власти планируют потратить \$684 млн из бюджетных средств. Проект состоит из 3 участков, первый из которых длиной 108 км (от района Калдар до Давлатабада) был завершен за полтора года (октябрь 2023 г.). Второй и третий участки общей протяженностью 177 км проходят по провинциям Джаузджан и Фарьяб. Полностью завершить строительные работы планируют в течение 5 лет, т.е. к 2028 г.⁷

В этих провинциях по состоянию на 2020 г., по оценкам афганской официальной статистики, проживало 3320 тыс. человек (Балх – 1509 тыс., Джаузджан – 602 и Фарьяб – 1109 тыс.), или примерно 10% от общей численности населения. По тем же данным, подавляющая часть населения 3 провинций (2363 тыс. человек, или 71% от общей численности) приходилась на сельскую местность⁸.

На афганском севере расположена большая часть пригодных к использованию земельных угодий. По оценкам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), на долю 5 северных провинций (Балх, Фарьяб, Джаузджан, Саманган, Сари-Пуль) приходится 2093,45 тыс. га (около 33,6% общей площади по стране), из которых только 636,4 (30,4%) составляли орошаемые площади, все остальные – 1457,05 тыс. га (или 69,6%) – богарные. Другими словами, на долю региона приходилось 39% от всех богарных площадей (3734 тыс. га) [9].

Аграрный сектор Афганистана в силу отсутствия необходимой инфраструктуры никогда не был самодостаточным, и его судьба всегда находилась в полной зависимости от погоды [10]. Следовательно, как урожайность в сфере земледелия, так и продуктивность в животноводстве сильно колеблются.

В таких условиях строительство крупного оросительного канала может улучшить условия для развития орошаемого земледелия, поскольку урожайность в нём по сравнению с богарным намного выше. Если в том же 2020 г. в Афганистане средний показатель урожайности пшеницы с орошаемых земель составил 2,5 т/га, то с богарных – в 2 раза ниже (1,1 т/га); в Балхе соответственно – 2,6 и 0,8 т/га, в Джаузджане – 1,8 и 1,3, Фарьябе – 2,3 и 1 т/га⁹. Следовательно, завершение и ввод в эксплуатацию канала Куштеппа и других строящихся объектов может привести к положительным сдвигам в аграрном секторе Афганистана.

Процесс строительства канала Куштеппа идет стабильно, что исключает сомнения по поводу его затягивания, но тем не менее с первых месяцев претензии предъявляются к качеству работ. В частности, афганские эксперты и специалисты, находящиеся за пределами страны, пишут о низкой компетентности нанятых талибами компаний, специалистов, а также о качестве выполняемых ими работ. Определенный скепсис у них также вызывает способность «талибов управлять сложными инженерными работами, особенно строительством акведуков и мостов», и то обстоятельство, что «в основании русла канала лежит грунт, а не бетон, что может привести к потере большей части воды в песчаном грунте» [11].

Говоря о вопросе качества строительства подобных объектов в нынешних условиях, отметим, что после захвата талибами Кабула не все специалисты покинули страну, многие технические кадры продолжают трудовую деятельность в Афганистане, а при необходимости власти могут привлекать и зарубежных специалистов. Кроме того, с технической точки зрения замечания специалистов уместны, но не надо упускать из виду и того, что на данном этапе факт завершения и сдачи в эксплуатацию канала для талибов имеет политическое и стратегическое значение.

⁷ В Афганистане дали старт 2-му этапу строительства канала Куштеппа. 12.10.2023. <https://aktualno.uz/ru/a/10950-v-afganistane-dali-start-vtoromu-etapu-stroitelstva-kanala-kustepa> (accessed 01.12.2023)

⁸ Afghanistan Statistical Yearbook 2020. National Statistics and Information Authority. № 42, 2021. Pp. 9–11.

⁹ Ibid. P. 163.

Вторым моментом является внутривластный или межнациональный вопрос. Информационные ресурсы, имеющие отношение к оппозиционным талибам силам, пишут, что власти планируют переселять в северные районы пуштунов юга Афганистана и полосы племен Исламской Республики Пакистан¹⁰ и что в итоге местное население может лишиться будущих выгод от этого и других проектов.

Решение вопроса водоснабжения в северных районах вдвойне важно для талибов по той причине, что там проживают таджики, узбеки, представители других непустунских этносов, чьи беглые влиятельные региональные лидеры и политики призывают их к отказу подчиняться или признать власть талибов. Улучшение хозяйственных условий путем строительства гидротехнических сооружений может создавать положительный образ властей в глазах этих жителей, которые действительно ждут скорой реализации этих проектов. Переселение же в эти районы пуштунов юга страны и полосы племен Пакистана, как об этом пишут некоторые источники, может привести к обратному эффекту, поэтому талибы вряд ли пойдут против собственных интересов.

Кроме того, как уже отмечалось выше, канал вызывает озабоченность соседних стран, прежде всего Узбекистана, президент которого заявил, что ввод в эксплуатацию Куштеппа «может кардинально изменить водный режим и баланс в Центральной Азии» и призвал «сформировать совместную рабочую группу по изучению всех аспектов строительства канала», а также «его влияния на водный режим Амударьи с привлечением исследовательских институтов» стран ЦА. Другим важным моментом выступления Ш.Мирзиёева можно считать предложение «рассмотреть вопрос вовлечения представителей Афганистана в региональный диалог по совместному использованию водных ресурсов»¹¹, чего не было в постсоветский период.

Отечественные специалисты еще в середине 90-х гг. XX в. предупреждали, что «Афганистан, который раньше считался с Советским Союзом и не хотел предпринимать ничего, что могло бы повредить сложившимся отношениям», после его распада и образования независимых республик на северных рубежах «может позволить себе не принимать во внимание их интересы и забрать воду... ни у кого не спрашивая согласия» [7, с. 32]. Сегодня представители временного правительства талибов так себя и ведут, что следует из их заявлений и выступлений. На церемонии завершения 1-й и начала 2-й фазы строительства Куштеппа в октябре 2023 г. принимала участие группа высокопоставленных чиновников из Кабула, многие из которых призывали соседние страны не беспокоиться относительно водного вопроса.

В частности, мулла Абдул Гани Барадар, заместитель премьер-министра по экономическим вопросам во временном правительстве талибов, заявил: «Исламский Эмират намерен уделять серьезное внимание сельскому хозяйству и управлению водными ресурсами, поскольку мы являемся свидетелями его хорошего примера в принятии мер по строительству канала Кош-Тепе», а Абдул Салам Ханафи, второй вице-премьер, косвенно намекнув на долю Афганистана, заверил, что соседям «не следует беспокоиться. Сколько бы мы ни тратили, мы всё равно не достигнем того уровня потребления воды из Амударьи, на который Афганистан имеет право». Если Шер Мохаммад Аббас Станикзай, замминистра иностранных дел, заявил о готовности Афганистана связаться с соседними странами «по дипломатическим каналам», и.о. министра обороны Мухаммад Якуб и министр внутренних дел Сираджуддин Хаккани говорили о решимости всеми силами обеспечить защиту и безопасность объекта¹².

Пользуясь отсутствием межгосударственных соглашений, талибы всеми силами будут стараться до их подписания завершить строительные работы на этом жизненно важном для страны объекте. Об этом косвенно говорят и выступления других афганских чиновников. Например, в ответ на заявление президента Узбекистана Ш.Мирзиёева по поводу Куштеппа министр энергетики и водных ресурсов временного правительства талибов А.Мансур сказал: «Те, кто выражает свою озабоченность, должны делать это на основе соглашения, но у Афганистана здесь ни с кем нет никаких связанных с водой договоров, и у нас никогда не было никаких соглашений или договоров в этой области... В нынешней ситуации у

¹⁰ جابجایی پشتونهای پاکستانی در افغانستان 10.06.2023. (In Dari). <https://www.afghanpaper.com/nbody.php?id=173277> (accessed 15.12.2023)

¹¹ Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на заседании Совета глав государств – учредителей Международного фонда спасения Арала. 15.09.2023. <https://president.uz/ru/lists/view/6662> (accessed 01.12.2023)

¹² Work on Second Phase of Qosh Tepa Canal Starts. 11.10.2023. <https://tolonews.com/afghanistan-185493> (accessed 07.12.2023)

нас нет никаких договоренностей ни с кем в бассейне Амударьи»¹³. По сути, в сложившейся ситуации Афганистан оказался в выигрыше.

ТАНГИ-ВАРСАДЖ

Куштеппа – не единственный строящийся афганский ирригационный объект, который скажется на режиме вод Амударьи. Есть еще ряд других проектов, которые сегодня находятся на стадии реализации или появятся в будущем и заберут часть вод афганских рек – притоков Пянджа или Амударьи.

Плотина *Танги-Варсадж* высотой 75 м рассчитана не только на снабжение поливной водой сельскохозяйственных земель района Варсадж провинции Тахар, но и на выработку электроэнергии. Гидротехнический объект появится на реке Кокча, воды которой впадают в Пяндж.

Этот проект также из числа тех, которые разрабатывались при президенте М.Дауде, но по уже указанным выше причинам не были реализованы. Плотины можно отнести к средним по мощности, поскольку она способна снабдить поливной водой 75 тыс. га земельных угодий и обеспечить генерацию 80 МВт электроэнергии.

В планах у талибов строительство еще нескольких каскадных объектов, которые могут забрать часть вод реки Кокча, но улучшить водоснабжение, обеспечить электричеством часть жителей не только в Тахаре, но и в двух других северо-восточных провинциях – Кундузе и Бадахшане¹⁴.

ПЛОТИНА КАДЫРАБАД

Водозаборная плотина *Кадырабад*, расположенная в районе Кадес северной провинции Бадгис, относится к категории проектов, не оказывающих влияния на режим вод внутренних или трансграничных рек, но в то же время позволяющих аккумулировать ресурсы самых разных источников вод, которые теряются в грунте или доступ к которым затруднен из-за сложного рельефа местности.

Эта провинция относится к уязвимым с точки зрения обеспеченности питьевой и поливной водой и часто страдает в период засух. Строительные работы на плотине начались еще до прихода талибов к власти в 2018 г., но в связи с нестабильностью и последующим распадом ИРА были остановлены. Длина плотины – 200 м, высота – 32 м, а емкость водохранилища – 1,82 млн м³ воды¹⁵.

В 2020 г. Министерство восстановления и развития сельского хозяйства ИРА оценило стоимость проекта в \$13,8 млн. Плотина набирает воду паводков, родников, подземных вод и других источников для последующего обеспечения городского водоснабжения провинциального административного центра Калаи-Нау через водопроводную систему чистой питьевой водой, а также орошения более 1,4 тыс. га сельскохозяйственных земель, в т.ч. в сфере садоводства, и тем самым способствует появлению новых рабочих мест, развитию местной экономики¹⁶.

Источники периода ИРА сообщали о завершении первых 2 фаз строительных работ, в частности, бурения 6 скважин в качестве источника для водохранилища, прокладки трубопровода длиной 43 км¹⁷. Об этом косвенно свидетельствуют и данные властей талибов, которые на сегодня оценивают объем работ в \$12,5 млн¹⁸, что на \$1,3 млн меньше первоначальной стоимости.

ПЛОТИНА ДАХАН-ДАРА

Дахан-дара, расположенная в районе Паштун-Кот провинции Фарьяб, является очередным объектом ирригации, строительные работы начались при ИРА в 2017 г. По оценкам того периода, плотина счита-

¹³ Islamic Emirate: No Water Agreement exists with Neighbors over Amu River. 20.09.2023. <https://tolonews.com/afghanistan-185186> (accessed 04.12.2023)

¹⁴ وزارت انرژی و آب: با ساخت «بند تنگی ورسج تخار» برق سه ولایت تامین می شود | آوا (In Dari). avapress.com (accessed 13.12.2023)

¹⁵ کار ساخت بندایگردان قادرآباد بادغیس آغاز شد – خبرگزاری وطن 24، مشنوری از آگاهی ها (In Dari). watan24.com (accessed 04.12.2023)

¹⁶ جریان کار ساخت بند آب قادس با هزینه ۱۳/۸ میلیون دالر در بادغیس | وزارت احیا و انکشاف دهات (In Dari). mrrd.gov.af (accessed 06.12.2023)

¹⁷ آغاز کار شبکه آبرسانی قلعه نو ولایت بادغیس از سوی وزارت احیا و انکشاف دهات | وزارت احیا و انکشاف دهات (In Dari). mrrd.gov.af (accessed 05.12.2023)

¹⁸ آغاز کار بندذخیروی ولسوالی قادس ولایت بادغیس از سوی وزارت احیا و انکشاف دهات | وزارت احیا و انکشاف دهات (In Dari). mrrd.gov.af (accessed 04.12.2023)

лась 5-й в стране по величине. Её высота должна была составить 67 м, а емкость водохранилища – 25 млн м³ воды. Деньги на реализацию проекта выделялись республиканской властью из бюджета, а проектная стоимость оценивалась в \$37 млн. Помимо орошения примерно 4 тыс. га сельскохозяйственных угодий, ГЭС на плотине способна генерировать 1,5 МВт электроэнергии¹⁹.

И здесь необходимо вернуться к истории развития проекта и отметить, что строительные работы на объекте сильно затягивались и основной причиной в афганских СМИ назывался вопрос безопасности, который был непосредственно связан с талибами. Объект охранялся служащими силовых структур, многие из них были убиты или получили ранения. Поэтому с 2017 по 2019 г. было выполнено только 2% от общего объема работ [12].

В провинции Фарьяб за последние годы растет нагрузка на подземные источники водных ресурсов, чрезмерное потребление которых приводит к высыханию колодцев, следовательно, возникновению дефицита питьевой и поливной воды. Это негативно отражается на демографии населенных пунктов, жители которых вынуждены переселяться в другие места в поисках более приемлемых жизненных условий. Местами расстояние только до источника питьевой воды составляет 7 км, поэтому местные жители «с большой надеждой смотрят на реализацию (этих) проектов» [13].

Уместно подчеркнуть, что в Афганистане в последние десятилетия повсеместно наблюдается существенное снижение уровня грунтовых вод, следовательно, строительство плотин не только обеспечит население питьевой и поливной водой, но и будет способствовать повышению уровня подземных водотоков.

ПЛОТИНА СУЛТАН-ИБРАГИМ

Эту плотину планируют построить в провинции Сари-Пуль, в 30 км к югу от одноименного города, а исток водного потока берет начало из рек Суфак и Кала-шахр в районе Кухистан. Согласно одним сведениям, еще в 2008 г. в районе Султан-Ибрагим некой индийской компанией проводились технические обследования, по итогам которых объект должен был иметь следующие технические параметры: высота плотины – 45 м, длина каждого из 2 каналов по левой и правой сторонам – по 80 км, емкость – 1 млн м³ воды, производственная мощность ГЭС – 20 МВт электроэнергии и возможность обеспечить поливной водой 55 тыс. га сельскохозяйственных земель. Относительно сметной стоимости в различных источниках разных периодов приводятся противоречивые данные. Так, по тем же данным, она составила \$37 млн²⁰.

Для строительства плотины рассматривались разные варианты привлечения внешних финансовых ресурсов и компаний. В частности, в 2010 г. местные власти заявляли о заинтересованности Турции и готовности обратиться к другим странам-донорам с просьбой о содействии, но в дальнейшем особых изменений в этом вопросе не произошло. Тогда указывали сметную стоимость *плотины Султан-Ибрагим* – \$60 млн²¹.

Власти талибов вопрос строительства этой плотины официально поднимали летом 2023 г. Со ссылкой на А.Мансура, и.о. министра энергетики и водных ресурсов Афганистана, источники приводят новые данные – на возведении объекта требуется сумма \$200 млн, а высота плотины достигнет 60–70 м, производственная мощность ГЭС – 50 МВт электроэнергии²², что в 2,5 раза больше, чем в указанном выше проекте от 2008 г. Хотя, по информации другого источника, стоимость проекта составит \$37 млн, а оросительная способность – 55 тыс. га угодий²³. В конце ноября 2023 г. официальный информационный рупор талибов (агентство «Бахтар») сообщил о начале через месяц изыскательских работ, после которых приступят к строительству объекта²⁴.

¹⁹ Taliban attacks 'security outpost' in Faryab's Dahandara dam. 28.03.2021. <https://www.khaama.com/taliban-attacks-dahandara-dam-of-faryab-province-5436663/> (accessed 05.12.2023)

²⁰ مسؤولین: با ساخت بند سلطان ابراهيم در سرپل ۵۵ هزار هکتار زمین آبیاری خواهد شد Pajhwok Afghan News. 31.07.2023. (In Dari). (accessed 07.12.2023)

²¹ ترکیه بند سلطان ابراهيم در سرپل را اعمار می‌کند | روزنامه ۸صبح (In Dari). 8am.media (accessed 13.12.2023)

²² طالبان: بند آب سلطان ابراهيم سرپل با عوايد نفت اين ولايت ساخته می‌شود - اطلاعات روز (In Dari). etilaatroz.com (accessed 15.12.2023)

²³ مسؤولین: با ساخت بند سلطان ابراهيم در سرپل ۵۵ هزار هکتار زمین آبیاری خواهد شد Pajhwok Afghan News. 31.07.2023. (In Dari). (accessed 07.12.2023)

²⁴ برنامه ریزی برای ساخت بند بزرگ آب سلطان ابراهيم در سرپل - خبرگزاری باختر (In Dari). bakhtarnews.af (accessed 10.12.2023)

* * *

Вероятность строительства и сдачи в эксплуатацию перечисленных нами объектов в ближайшие годы высока, поскольку власти намерены направить на их финансирование доходы от добычи энергоресурсов местных месторождений. В Сари-Пуле, например, для возведения плотины Султан-Ибрагим планируют использовать доходы от нефтяного месторождения Кашкари, ежедневный объем добычи на котором составляет 900 т, а доходы – \$600 тыс.²⁵

При ИРА, несмотря на наличие внешней финансовой помощи, имелись две серьезные проблемы, сдерживавшие экономическое развитие страны, – масштабная коррупция, которая местами поглотила большую часть выделенных средств, и созданная талибами проблема с безопасностью. В нынешних условиях эти вопросы в некоторой степени нашли свое решение, поскольку финансирование проектов ведется за счет бюджетных средств, проблема системной коррупции в определенной мере решена, а безопасность обеспечивается самими талибами. Несмотря на ограниченные доходы госбюджета, поступающая внешняя гуманитарная помощь дает властям возможность направить часть собственных средств на реализацию инфраструктурных проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ставка афганских властей на развитие аграрного сектора является, на наш взгляд, правильным подходом, поскольку в последние десятилетия наряду с вопросом безопасности отсутствие стабильности в сельской местности вынуждало жителей перемещаться по стране или уезжать в соседние страны в поисках работы. Следовательно, строительство гидротехнических сооружений, особенно *Куштеппа*, имеет большое значение как для рядового населения, так и для временного правительства талибов, поскольку способствует обеспечению продовольственной безопасности, повышению урожайности зерновых, созданию рабочих мест. Участие представителей МИД и двух силовых ведомств в церемониях, связанных с каналом Куштеппа, говорит о готовности Кабула продвигаться к поставленной цели.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Зонн И.И., Жильцов С.С., Семенов А.В., Костяной А.Г. Водная политика Афганистана в Центральной Азии. *Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление*, № 3 (26), 2018. С. 54–66. DOI: 10.21777/2587-554X-2018-3-54-66
Zonn I.I., Zhiltsov S.S., Semenov A.V., Kostyanoy A.G. 2018. Water policy of Afghanistan in Central Asia. *Bulletin of Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1. Economics and Management*, № 3 (26), Pp. 54–66. (In Russ.). DOI:10.21777/2587-554X-2018-3-54-66
2. Жильцов С.С. Проблема дефицита водных ресурсов в Центральной Азии: фактор Афганистана. *Международные отношения и мировая политика*. № 10 (2), 2023. С. 110–119. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>
Zhiltsov Sergey S. 2023. The Problem of Water Scarcity in Central Asia: The factor of Afghanistan. *International Relations and World Politics*. № 10 (2), pp. 110–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-2-110-119>
3. Доскожаева А.К., Харланов А.С. Ресурсы водной экономики как геополитический актив стран Центральной Азии в формировании суверенных стратегий развития. *Россия и мир: научный диалог*. № 4, 2023. С. 69–81. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-23-3-4\(10\)-69-81](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-23-3-4(10)-69-81)
Doskozhaeva A.K., Kharlanov A.S. 2023. Water Economy Resources as a Geopolitical Asset of the EAEU Countries and the Formation of Sovereign Development Strategies. *Russia & World: Sc. Dialogue*. (4), pp. 69–81. (In Russ.). [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3\(9\)-23-3-4\(10\)-69-81](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-3(9)-23-3-4(10)-69-81)
4. Кочетков В.В., Медведков А.А., Кузьменко Е.А., Нессар О.М. «Водные войны» как источник и инструмент международных конфликтов. *Россия и мир: научный диалог*. № 4, 2023. С. 118–133. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-118-133](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-118-133)
Kochetkov V.V., Medvedkov A.A., Kuzmenko E.A., Nessar O.M. 2023. “Water Wars” as a Source and Instrument of International Conflicts. *Russia & World: Sc. Dialogue*. (4), pp. 118–133. (In Russ.). [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4\(10\)-118-133](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-4(10)-118-133)
5. Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. М., 1973.
Davydov A., Chernyakhovskaya N. 1973. Afghanistan. Moscow. (In Russ.)

²⁵ طالبان: میزان استخراج نفت از چاه‌های نفتی قشقری به ۹۰۰ تن در روز افزایش یافت - اطلاعات روز (In Dari). etilaatroz.com (accessed 08.12.2023)

6. Пикулин М.Г. Афганистан (экономический очерк). Ташкент, 1956.
Pikulin M.G. 1956. Afghanistan (Economic essay). Tashkent. (In Russ.)
7. Афганистан: проблемы войны и мира. М., 1996.
1996. Afghanistan: Problems of War and Peace. Moscow. (In Russ.)
8. Ежов Г.П. Экономическая география Афганистана. М., 1990.
Ezhov G.P. 1990. Economic geography of Afghanistan. Moscow. (In Russ.)
9. The Islamic Republic of Afghanistan. <https://www.fao.org/3/i5457e/i5457e.pdf> (accessed 03.12.2023)
10. Afghanistan: Impact of Anticipatory action – Curbing La Niña-induced drought. Rome. FAO. 2023. <https://www.fao.org/3/cc8141en/cc8141en.pdf> (accessed 20.12.2023)
11. The Taliban are digging an enormous canal. 16.02.2023. <https://www.economist.com/asia/2023/02/16/the-taliban-are-digging-an-enormous-canal> (accessed 04.12.2023)
12. 2pc of Work on Dam Project Completed in 3 Years. 28.12.2019. http://www.outlookafghanistan.net/national_detail.php?post_id=25755 (accessed 08.12.2023)
13. Severe water shortage displaces hundreds of Faryab families. 25.07.2023. https://afghanistan.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_st/features/2023/07/25/feature-01 (accessed 06.12.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Окимбеков Убайд Вафобекович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

Ubaid V. Okimbekov, PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Near and Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 22.01.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 19.02.2024

Принята к публикации
(Accepted) 28.02.2024

Взгляд зарубежного эксперта

DOI: 10.31857/S032150750030439-4

Стратегия России по развитию Арктики и пути сотрудничества России и Китая в Арктике

© Ван Хуань^a, 2024

^a Харбинский научно-технический университет, Харбин, Китай
ORCID: 0009-0007-8671-0220; 406739422@qq.com

Резюме. Глобальное потепление ускоряет изменение природных свойств и геосреды Арктики. Арктика занимает чрезвычайно важное стратегическое положение в геополитике и геобезопасности России, и её развитие оказывает влияние на будущее России.

В октябре 2020 г. президент России В.Путин утвердил «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». В 2023 г. исполнилось 5 лет со дня выхода в Пекине Белой книги «Арктическая политика Китая».

В сотрудничестве в Арктической зоне России и Китая следует отметить последовательность и взаимодополняемость в их интересах и потребностях. При этом сотрудничество двух стран сталкивается как с рядом возможностей, так и с многочисленными проблемами. В статье рассматриваются этапы развития современной арктической стратегии России, анализируются возможности и вызовы, с которыми сталкивается сотрудничество России и Китая в Арктической зоне.

Ключевые слова: Россия, Китай, Арктика, арктическая стратегия, арктический путь сотрудничества, Северный морской путь, «Ледовый шелковый путь»

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке проекта «Исследование развития российского Северного морского пути и ответные шаги Китая» (22GJD357) – Программы изучения философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян, а также проекта «Исследование пути участия Китая в комплексном освоении Россией “Северного морского пути”» (21GJC192 – Программы изучения философии и социальных наук провинции Хэйлунцзян, а также проекта «Исследование пути участия провинции Хэйлунцзян в комплексном освоении Россией Северного морского пути» (WY2021037-B) – ключевого исследовательского проекта для экономического и социального развития провинции Хэйлунцзян).

Для цитирования: Ван Хуань (Китай). Стратегия России по развитию Арктики и пути сотрудничества России и Китая в Арктике. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 39–47. DOI: 10.31857/S032150750030439-4

Russia's Arctic Strategy and the Ways of Cooperation between Russia and China in the Arctic

© Wang Huang^a, 2024

^a Harbin University of Science and Technology, Harbin, China
ORCID: 0009-0007-8671-0220; 406739422@qq.com

Abstract. Global warming accelerates changes in the natural characteristics and geo-environment of the Arctic. The Arctic occupies an extremely important strategic position in the geopolitics and geo-security of Russia, and its development has an impact on the future of Russia. In October 2020, Russian President V.Putin approved the “Strategy for the Development of the Arctic zone of the Russian Federation and ensuring national Security for the period up to 2035”, 2023 marked the 5th anniversary of the publication of the White Paper “China’s Arctic Policy”.

In cooperation in the Arctic zone, Russia and China have consistency and complementarity in their interests and requirements. Cooperation between the two countries in the Arctic zone faces both a number of opportunities and numerous challenges.

This article examines the stages of development of Russia’s modern Arctic strategy, explains in detail the key content of Russia’s Arctic strategy, analyzes the opportunities and challenges faced by cooperation between Russia and China in the Arctic zone, and explores specific ways of cooperation between the two countries in the Arctic.

Keywords: Russia, Arctic, Arctic strategy, China, Arctic way of cooperation, “Northern Sea Route”, “Ice Silk Road”

For citation: Wang Huang (China). Russia's Arctic Strategy and the Ways of Cooperation between Russia and China in the Arctic. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 39–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030439-4

ВВЕДЕНИЕ

Арктическая зона имеет огромные запасы природных ресурсов, что вызвало не только политический интерес крупнейших стран мира к Арктике, но и сформировало вокруг неё, как полагают некоторые наши эксперты, своеобразный центр мировой геополитики (например, см. [1]).

В связи с неуклонно растущими темпами изменения мирового климата в сторону потепления, всё больше крупнейших держав начинают конкурировать за право движения по арктическим судоходным путям, а также за добычу в регионе энергетических ресурсов. Значительным корректировкам подверглась геополитическая и экономическая обстановка в Арктике после кризиса на Украине; институты взаимодействия, такие как Арктический совет¹, проходят испытание временем, а ориентированность на международное сотрудничество при регулировании вопросов в Арктике и интернациональный характер арктических интересов переплетаются.

МОТИВАЦИЯ РОССИИ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ

На протяжении всего времени освоения Арктической зоны Россия занимает господствующее положение в мире благодаря высоким темпам развития своей энергетической отрасли и в развитии водных путей в качестве основных транспортных артерий в XXI в.

В 2008 г. Россия сформировала «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»² и в 2013 г. – «Стратегию развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»³, которые, как отмечают наши эксперты, составили систему стратегии развития Арктической зоны России до 2020 года (см. [2]).

По результатам более чем десятилетнего всестороннего изучения Арктики Россия предварительно определила свои стратегические интересы в этой зоне. Сегодня российская арктическая стратегия обретает новые черты, но всё ещё не отвечает всем потребностям стратегического планирования по освоению и использованию недр Арктики. Так, в марте 2020 г. были обнародованы «Основы национальной политики РФ в Арктике на период до 2035 года»⁴, а в октябре 2020 г. президент России В.Путин утвердил «Стратегию развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности до 2035 года»⁵ (см. [3]).

Это свидетельствует о том, что арктическая стратегия России перешла от построения базовых основ к формированию системной стратегии освоения Арктики. Интерес России к арктическому региону становится всё более очевидным для остального мира. В контексте возросшей открытости и интернационализации развития Арктики укрепление сотрудничества с Россией стало и для Китая путем дальнейшего участия в арктическом проекте. Так, в январе 2018 г. Информационное бюро Госсовета Китая опубликовало «Белую книгу» об арктической политике Китая [4].

В ней указано, что географически Китай является приарктической страной и это одна из стран, наиболее близких к Полярному кругу на суше. Как приарктическая страна, Китай имеет определенные ограничения для участия в арктическом проекте, а Россия испытывает определенные трудности в освоении Арктики из-за западных санкций. Сотрудничество между Россией и Китаем может не только удовлетворить соответствующие потребности двух стран, но и помочь исследовать Арктику в наиболее выгодном ключе для обеих стран.

¹ Создан в 1996 г. по инициативе Канады (прим. ред.).

² См.: <https://legalacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoi-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-arktike/> (accessed 12.01.2024)

³ См.: <https://docs.cntd.ru/document/499002465> (accessed 12.01.2024)

⁴ См.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (accessed 19.01.2024)

⁵ См.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (accessed 20.01.2024)

Укрепление научных связей и сотрудничество в области развития энергетики, строительство водных транспортных путей, публикация научных исследований по защите окружающей среды, содействие строительству «Ледового шелкового пути», вносит большой вклад в совместные российско-китайские усилия по продвижению устойчивого присутствия обоих государств в Арктической зоне.

В связи с потеплением климата количество судоходных дней в Северном Ледовитом океане увеличивается. Согласно научным прогнозам, к концу XXI в. температура в Арктическом регионе повысится на 10°C, что вызовет масштабное таяние арктических морских льдов. К 2070 г. Северный Ледовитый океан в летний период может быть полностью свободен от морских льдов, а таяние морских льдов Арктики облегчит деятельность по её освоению.

Арктический регион с его богатыми недрами и транспортными артериями играет важную роль в контроле над мировым океаном и космосом, а также является фактором сдерживания военно-политического давления блока НАТО на геополитическое пространство России. Ледяной покров Северного Ледовитого океана обеспечивает естественную скрытую защиту от военных атомных подводных лодок.

Среди стран Арктической зоны Россия обладает самыми большими запасами энергоресурсов. На землях российского Арктического региона, особенно на п-ве Ямал, богатые запасы природного газа. Развитие арктической энергетики имеет огромное значение как для самой России, так и мирового энергетического ландшафта в целом.

Северный морской путь очень важен и для мировой логистики морских перевозок. По сравнению с традиционными международными морскими судоходными путями у Севморпути неоспоримые преимущества – значительно сокращаются маршруты морских грузоперевозок между Азией и Европой, что предоставляет азиатским странам широкие возможности для выбора путей океанской торговли. Также Северный морской путь обладает потенциалом для навигации больших грузовых судов, способных преодолевать лед.

Наконец, на протяжении многих лет расширение НАТО на Восток создавало серьезные вызовы национальной безопасности России, а кризис на Украине ускорил ухудшение взаимоотношений России и Запада. Эти факторы способствовали геостратегическому «сдвигу России на Восток» с акцентом на развитие Дальнего Востока и арктических территорий.

ЭТАПЫ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ АРКТИКИ

В настоящее время Россия является единственным государством, обнародовавшим наибольшее количество документов по арктической стратегии и сформировавшим собственную стратегическую систему с логическим подтекстом «безопасность и развитие».

Начальным этапом российской стратегии развития Арктики стала публикация в сентябре 2008 г. «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года», в которых, как отмечают наши эксперты, впервые сформулированы её стратегические цели и интересы в Арктическом регионе (см.: [5]); они же подчеркивают, что «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», обнародованная в 2009 г.⁶, возвела защиту суверенитета и безопасности Арктики в ранг столпа национальной безопасности России. В «Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (февраль 2013 г.) была предложена, по их мнению, концепция равного внимания к развитию арктической экономики и безопасности арктической территории (см.: [6]). В документе «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (апрель 2014 г.)⁷ предложен план развития российской Арктики, ядром которого является восстановление арктической инфраструктуры и военной мощи (см.: [7]).

По нашему мнению, первый этап российской стратегии развития Арктики представляет собой «Стратегию развития Арктической зоны России до 2020 года», которая фокусируется на национальных интересах РФ в Арктике в 4 аспектах – использование Арктики как стратегической ресурсной базы; сохранение доминирующего положения России в Арктическом регионе; защита уникальной экосистемы

⁶ См.: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (accessed 21.01.2024)

⁷ См.: <http://static.government.ru/media/files/AtEYgOHutVc.pdf> (accessed 21.01.2024)

Арктики; использование Северного морского пути как единой транспортной магистрали Российской Федерации в Арктическом регионе.

Два документа – «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» представляют собой второй этап российской стратегии развития Арктики (см.: [8]).

Во-первых, в «Стратегии до 2035 года» Россия поднимает важные для себя вопросы национальной, экономической, социальной и экологической безопасности в развитии Арктики. В этом документе внимание уделяется основным вызовам, стоящим перед национальной безопасностью Арктического региона России, подчеркивается необходимость укрепления безопасности северной границы и защиты национального суверенитета и территориальной целостности.

Во-вторых, в «Стратегии до 2035 года» подчеркивается, что Арктический регион – это стратегическая ресурсная база для обеспечения экономического и социального развития страны. Инновационные модели освоения ресурсов и содействие диверсификации арктической экономики становятся новой особенностью развития российской Арктики, следует также активно трансформировать и продвигать идею освоения арктических ресурсов.

В-третьих, в глобальном смысле «Стратегия до 2035 года» исходит из глобальной перспективы, интегрирует морские перевозки в единую национальную транспортную систему и строит конкурентоспособную национальную транспортную магистраль между Азией и Европой на основе Северного морского пути, а также устанавливает график и дорожную карту формирования национальной транспортной артерии на основе Северного морского пути.

В-четвертых, в документе уделяется большое внимание потеплению климата Арктики. Данный климатический фактор рассматривается не только как влияющий на экологию и морское биоразнообразие, но и как основной риск и угроза обеспечению национальной безопасности российской Арктики. Отмечается, что в то время как изменение климата открывает новые возможности для развития, оно также может привести к глобальным рискам для экономики и безопасности России и всего мира, что предполагает разработку ряда целенаправленных мер (подробнее см.: [9]).

В-пятых, «Стратегия до 2035 года» предусматривает новые рабочие места, национальную долю регионального ВВП и инвестиций в основной капитал, масштабы привлечения иностранных инвестиций, различные количественные показатели, такие как общий объем грузовых и транзитных перевозок по водным путям.

В-шестых, «Стратегия до 2035 года» предлагает обеспечить повышение уровня жизни и благосостояния жителей Арктики, защитить их традиционную хозяйственную деятельность и образ жизни, сбалансировать разрыв в развитии между востоком страны и западом.

В-седьмых, «Стратегия до 2035 года» предлагает осуществлять взаимовыгодное сотрудничество с арктическими странами в области экономического развития, науки и техники, изменения климата и охраны окружающей среды на основе международного права и региональных или двусторонних механизмов сотрудничества, таких как Арктический совет, и поддерживать взаимодействие по вопросу внешнего континентального шельфа Северного Ледовитого океана, чтобы сохранить Арктический регион как регион мира и международного сотрудничества.

«Стратегия до 2020 года» и «Стратегия до 2035 года» ориентированы, считают наши эксперты, на безопасность, ресурсы, северные морские пути и экологическую защищенность Арктики, что свидетельствует о присущей современной российской арктической стратегии последовательности (подробнее см. [10]).

Существуют также некоторые различия в этой последовательности, которые проявляются в совершенствовании соответствующих стандартов. Например, в «Стратегии до 2020 года» целью развития Северного морского пути названо его использование в качестве национальной единой транспортной магистрали РФ в Арктическом регионе, а в «Стратегии до 2035 года» цель развития Северного морского пути расширена до превращения его в конкурентоспособную на мировом рынке национальную транспортную магистраль.

В ответ на новые условия международной безопасности в «Стратегии до 2035 года» значительно усилен акцент на национальный суверенитет, территориальную целостность и региональную безопас-

ность, более детально рассматриваются основные угрозы и вызовы национальной безопасности. В то же время, идя в ногу с тенденциями современного развития, «Стратегия до 2035 года» придает качеству жизни и благополучию жителей региона, вопросам жизнеобеспечения арктического общества большее значение, чем военному делу, энергетике, навигации и охране окружающей среды. Положения, касающиеся уровня жизни и благосостояния жителей российской Арктики, относительно широки: выдвинуты конкретные и четкие задачи по данному вопросу и впервые обозначена ценность исторических и культурных реликвий в регионе.

«Стратегия до 2020 года» определяет национальные интересы России в Арктике – развитие энергетики, региональный мир и международное сотрудничество, защита окружающей среды и строительство водных путей – и не упоминает социальные и культурные аспекты развития Арктики. «Стратегия до 2035 года» не только наследует содержание предыдущей стратегической системы, но и прямо относит обеспечение качественной жизни жителей российской Арктики и защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни к важным национальным интересам, а повышение качества жизни населения российской Арктики рассматривает как главную цель арктической политики.

ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ КИТАЯ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ РОССИЕЙ

Проанализировав российскую стратегию развития Арктики, можно сделать однозначный вывод – в основе её арктических проектов лежит защита российских национальных интересов. Поэтому только на основе уважения к стратегическому планированию со стороны России мы можем вступать во взаимовыгодное сотрудничество с ней.

Реализация новой российской системной стратегии развития Арктики неотделима от участия Китая. Хотя углубление отношений с Китаем не является для России ключевой целью новой стратегии развития Арктики, тем не менее это основополагающий фактор, влияющий на её будущее. У Китая есть ряд возможностей для сотрудничества с Россией в области управления Арктикой (см.: [11]).

Навигация по арктическому водному пути стала свершившимся фактом. Как только будет достигнута круглогодичная коммерческая эксплуатация арктического водного пути, он обеспечит надежную поддержку сотрудничества в освоении ресурсов Арктики, инвестиций и торговли, а также грузоперевозок.

Открытие полярного маршрута имеет огромное значение для Китая. Он позволит не только снизить стоимость морских перевозок, но и уменьшить и разделить риски, связанные с прохождением через Малаккский пролив, Панамский канал и другие политически нестабильные районы. Кроме того, стабильные поставки энергоресурсов из арктического региона могут эффективно смягчить нехватку энергоресурсов в Китае.

Россия – страна с самой протяженной береговой линией Северного Ледовитого океана в мире, а также первая страна, сформулировавшая арктическую геостратегию и разместившая в Арктике самые мощные вооруженные силы. Ряд беспрецедентных преимуществ России в Арктике обеспечит множество выгодных условий для сотрудничества России и Китая в Арктике. Прочная финансовая база Китая, техническая поддержка и огромные человеческие и материальные ресурсы придадут импульс развитию российской Арктики.

На фоне двойного финансового и технологического давления западных стран на Россию сотрудничество России и Китая в Арктике открывает возможности для противодействия угрозе морской гегемонии Запада, империалистическим амбициям западных стран и обеспечения паритета интересов. Расширение сотрудничества с Китаем в Арктике имеет важное значение для того, чтобы «поворот России на Восток» стал более решительным. С ростом потребностей в инвестициях и развитии Дальневосточного региона еще больше проявятся совпадение интересов и взаимодополняющие преимущества России и Китая в осуществлении арктического сотрудничества в будущем.

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ КИТАЯ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ РОССИЕЙ

Помимо беспрецедентных возможностей для развития, сотрудничество России и Китая в Арктике сталкивается и с некоторыми проблемами.

Площадь и объем арктического морского льда уменьшаются год от года, ледовые условия в Арктике непредсказуемы – то ухудшаются, то улучшаются. Всё это повышает неопределенность и риск в развитии арктических водных путей.

Стратегическая ценность арктического региона России очевидна для всех, но суровая природная среда и пока неразвитая инфраструктура в Арктике требуют высоких затрат на обеспечение мощной технической поддержки, чего нельзя не принимать во внимание. Несмотря на то, что Россия и Китай достигли высокого уровня взаимодействия на высшем уровне и сотрудничества на местах, т.н. теория китайской угрозы всё еще сохраняется в ряде российских СМИ, интеллектуальных кругов и социальных элит.

Хотя Россия поддерживает участие Китая в арктических проектах, она всё еще сохраняет осторожную позицию. Некоторые российские эксперты опасаются, что по мере роста значимости Северного морского пути Китай может заявить о своих правах на него, стремиться к стратегическому контролю над ним или рассматривать воды Северного морского пути как нейтральные.

С февраля 2022 г. российско-украинский конфликт стал главной фактором, который вызвал потрясения, разногласия и даже изменения в управлении Арктикой. Стратегическое давление и всеобъемлющие санкции, наложенные Европой и Америкой на Россию, распространились на арктические воды, серьезно повлияв на процесс освоения Арктики Россией. Военная помощь и политические заявления Вашингтона по вопросам украинского кризиса, фабрикация фактов, препятствующих сотрудничеству между Россией и Китаем, и постоянное вмешательство НАТО в дела Азиатско-Тихоокеанского региона также привнесли множество проблем в сотрудничество между Россией и Китаем в области управления Арктикой.

Арктика тесно связана с интересами Китая. В настоящее время китайская инициатива «Один пояс, один путь» становится всё более популярной и находит понимание и поддержку со стороны стран всего мира. В мае 2017 г. на форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь» президент России В.Путин выразил надежду, что Китай сможет использовать Северный морской путь и соединить его с «Одним поясом, одним путем»⁸. В июле того же года во время своего визита в Россию председатель КНР Си Цзиньпин выразил надежду на совместное развитие и использование Россией и Китаем морских путей, особенно арктических судоходных путей.

В ответ на приглашение Путина вместе строить «Ледовый шелковый путь» Россия и Китай впервые официально предложили концепцию «Ледового шелкового пути». Кроме того, российская «Стратегия до 2035 года» обеспечивает практическую основу для российско-китайского арктического сотрудничества. Возможные перспективы арктического сотрудничества между Китаем и Россией перекрывают потенциальные трудности (см.: [12]).

ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И РОССИИ В АРКТИКЕ

Как представляется, две страны могут наметить путь арктического сотрудничества по следующим направлениям.

Во-первых, Россия и Китай должны укреплять стратегический паритет и взаимное политическое доверие, а также продолжать укреплять политическую основу двусторонних отношений мировых держав.

Используя преимущества обменов на высоком уровне и механизмы всестороннего сотрудничества в различных областях между Россией и Китаем, мы будем укреплять политическую стыковку между двумя странами в развитии Арктики.

В процессе сотрудничества мы должны следовать принципу беспримесного сотрудничества, избегать процессов с нулевой эффективностью и выстраивать общность интересов.

Во-вторых, необходимо содействовать высококачественному совместному строительству «Ледового шелкового пути». Китай должен активизировать перспективные научные исследования в области навигации по арктическим водным путям, содействовать планированию развития портового хозяйства и внешней торговли в северо-восточных и восточных прибрежных районах Китая, развивать арктиче-

⁸ См.: ria.ru/20170515/1494278134.html (accessed 10.02.2024)

скую энергетику и строительство арктических судоходных узлов, а также создать благоприятные условия для своего участия в коммерческом развитии Арктики, обеспечив соответствующие благоприятные условия.

В-третьих, необходимо укреплять сотрудничество в области поиска ископаемых видов топлива, в частности, в развитии арктической энергетики, которое может опираться на проект «Ямал СПГ». Китай должен сосредоточиться на комплексном развитии судоходных каналов, транспортных технологий, снизить барьеры для сотрудничества между Россией и Китаем, увеличить инвестиции в проекты развития энергетики в российском арктическом регионе и использовать удобные транспортные каналы «Ледового шелкового пути» для выхода на новый этап всестороннего сотрудничества России и Китая в области арктической энергетики.

В-четвертых, в процессе освоения Арктики Китай должен соблюдать соответствующие российские экологические нормы и международные договоры, внимательно следить за изменениями окружающей среды, усиливать контроль загрязнения морской среды, способствовать созданию механизмов сотрудничества в области загрязнения прибрежной зоны и чрезвычайных ситуаций.

В-пятых, следует укреплять сотрудничество между Россией и Китаем в области арктических технологий и оборудования. Приоритет должен быть отдан развитию сотрудничества в таких областях, как бурение и добыча нефти и газа, ледовая навигация и мониторинг, а также строительство новых судов ледового класса.

Вывод иностранных инвестиций, технологий и оборудования из российских арктических проектов в связи с санкциями, введенными США и другими западными странами, пришелся как нельзя кстати для Китая, желающего принять самое активное участие в освоении Арктики, в развитии технологического и научного сотрудничества, в совместных проектах с Россией, обеспечении права на участие в конкуренции по освоению Арктики и повышать уровень российско-китайского сотрудничества в Арктике в целом.

В-шестых, внедрять инновации и совершенствовать механизмы инвестирования и финансирования, укреплять сотрудничество в области арктической торговли и экономики между Россией и Китаем. На фоне возросших инвестиционных и финансовых рисков участие Китая в освоении Арктики Россией требует активизации комплексных исследований Арктики, особенно перспективных оценок геополитических, социально-экономических и эколого-экономических последствий проекта для формирования многоуровневой и многоканальной системы финансирования.

В качестве отправной точки необходимо взять за основу крупные проекты, сосредоточиться на развитии технологий и инвестициях в акционерный капитал, постепенно осуществлять строительство транспортной инфраструктуры, такой как порты и железные дороги, особенно для создания воспроизводимой и продвигаемой модели проекта на основе имеющегося опыта.

* * *

Сегодня из-за несовершенства системы торговли и сервиса между Россией и Китаем развитие российско-китайского торгово-экономического сотрудничества в Арктическом регионе сдерживается и сталкивается с трудностями.

На наш взгляд, Китай и Россия должны продолжать совершенствовать и внедрять инновации в модели торгового обслуживания. Для развития торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем в Арктическом регионе необходимо постоянно повышать качество товаров и услуг, чтобы удовлетворить потребности обеих стран. С одной стороны, к внешнеторговым предприятиям должны предъявляться индивидуальные и дифференцированные требования, с другой – должны быть обеспечены привилегии для предприятий, участвующих в приграничном торгово-экономическом сотрудничестве между РФ и КНР. Необходимо создать надежную правовую систему для арктического торгово-экономического сотрудничества между ними, а также обеспечить прочную основу и условия для устойчивого и здорового развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества в целом.

В последние годы Россия и Китай добились значительного прогресса в торгово-экономической сфере, однако из-за недостатков двусторонней торгово-экономической системы возник ряд проблем, которые становятся всё более заметными, поэтому для обеспечения стабильного продолжения и устойчиво-

го развития двусторонних торгово-экономических отношений между Россией и Китаем необходимо разрешить многие противоречия и проблемы в современной двусторонней торговле и сфере услуг. Кроме того, и России, и Китаю следует постоянно повышать уровень двусторонней торговли и сервиса для достижения цели взаимовыгодного и обоюдного сотрудничества.

При анализе торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем в Арктическом регионе можно констатировать, что правительства двух государств и их соответствующие ведомства могут предоставлять комплексные и высококачественные услуги соответствующим предприятиям для удовлетворения их потребностей и запросов.

В то же время это означает, что мы должны постоянно совершенствовать и развивать соответствующие законы и нормативные акты в области торговли. Нам также необходимо развивать различные направления внешнеторговой политики, чтобы экономическое и торговое сотрудничество между Россией и Китаем в Арктическом регионе осуществлялось беспрепятственно и соответствовало международно-правовым нормативам, было стандартизированным и систематизированным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай должен принять мирное развитие в качестве лейтмотива, а уважение, сотрудничество, эффективность и устойчивость – в качестве принципов участия в арктических делах, как указано в Белой книге «Арктическая политика Китая».

С целью создания «сообщества единой судьбы человечества в Арктике» Китай должен добиться максимально широкого консенсуса среди всех сторон, вовлеченных в процесс освоения и изучения Арктики, содействовать соблюдению международного права и Конвенции ООН по морскому праву в управлении Арктикой и преодолеть геополитические разногласия в Арктике.

На основе полного уважения доминирующего положения и интересов России в арктических проектах, обеспечивая интересы двустороннего сотрудничества между Китаем и Россией (см. также [13]), в российско-китайское арктическое сотрудничество должны быть внедрены соответствующие механизмы участия третьих стран для защиты общих интересов международного сообщества и соблюдения паритета интересов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. 张祥国, 李学峰: “北极地缘态势评估和中国推进 ‘冰上丝绸之路’ 的战略考量”. 东北亚经济论坛, 2023:5-9. (Zhang Xianguo, Li Xuefeng. Assessment of the geopolitical situation in the Arctic and strategic considerations for China's promotion of the “Ice Silk Road”). *Economic Studies of Northeast Asia*. 2023. Pp. 5–19. (In Chin.)
2. 韦进深, 朱文悦: “俄罗斯北极 ‘北极地区开发’ 国际合作政策制定和实施效果评析”. 俄罗斯学刊, 2021 : 29-46. (Wei Jinshen, Zhu Wen. Analysis of the formulation and implementation of the policy of international cooperation for the development of the Arctic region of Russia). *Journal of Russian Studies*. 2021. Pp. 29–46. (In Chin.)
3. Li Jianmin. Analysis of Sino-Russian cooperation in the Arctic: Framework, advantages, policies and opportunities. *The economy of Europe and Asia*. 2021. P. 27. (In Chin.)
4. Zhao Long. Analysis of the “Strategy for the development of the Arctic zone of Russia until 2035”. *Modern international relations*. 2020. Pp. 44–50. (In Chin.)
5. Zhu Yan, Wang Shuchun. Russia's New Arctic Policy: Changes, Causes and Characteristics. *Bulletin of the Oceanological University of China*. 2021. Pp. 46–57. (In Chin.)
6. Wang Chujiao. The modern Russian Arctic strategy: Development Cooperation and the Game of Security. *Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*. 2022. Pp. 110–169. (In Chin.)
7. Li Zhenfu, Wang Wenyi. The concept of building a Chinese-Russian Arctic cooperation corridor. *Journal of the Northeast Asia Forum*. 2017. Pp. 54–128. (In Chin.)
8. Zhang Weipeng. China's participation in Arctic management cooperation: Policy optimization, practical development and promotion ideas. *Studies of World Geography*. 2023. Pp. 1–14. (In Chin.)
9. Xiao Yang. Security and development: Repositioning of Russia's Arctic strategy. *The modern world*. 2021. Pp. 44–48. (In Chin.)
10. Bai Jiayu, Wang Linxiang, Li Yuda. The state of economic and social development of the Russian Arctic zone and new opportunities for Chinese-Russian cooperation in the Arctic. *An overview of East Asia*. 2021, p. 217. (In Chin.)

11. Wang Ruihuan, Lu Huiming. Analysis of the adjustment of the economic development of the Russian Arctic “to the East” after the Russian-Ukrainian conflict. *The maritime economy*. 2023, p. 78. (In Chin.)
12. Николаев Н.А. Арктический вектор в полярной политике Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 2. С. 15–22. DOI: 10.31857/S032150750030072-1
Nikolaev N.A. 2024. The Arctic Vector of China’s Polar Policy. *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 15–22. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030072-1
13. Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Россия и Китай в Арктике. Институт Дальнего Востока РАН. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. С. 88–101.
Petrovsky V., Filippova L. 2022. Russia and China in the Arctic. Moscow. Pp. 88–101.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ван Хуань, доктор политических наук, доцент Института иностранных языков Харбинского научно-технического университета, Харбин, Китай.

Wang Huan, Dr.Sc. (Political Sciences), Associate Professor, Institute of Foreign Languages, Harbin University of Science and Technology, Harbin, China.

Поступила в редакцию
(Received) 29.09.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 29.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 17.02.2024

Буркина Фасо: от незавершенного народного восстания до военных переворотов

© Садовская Л.М.^а, 2024

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-3765-9736; lubowsadowskaya@yandex.ru

Резюме. В статье анализируются причины нестабильности в одной из самых бедных стран мира – Буркина Фасо.

Народное восстание в октябре 2014 г. явилось следствием незавершенности процессов деколонизации, тормозящих поступательное движение развития страны. Спусковым крючком стало изменение статьи Конституции, позволявшее президенту Б.Компаоре остаться у власти еще на один срок.

Передача власти военным, многие из которых были сторонниками Б.Компаоре, не разрушила существовавшую политическую систему. А борьба между ними за высшую власть еще больше ослабила государство, которое стало целью исламистских группировок, проникающих из соседнего Мали. Пришедший к власти в 2015 г. гражданский президент М.Кафандо не смог остановить джихадистское насилие и обеспечить безопасность в стране.

Нараставший кризис недоверия правящему классу явился причиной двух военных переворотов в течение 2022 г. Подполковник П.-А.Дамиба, взявший власть в январе, так и не остановил джихадистское насилие. Очередной военный переворот в сентябре того же года явился доказательством раскола внутри армии. Свергнувшего Дамибу капитана И.Траоре поддержало большинство военных и население страны. Его отказ от присутствия в стране вооруженных сил Франции, намерение реформировать армию, одержать победу над джихадистами, стремление сотрудничать с Россией в военной, экономической и гуманитарной областях находит поддержку у большинства буркинийцев. Неслучайно в Уагадугу состоялась презентация международной премии им. Владимира Путина, которая будет вручаться выдающимся африканским лидерам за вклад в борьбу за освобождение народов Африки.

Ключевые слова: Буркина Фасо, народное восстание, военный переворот, терроризм, безопасность

Для цитирования: Садовская Л.М. Буркина Фасо: от незавершенного народного восстания до военных переворотов. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 48–56. DOI: 10.31857/S032150750030455-2

Burkina Faso: From an Unfinished Popular Uprising to Military Coups

© Lyubov M. Sadovskaya^а, 2024

^а Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3765-9736; lubowsadowskaya@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the causes of instability in one of the poorest countries in the world – Burkina Faso.

The popular uprising in October 2014 was a consequence of the decolonization processes' incompleteness, which hampered the forward movement of the country's development. The trigger was a change in the article of the Constitution, allowing President Compaore to remain in power for another term. The transfer of power to the military, many of whom were Compaore supporters, did not destroy the political system that existed before the uprising. Moreover, the state is becoming a target for Islamist groups infiltrating from neighboring Mali.

Civilian President Kafando, who came to power in 2015, was unable to stop jihadist violence and ensure security in the country. The growing crisis of mistrust in the authorities was the cause of two military coups during 2022. Lieutenant Colonel Damiba, who carried out a military coup in January, did not stop jihadist violence. Another military coup in September of the same year was evidence of a split within the army. Captain Traore, who took power, was supported by the majority of the military and of the country's population. His rejection of French armed forces presence, his intention to reform the army and desire to cooperate with Russia in the military, economic and humanitarian fields are supported by the majority of Burkinabés. This is confirmed by the presentation of the Vladimir Putin International Prize in Ouagadougou, which will be awarded to outstanding African leaders for their contribution to the struggle for the liberation of the peoples of Africa.

Keywords: Burkina Faso, popular uprising, military coup, terrorism, security

For citation: Sadovskaya L.M. Burkina Faso: From an Unfinished Popular Uprising to Military Coups. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 48–56. (In Russ). DOI: 10.31857/S032150750030455-2

ВВЕДЕНИЕ

События, происходившие в Буркина Фасо с 2014 г., вписываются в общую картину глобальной дестабилизации. Их вполне можно рассматривать как продолжение революционных событий «арабской весны» с характерной для них широкомасштабной уличной мобилизацией, организуемой гражданскими протестными движениями (ГПД) во многих странах Африки южнее Сахары.

Нерешенные социальные проблемы: бедность, коррупция, безработица среди молодежи явились причиной протестов в Буркина Фасо. Большую роль в их организации сыграло движение «Гражданская метла» (*Balai citoyen*), сформировавшееся в 2014 г. [1]. Оно антисистемное, как и ГПД в других странах Африки. Несмотря на отсутствие связи с оппозиционными партиями и союзами, движение тем не менее стало частью политического процесса, направленного на свержение правившего в течение 27 лет президента Блэза Компаоре.

Каковы же причины того, что, несмотря на победу, одержанную восставшими, власть оказалась в руках армии? Цель исследования – выявление основных факторов, способствовавших установлению военно-гражданского режима, закончившегося чередой военных переворотов, изменивших конфигурацию внешней политики государства.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ ВОССТАНИЕ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Народное восстание 2014 г. в Буркина Фасо не разрушило систему, созданную Б.Компаоре (1987–2014 гг.), поскольку оно оказалось незавершенным по причине возвращения к власти бывших соратников свергнутого президента.

Среди исследователей ведутся споры относительно того, что это было в 2014 г.: «конфискованная» революция или незавершенное восстание? Многие из них (С.Хагберг, Л.Кибора, Ф.Уаттара и А.Конкобо) квалифицируют события, происходившие 30–31 октября 2014 г. в Буркина Фасо как революцию, «совершенную посредством массовой мобилизации (гражданской и военной) во имя социальной справедливости и законности, создания новых политических институтов» [2]. По определению современно-го теоретика революций Дж.Голдстоуна, именно это сочетание позволяет говорить о революции [3].

Такой же точки зрения придерживается и основатель движения «Гражданская метла» рэпер Серж Бамбара, известный как Смоки, который называет эти события «второй революцией». Первая «народная», по его мнению, произошла при Томасе Санкаре в 1983 г. Соратник Смоки, тоже рэпер, Сэм Лё Джа выделяет в ней 3 этапа – осознание необходимости организации молодежи начиная с 2013 г., мобилизацию граждан и активные действия с 28 по 31 октября 2014 г. [4].

Стоит обратить внимание на оценку этих событий французским историком Бруно Жаффре в его книге «Незавершенное восстание – Буркина Фасо 2014». Он справедливо, на наш взгляд, считает, что это было не доведенное до конца восстание, которое привело к созданию «уникального в своем роде гражданско-военного переходного режима в 2014 г.» [5].

Причина незавершенности восстания заключалась прежде всего в том, что для одних его участников цели ограничивались защитой Конституции, в которой не предусматривалось третьего президентского срока. Для других – членов крупнейшей оппозиционной партии Народное движение за прогресс (НДП), сформированной в 2014 г. из высокопоставленных перебежчиков, состоявших в правящей партии Конгресс за демократию и прогресс (КПД), – главной была задача завоевания власти в стране.

Буркинийский профессор Мусса Диало рассматривает события 30 и 31 октября 2014 г. как «восстание, которое провалилось» [6]. В качестве доказательства он ссылается на тот факт, что результаты восстания (свержение президента и правительства) уже «в первые дни были конфискованы армией», за помощью к которой обратились сами его участники. Он убежден, что после ухода Компаоре «власть лежала в ногах восставших, и никакая сила в лице гражданского общества или политической партии не смогла её поднять» [6]. К тому же профессор отмечает слишком короткий временной отрезок переходного периода – всего один год. По его мнению, «революция длится не один год, а несколько лет, в течение которых происходит смена режима».

В этой связи необходимо обратить внимание на то, что события октября 2014 г. возникли не вдруг. Им предшествовала десятилетняя борьба буркинийцев с режимом Компаоре. Она велась против безнаказанности, высокой стоимости жизни, коррупции не только в столице, но и в сельских регионах и на горнодобывающих предприятиях. В этой борьбе принимали участие как политические партии, так и профсоюзы.

Первое серьезное гражданское восстание произошло в декабре 1998 г. после убийства известного журналиста Норберта Зонго, который пытался выяснить нераскрытую причину смерти водителя брата президента Франсуа Компаоре. Примерно 15 тыс. буркинийцев приняли участие в похоронной процессии Зонго. Обстановка в столице была близка к революционной. Впервые граждане страны публично выразили недовольство правительством, которое называли «убийцей».

ПЕРЕДАЧА ВЛАСТИ ВОЕННЫМ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ВОССТАНИЯ

Главной целью, которую восставшим удалось достичь, было свержение диктатора Компаоре. Но в отсутствие общенационального лидера¹, а также конкретных планов создания альтернативного будущего страны восстание закончилось возвращением власти «хорошим генералом».

И это было неслучайно: уже начиная с января 1966 г., после свержения первого президента Верхней Вольты² Мориса Ямеого, военные на протяжении 48 лет находились во главе государства³. Всё это время они занимали разного рода политические должности, получая поддержку влиятельных гражданских лиц. Это привело к тому, что военная верхушка оказалась далекой как от рядовых офицеров и солдат, условия существования которых были почти такими же, как у обездоленного народа, так и от населения страны. Лидеры движения «Гражданская метла» во время восстания 2014 г. выступили с лозунгом «Долой военную буржуазию!» и призвали «настоящую армию» объединиться с народом [7].

Однако после отставки Компаоре у власти оказались его бывшие соратники: генерал Оноре Траоре и подполковник Исаак Зида. Эти высокопоставленные военные объявили о создании переходного органа власти и возвращении к конституционному порядку не ранее, чем через 12 месяцев. В соответствии с этим планом Мишель Кафандо, до этого времени сотрудничавший с Компаоре, стал исполняющим обязанности президента, а И.Зида – и.о. премьер-министра и министра иностранных дел. Выбор кандидатуры Кафандо на высший пост государства стал результатом компромисса между армейской верхушкой и оппозиционными силами.

Назначения бывших соратников Компаоре не способствовали достижению стабильности в буркинийском обществе. Это подтверждает тот факт, что ровно через год после восстания, 16 сентября 2015 г., бывшие сторонники Компаоре совершили неудачную попытку государственного переворота, имевшего цель сместить переходное правительство. Поводом для переворота послужил новый избирательный Кодекс, утвержденный Национальным переходным советом, который на основании ст. 135 запрещал сторонникам бывшего президента выставлять свои кандидатуры на будущих президентских выборах, назначенных на октябрь 2015 г.⁴

Согласно этой статье 6 из 22 кандидатов на пост президента исключались из избирательных списков, в т.ч. Э.К.Конбонго, кандидат от КДП, один из ближайших приближенных бывшего президента. К тому же Комиссия по Национальному примирению и реформам внесла предложения о роспуске Президентского полка безопасности, созданного Компаоре в 1995 г., а также эксгумации останков Т.Санкары⁵. Последнее было необходимо для того, чтобы приподнять завесу над его гибелью в 1987 г., в при-

¹ В 1987 г. был убит Томас Санкара, президент Буркина Фасо (1983–1987 гг.), ставший после свержения Компаоре национальным героем. Его еще называют «отцом революции», который из-за короткого срока пребывания у власти не смог осуществить задуманные им революционные преобразования в стране (*прим. авт.*).

² В 1984 г. Верхняя Вольта была переименована в Буркина Фасо – название означает «Родина честных людей» (в переводе с яз. *мооре* «буркина» – «честные люди», в переводе с яз. *дьюла* «фасо» – «отечество»). Другая версия перевода – «Страна достойных людей» или «Страна людей с отважным сердцем» (*прим. авт.*).

³ С 1966 по 2014 г. в Буркина Фасо произошло 6 военных переворотов (*прим. авт.*).

⁴ Code électoral nationale indépendante (CENI). 2015. https://www.ceni.bf/sites/default/files/Code_%C3%A9lectorale_BF-Version_21.05.2015.pdf (accessed 13.12.2023)

⁵ Ibidem.

частности к которой подозревался бригадный генерал Жильбер Дьендере, будущий организатор военного переворота 2015 г.

Во время путча он и поддерживающие его военные взяли в заложники исполняющего обязанности президента М.Кафандо и премьер-министра И.Зида. Только благодаря посредничеству президента Сенегала М.Салля и представителя ООН по делам Африки, а также действиям антипутчистов, ответивших на призыв движения «Гражданская метла» выйти на площадь Республики в Уагадугу, президент и премьер-министр были освобождены.

Через неделю после начала переворота заговорщики вынуждены были сдаться. Кафандо снова принял руководство страной, объявив о восстановлении переходного правительства сроком на один год. Генерал Дьендере был арестован по обвинению в государственном перевороте.

6-ЛЕТНИЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Переходный период завершился всеобщими президентскими выборами, которые прошли 29 ноября 2015 г. Победу на них уже в первом туре одержал бывший союзник Компаоре, лидер Народного движения за прогресс, входящего в Социнтерн, экс-банкир Марк Кристиан Каборе. С 1994 по 1996 г. он был премьер-министром в правительстве Компаоре, с 2002 по 2012 г. – председателем Национальной ассамблеи.

М.К.Каборе стал первым гражданским президентом Буркина Фасо, избранным демократическим путем впервые с 1978 г. В сформированном правительстве Каборе занял должность министра обороны и по делам ветеранов, как и его предшественник Компаоре. Однако с начала 2016 г. его правление было омрачено тем, что страна оказалась втянутой в спираль джихадистского насилия и стала новой целью действующих в Сахеле террористов⁶.

Политическая нестабильность, существовавшая в Буркина Фасо на протяжении многих лет, способствовала проникновению и активизации деятельности на его территории таких террористических организаций, как «Западноафриканская провинция Исламского государства» (ЗАПИГ), являющаяся ответвлением «Бoko Харам»; «Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин» (ДНИМ), одно из отделений «Аль-Каиды»; «Исламское государство в Большой Сахаре» (ИГБС) – структура в «ИГ» и др. Их боевики совершали вооруженные атаки сначала в приграничных с Мали районах, а затем, по мере их продвижения вглубь, и в других регионах, расположенных в северо-центральной и восточной частях страны. Главной целью террористических атак был захват территорий, в недрах которых находились значительные месторождения золота⁷. В настоящее время там действуют 3 промышленных рудника и десятки официально заявленных кустарных горнодобывающих предприятий.

Эти террористические группировки часто враждуют между собой за установление контроля над тем или иным месторождением золота, которое является для них важным источником дохода. Добываемое золото отправляется в Того, оттуда в ОАЭ, Саудовскую Аравию, Турцию, Швецию и Индию. За один 2020 г. джихадисты, став главными работодателями для жителей приграничных регионов, разбогатели на \$2 млрд и нашли неиссякаемый источник рекрутов на шахтах и в окружающих поселениях⁸.

В приграничных районах между Буркина Фасо, Мали и Кот д'Ивуаром существуют налаженные сети торговли оружием и продовольствием. Этот регион также является центром кустарной добычи золота. Увеличение количества нападений боевиков коалиции Джамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин на конвои, сопровождающие товары и грузы, перевозимые из Кот-д'Ивуара в торговые центры Мали и Буркина Фасо, а также на мирных жителей, заставляет последних либо с ними сотрудничать, либо бежать с этих мест.

⁶ Ibid.

⁷ Буркина Фасо по объемам добываемого золота занимает 5-е место в Африке. Его ежегодная добыча достигает около 70 т. За последние 10 лет золото стало первым экспортным товаром страны, опередившим хлопок (подр. см.: Au Burkina Faso, la Russie rafle un gisement d'or de plus. 2022. <https://www.jeuneafrique.com/1398998/economie-entreprises//au-burkina-faso-la-russie-refle-un-gisement-dor-de-plus/> (accessed 31.10.2023))

⁸ Burkina Faso. President Kaboré “detained” by mutinous soldiers. <https://aljazeera.com/news/2021/11/27/burkina-faso-president-kaboré-detained-by-mutinous-soldiers> (accessed 31.10.2023)

В целом ситуация в стране при Каборе была доведена до того, что исламистские группировки взяли под контроль 40% её территории. Уже с 2019 г. с целью создания «Халифата» исламисты начали активно захватывать обширные территории и изгонять с них мирное население, разрушать инфраструктуру. Они запугивали народ, устраивая массовые расстрелы мирных жителей. Для предотвращения такого насилия со стороны боевиков в некоторых провинциях введено чрезвычайное положение.

Для сдерживания наступления джихадистов на северо-востоке страны в 2019 г. было создано армейское контртеррористическое подразделение «Кобра». Однако отсутствие в высших эшелонах власти четкой стратегии в области безопасности, проблемы со снабжением, выплатами жалования солдатам, оказанием помощи пострадавшему от джихадистов населению не способствовали сокращению количества террористических атак и связанных с ними жертв среди местных жителей.

Нападение боевиков 14 ноября 2021 г. в населенном пункте Ината привело к гибели 49 офицеров полиции и 4 гражданских лиц, переполнило чашу терпения буркинийцев и послужило поводом для массовой демонстрации в столице 27 ноября 2021 г.⁹ Противники президента Каборе, объединившиеся в альянс под названием «Коалиция 27 ноября», призвали население к возобновлению протестов против бессистемной политики президента в борьбе с террором.

За 6 лет пребывания у власти президента Каборе (в ноябре 2020 г. он был переизбран на второй срок) погибло более 2 тыс. проживающих в приграничных и других районах жителей, 1,5 млн вынуждены были покинуть свои дома, опасаясь насилия. 1000 школ оказались закрытыми. 3 млн из 22,5 млн буркинийцев голодают по причине засухи и непрекращающегося насилия¹⁰. Такое положение дел не соответствовало предвыборным обещаниям Каборе сделать антиджихадистскую борьбу приоритетом своей внутренней политики.

Недовольство населения вызывало и военное присутствие Франции на территории Буркина Фасо. Проводя с 2014 г. без особого успеха операцию «Бархан» по борьбе с джихадистами, эта страна утратила доверие местных жителей. С 2021 г. всё чаще стали выдвигаться требования вывода французских войск, которые, как считают буркинийцы, лишь имитировали борьбу с исламистами и никак не влияли на решение проблем, связанных с ликвидацией боевиков. Отсутствие воли и желания у президента Каборе покончить с этой проблемой привело к 7-му по счету военному перевороту в стране.

СВЕРЖЕНИЕ КАБОРЕ И ПРИХОД К ВЛАСТИ ВОЕННЫХ

23 января 2022 г. в результате ожесточенной перестрелки в Уагадугу мятежные солдаты под руководством подполковника Поля-Анри С.Дамиба захватили контроль над военной базой в столице страны. На другой день военные окружили и заняли здание государственного телевидения. В эфире они объявили о взятии власти в стране, аресте президента Каборе, роспуске правительства и парламента, приостановке до особого распоряжения действия Конституции и закрытии воздушных и сухопутных границ [8].

Захватив власть, путчисты заявили о создании Патриотического движения за спасение и восстановление (MPSR), в которое вошли все мятежные воинские подразделения. Движение возглавил П.-А.С.Дамиба, ставший президентом Буркина Фасо 1 февраля, после опубликования Основного закона страны¹¹.

Стоит отметить, что Дамиба ранее входил в число лиц, приближенных к свергнутому президенту Компаоре: был сотрудником его охраны. В 2015 г. участвовал в попытке государственного переворота с целью свержения временного правительства, действовавшего после изгнания Компаоре из страны. Известно, что подполковник принимал участие в различных контртеррористических операциях, в декабре 2021 г. был назначен командующим главного военного округа в Буркина Фасо.

Военный переворот, совершенный Дамибой, был осужден мировым сообществом. ЭКОВАС и Африканский Союз приостановили членство Буркина Фасо в своих организациях до тех пор, пока в стране не будет восстановлен конституционный порядок. Что касается самих буркинийцев, они приветствова-

⁹ Ibidem.

¹⁰ Cinq zones de violence des groupes islamistes militants au Sahel. 2022. <https://africacenter.org/fr/spotlight/cinq-zones-de-violence-des-groupes-islamistes-militants-au-sahel/> (accessed 27.10.2023)

¹¹ Burkina Faso: Voici l'Acte fondamental de MPSR. <https://netafrique.net/burkina-faso-voici-lacte-fondamental-de-MPSR> (accessed 10.02.2022)

ли свержение Каборе на улицах и площадях столицы. Неизвестные лица даже подожгли штаб-квартиру его правящей партии – Народное движение за прогресс.

Лидер протестного движения «Гражданская метла» С.Бамбара хотя открыто и не осудил военный переворот, но и не заявил о своей поддержке новой власти. Он убежден, что буркинийцы должны были положить конец режиму Каборе. По его мнению, несмотря на приверженность организаций гражданского общества страны верховенству права и демократическим ценностям, отвергающим военные или конституционные перевороты, они «принимают к сведению сложившуюся в стране ситуацию» [9].

Исполнительный директор базирующегося в Уагадугу исследовательского института *Free-Afrik* Р.С.Сейду Уэдраого заметил, что хотя военная диктатура никогда не приводила к развитию Африки, «в сложившейся кризисной ситуации в стране население испытывает потребность в сильных мужчинах, а не добродетелях»¹².

Тем не менее пребывание Дамибы в течение 8 месяцев у власти не улучшило ни политическую, ни экономическую ситуацию в стране. Его обещания победить исламистов остались словами, а джихадисты тем временем только расширяли свой плацдарм для террористических действий. Просчетом в политике Дамибы было то, что он ничего не предпринимал для реформирования вооруженных сил. В войсках его обвиняли в неоправданных потерях, задержках с ротациями и выплатами жалования. На критику в свой адрес временный президент отвечал репрессиями.

Когда в конце сентября 2022 г. командующий контртеррористическим подразделением «Кобра» и участвовавший вместе с Дамибой в свержении Каборе капитан И.Траоре прибыл в Уагадугу, чтобы донести до главнокомандующего просьбы солдат, тот его не принял. Видимо, временный президент больше рассчитывал на французских военных, чем на свою армию. В свое время он был выпускником Военной школы Парижа, затем обучался в США по линии Госдепа¹³. В проводимой им политике всё чаще прослеживался профранцузский курс, который шел вразрез с тотальным падением влияния Франции в регионе, антифранцузскими и пророссийскими настроениями среди буркинийских офицеров.

Дамиба отказался от помощи российской ЧВК «Вагнер» в борьбе с салафитами и, более того, сократил финансирование «Кобры», чем фактически подписал себе приговор. Такое отношение к действующим на передовой военным не могло не сказаться на увеличении количества террористических атак исламистов. Самой кровавой из них было нападение 26 сентября 2022 г. на колонну из 150 грузовиков с продовольствием, следовавшую в сопровождении военных в осажденный г. Джибо. Тогда погибли 27 военнослужащих и более 50 мирных жителей¹⁴. Это событие вызвало негодование не только у военных, но и у населения страны. На севере прошли демонстрации, связанные с обострением ситуации из-за отсутствия безопасности в регионе.

К тому же беспокойство у жителей вызвал принятый Законодательной ассамблеей закон о полномочиях, позволяющих правительству принимать меры на основе приказов в рамках «национальной обороны и борьбы с террористическими группами». В этой связи Дамиба приказал создать «зоны военного интереса» на севере и востоке страны. На деле это означало принуждение жителей покинуть места своего проживания, находящиеся на территории этих зон.

По мере роста напряженности между сторонниками и противниками Дамибы усиливались акты запугивания журналистов: нападения, цензура передач. Наметились тенденции ограничения политических свобод в стране. Нельзя не обратить внимания на то, что между Дамибой и молодыми офицерами, большинство из которых были задействованы на фронте против вооруженных исламистских групп, назревал глубокий раскол. Военная верхушка, далекая от фронта, продолжала обогащаться, вызвала недовольство у солдат, воевавших с террористическими группировками, у них создавалось впечатление, что их бросили.

Раскол происходил и внутри общества. Многие буркинийцы были возмущены прибытием в Уагадугу в июле 2022 г. по приглашению Дамибы бывшего президента Компаоре, который в апреле того же года был пожизненно осужден буркинийским судом за убийство своего предшественника Т.Санкары.

Возвращение Компаоре в Буркина Фасо впервые после 2014 г. вызвало большие споры. Если его сторонники связывали этот визит с надеждами на мир, то противники призывали к аресту бывшего

¹² Coup d'État au Burkina Faso: la junte rétablit la Constitution et modifie les institutions. *Le Monde*. Paris. 31.01.2022.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid.

президента и исполнению заочного приговора. Тем не менее Компаоре участвовал во встрече не только с Дамибой, но и с другим бывшим президентом страны Ж.-Б.Уэдраого (1982–1983)¹⁵. Организуя это мероприятие, подполковник рассчитывал на преодоление разногласий между поколениями, чтобы вместе восстановить спокойствие в стране. Однако из-за опасения за свою жизнь Компаоре срочно покинул страну. В итоге встреча не принесла ожидаемого временным президентом результата.

Факты показывают, что ни свергнутый в январе 2022 г. президент Каборе, ни возглавивший военный переворот Дамба не выполнили свои обещания отвоевать ставшую неконтролируемой государством национальную территорию [10].

ОЧЕРЕДНОЙ ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Раскол в вооруженных силах привел к очередному, восьмому по счету, военному перевороту, совершенному 30 сентября 2022 г. под командованием капитана Ибрагима Траоре. В тот день его отряды вошли в Уагадугу и после серии столкновений с правительственными войсками нанесли им поражение. И.Траоре сразу же объявил об отстранении от должности Дамобы. Последний лишь через три дня отрекся от власти, после чего вылетел с французской авиабазы (в 30 км от столицы) в Того.

Отношение мирового сообщества к очередному военному перевороту в Буркина Фасо было резко отрицательным. Что касается ЭКОВАС, то его представители буквально через несколько дней прибыли в страну, чтобы оценить ситуацию. И.Траоре убедил их в том, что продолжит выполнять обязательства перед ЭКОВАС, взятые Дамбой.

14 октября, после назначения И.Траоре временным президентом переходного периода, была принята «Хартия переходного периода». В ст. 5 этого документа говорится, что «глава *MPSR* (Патриотическое движение за спасение и восстановление) выполняет функции президента, верховного главнокомандующего Национальными вооруженными силами». Согласно ст. 4, «срок полномочий переходного президента истекает с момента инаугурации нового, избранного в результате президентских выборов, запланированных на 2024 г.». К тому же «президент переходного периода не имеет права участвовать в президентских, законодательных и муниципальных выборах, которые будут организованы по завершении переходного периода»¹⁶.

Капитана И.Траоре молод, ему 36 лет. Родился в 1988 г. в религиозной семье, образование получил в университете Уагадугу, во время учебы состоял в Ассоциации студентов-мусульман. В 2010 г. поступил на службу в буркинийскую армию.

Руководствуясь соображением о том, что в Африке традиционно сильны позиции военных и что армейская биография может помочь молодому человеку подняться на вершину власти, амбициозный И.Траоре в 2009 г. подписал контракт и отправился в Марокко, где прошел курс военного обучения. В 2012 г. был командирован в мотопехотный полк, базирующийся в г. Кая, на северо-востоке Буркина Фасо. Там он принимал участие в антитеррористических операциях, в т.ч. в составе Миссии ООН по стабилизации ситуации в Мали. Был отмечен наградой за оборону аэропорта Томбукту. В 2014 г. И.Траоре получил звание лейтенанта.

Капитан И.Траоре харизматичен, имеет в стране образ спасителя отечества. Его сравнивают с кумиром буркинийской молодежи Т.Санкарой. Новый лидер указывает на необходимость практического воплощения таких его идей, как снижение зарплат президента и членов правительства (сам он получает столько, сколько положено офицеру); ограничение числа членов правительства; потребление населением страны только того, что в ней производится; снижение цен на бензин.

Наблюдатели обратили внимание на красный берет, который, как и Т.Санкара, носит И.Траоре, а еще на то, что оба – капитаны, и тот и другой пришли к власти в возрасте 34 лет. Они стали организаторами военных переворотов против военных, силовым методом захвативших власть.

После инаугурации 21 октября И.Траоре представил план действий, направленных на укрепление суверенитета Буркина Фасо, вопросы безопасности и возвращения перемещенных лиц. Он намерен за-

¹⁵ L'ex-président Compaoré est arrivé à Ouagadougou après 8 ans d'exil. <https://afriquemediatv/2022/07/07/lex-president-compaore-est-arrive-a-ouagadougou-apres-8-ans-dexil/> (accessed 18.12.2023)

¹⁶ Burkina Faso: Voici la Charte de la transition et l'Acte de confirmation signé par le capitaine Traoré. <https://burkina24.com/2022/10/15/Burkina-faso-voici-la-charte-de-la-transition-et-lacte-de-confirmation-signe-par-le-capitaine-traore/> (accessed 19.11.2023)

нимать самостоятельную позицию в международных отношениях. Несмотря на то, что Европарламент в своей резолюции рекомендовал новым властям Буркина Фасо «не прибегать к помощи российской ЧВК для обучения своей армии и достижения стабильности», тем не менее И.Траоре открыто заявил, что не собирается от неё отказываться, поскольку это необходимо для изменения хода борьбы с исламскими террористическими группировками.

Более того, 17 сентября 2023 г. в районе Липтако-Гурма на границе Буркина Фасо с Мали лидеры трех государств – Буркина Фасо, Мали и Нигера – приняли Хартию, учреждавшую Альянс государств Сахеля¹⁷. Его главной целью является военное и экономическое сотрудничество между соседними странами в деле борьбы с терроризмом, а также внешней агрессией или внутренними угрозами.

28 января 2024 г. военные власти Буркина Фасо, Мали и Нигера официально заявили о своем решении выхода из ЭКОВАС. В обнародованном документе отмечалось сожаление по поводу того, что эта организация «отошла от идеи panafricanism своих отцов-основателей»¹⁸.

Глава Буркина Фасо намерен заняться реструктуризацией и перевооружением армии, а также подготовкой военных кадров. И.Траоре нацелен на тесное сотрудничество с Россией. Это он подтвердил во время встречи с президентом В.В.Путиным на Втором саммите «Россия – Африка» в июле 2023 г. в Санкт-Петербурге и с делегацией российских военных в Уагадугу в сентябре 2023 г.

С целью укрепления экономики страны И.Траоре планирует пересмотреть контракты с компаниями, добывающими золото в стране. Он недоволен низким поступлением налогов от иностранных корпораций и готов пойти на национализацию золотодобывающих предприятий. В ноябре 2023 г. в Буркина Фасо было запущено строительство первого завода по переработке золота. Этот крупный проект будет реализован в рамках стратегического партнерства с малийской компанией *Marena Gold*. Власти страны считают строительство такого завода важной вехой в борьбе за экономический суверенитет, который является главной целью принятого 25 января 2023 г. Плана действий по стабилизации и развитию на период 2023–2025 гг.¹⁹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В силу сложившихся исторических обстоятельств из 63 лет независимого развития Буркина Фасо почти 50 лет управляли военные.

Пребывание у власти гражданского президента М.Кафандо (2015–2022 гг.) не обеспечило стабильности в буркинийском обществе. Наоборот, при нем произошло резкое увеличение террористических нападений исламистских групп. Неспособность властей к отражению террористических атак и защите мирного населения, неоказание необходимой для этой цели материальной помощи армии привели к двум новым военным переворотам, которые можно отнести к категории бескровных благодаря широкой народной поддержке.

Отсутствие существенных сдвигов на фронтах сражений с исламистами при подполковнике Дамибе явилось причиной второго военного переворота, совершенного капитаном И.Траоре, который непосредственно участвовал в боях с исламистами и видел изнутри проблемы в войсках. Офицер полон решимости построить независимое государство, освободив его в первую очередь от террористов. Он считает, что борьба будет непростой и может даже занять 10 и более лет. В то же время новый лидер намерен проводить независимую политику в интересах страны. Показательным является разрыв договора о военном сотрудничестве с Францией, заключенного более 60 лет назад. В феврале 2023 г. последняя группа французских военнослужащих покинула страну.

И все же нельзя не учитывать факт существования раскола внутри политической и военной элиты страны²⁰. Вполне очевидно, что в Буркина Фасо большинство граждан поддерживает И.Траоре, но есть и те, кто на стороне свергнутого два года назад Дамибы, и те, кто еще мечтает о возвращении к власти Компаоре. К тому же санкции против буркинийского государства имели весьма серьезные последст-

¹⁷ Mali, Burkina Faso and Niger sign military alliance. <https://mronline.org/2023/09/19mali-faso-and-niger-sign-military-alliance/> (accessed 23.11.2023)

¹⁸ Le Burkina Faso, le Mali et le Niger quittent la Sédéao. <https://information.tv5monde.com/afrique/le-burkina-faso-le-mali-le-niger-quittent-la-sedeao-2706966> (accessed 04.02.2024)

¹⁹ Burkina: Un plan d'actions de stabilisation adopté. <https://news.aouaga.com/h/146843.html> (accessed 20.12.2023)

²⁰ В сентябре 2023 г. была предпринята неудавшаяся попытка военного переворота (прим. авт.).

вия: обострили социально-экономическую обстановку и привели к росту активности террористических групп.

Многое для страны будет зависеть от успеха И.Траоре и его команды в борьбе с джихадистами, освобождении национальных территорий, проведении военной реформы. В этом вопросе буркинийский лидер рассчитывает на сотрудничество с Россией.

ЛИТЕРАТУРА / REERENCES

1. Polet F. 2016. Afrique subsaharienne: entre révoltes populaires et restaurations autoritaires. État des resistances dans le Sud-Afrique. <https://www.cetri.be/Afrique-subsaaharienne-entre?lang=fr> (accessed 10.11.2018)
2. Hagberg S., Kibora L., Ouattara F., and Konkobo A. 2015. Au cœur de la révolution burkinabé. *Antropologie and développement*. Paris. № 42–43. Pp. 199–224.
3. Goldstone J. 2014. *Revolution A very Short Introduction*. Oxford University Press. Oxford. Pp. 190–208.
4. Romelo O. and Verriere L. 2018. Les mouvements de jeunesse en Afrique: le cas de Balai citoyen au Burkina Faso. <https://classe-internationale.co./2018/01/04/les-mouvements-de-jeunesse-en-Afrique-le-cas-de-balai-citoyen-ou-bur...> (accessed 16.12.2018)
5. Jaffré Bruno. 2019. *L'insurrection inachevée – Burkina Faso 2014*. Ed. Sylleps. Paris. P. 206.
6. См.: Sancara J. 2015. Insurrection et révolution: “Quelles différences et quelles similitudes?” <https://lepays.bf/insurrection-et-revolution-quelles-differences-et-quelles-similitudes/> (accessed 30.04.2019)
7. Morken Ben. 2014. The revolutionary reawakening of Burkina Faso/Socialist Appeal: IMT South Africa. November 3. <https://socialist.net/the-revolutionary-reawakening-of-burkina-faso/> (accessed 10.11.2023)
8. См.: Филиппов В.Р. Буркина Фасо: путч 2022 года. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 40–47. DOI: 10.31857/SO32150750020974-3
9. Filippov V.R. 2022. Burkina Faso: Putsch 2022. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/SO32150750020974-3
10. Elischer Sebastian. Coup d'État militaire en Afrique: voici ce qui détermine le retour à un régime civil. <https://theconversation.com/coups-detat-militaires-en-afrique-voici-ce-qui-determine-le-retour-a-un-regime-civil-211547> (accessed 13.11.2023)
11. Agnès Faivre. Vu de Ouagadougou Burkina Faso: “le président Damiba démissionné, le nouveau coup d'État est acté”. 2022. https://www.liberation.fr/international/afrique/burkina-faso-le-president-damiba-demissionne-le-nouveau-coup-detat-est-acte-20221002_wBLKJW.NENGLPGCI... (accessed 18.11.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Садовская Любовь Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Lubov M. Sadovskaya, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Sociological and Political Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступило в редакцию
(Received) 28.12.2023

Доработано после рецензирования
(Revised) 23.01.2024

Принято к публикации
(Accepted) 10.02.2024

«Маленький Могадишо» в Стокгольме, или «апартеид с дружелюбным лицом» по-шведски

© Горохов С.А.^{a,b}, Дмитриев Р.В.^{a,c}, Агафшин М.М.^{a,d}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-9984-6054; stgorohov@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0002-0245-0481; agafoshinmm@gmail.com

Резюме. В статье анализируются причины пространственной сегрегации мигрантов из Африки в Швеции. Проблема сегрегации наиболее ярко проявляется в Ринкебю – районе шведской столицы, население которого более чем наполовину представлено мигрантами из Африки (в первую очередь из Сомали).

Сегрегация сомалийцев в Ринкебю вызвана комплексом причин, среди которых – унаследованные сложности жилищной системы страны, проводимая на протяжении десятилетий политика мультикультурализма в шведском обществе, социокультурные особенности самих сомалийцев – клановая структура их диаспоры. Сочетание мультикультурной модели интеграции, предусматривавшей сохранение и развитие в Швеции культурных традиций иммигрантских общин, с принципами государства благосостояния фактически привело к добровольной сегрегации сомалийцев.

В настоящее время Ринкебю, часто именуемый «маленьким Могадишо», имеет сомнительную славу одного из наиболее опасных мест для проживания в стране вследствие маргинализации и криминализации мигрантского населения. Власти Швеции стремятся реализовать программы, направленные на улучшение социально-экономических показателей таких районов, как Ринкебю, посредством ликвидации механизмов сегрегации как таковых.

Ключевые слова: Швеция, Стокгольм, Ринкебю, сомалийцы, африканцы, уязвимый район, сегрегация

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123. <https://rscf.ru/project/22-18-00123>

Для цитирования: Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Агафшин М.М. «Маленький Могадишо» в Стокгольме, или «апартеид с дружелюбным лицом» по-шведски. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 57–65. DOI:

“Little Mogadishu” in Stockholm, or “Apartheid with a Friendly Face” in Sweden

© Stanislav A. Gorokhov^{a,b}, Ruslan V. Dmitriev^{a,c}, Maksim M. Agafoshin^{a,d}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-9984-6054; stgorohov@yandex.ru

^c ORCID: 0000-0003-4018-9832; dmitrievrv@yandex.ru

^d ORCID: 0000-0002-0245-0481; agafoshinmm@gmail.com

Abstract. The article analyzes the causes of spatial segregation of migrants from Africa in Sweden. The problem of segregation is most pervasive in Rinkeby – a district of the Swedish capital, whose population is more than half represented by migrants from Africa, primarily from Somalia.

The segregation of Somalis in Rinkeby is caused by a complex of reasons: the inherited difficulties of the country's housing system, the policy of multiculturalism in Swedish society carried out for decades, the socio-cultural characteristics of the Somalis themselves – the clan structure of their diaspora. The combination of a multicultural model of integration, which provides for the preservation and development of the cultural traditions of immigrant communities in Sweden, with the principles of the welfare state has actually led to the voluntary segregation of Somalis.

Rinkeby is often referred to as “Little Mogadishu” and has acquired a dubious reputation as one of the most dangerous places to live in the country, which is caused by the marginalization and criminalization of the migrant population. The Swedish authorities are striving to implement programs aimed at improving the socio-economic indicators of districts such as Rinkeby through the elimination of the very mechanisms of segregation.

Keywords: Sweden, Stockholm, Rinkeby, Somalis, Africans, vulnerable area, segregation

Acknowledgement. The research has been supported by the Russian Science Foundation № 22-18-00123.
<https://rscf.ru/en/project/22-18-00123>

For citation: Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Agafoshin M.M. "Little Mogadishu" in Stockholm, or "Apartheid with a Friendly Face" in Sweden. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 57–65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030456-3

ВВЕДЕНИЕ

Швеция на протяжении большей части своей истории представляла собой моноэтничную, малопривлекательную для иммигрантов страну, население которой в поисках лучшей доли часто само предпочитало отправляться за рубеж. Миграционная ситуация в стране стала меняться только после окончания Второй мировой войны, в эпоху бурного экономического роста [1].

Благоприятная экономическая конъюнктура позволила правительству страны приступить к социальным реформам, поэтому именно в это время Социал-демократическая партия Швеции, исходя из своей концепции «дома для народа» (швед. *Folkhemmet*), приступает к строительству государства благосостояния [2] (обеспечение населения комплексом социальных услуг: жильем, работой (правительство поставило задачу добиться полной занятости населения), пенсией по старости, образованием, медицинским обслуживанием и т.д.) (подробнее см. [2]).

Промышленные предприятия страны, испытывавшие нехватку рабочих рук, начали активно нанимать рабочую силу из-за рубежа. В свою очередь, трудовых мигрантов привлекали высокий уровень жизни в Швеции и патерналистская социальная политика государства. Если в 1950 г. в Швеции проживало менее 200 тыс. мигрантов (2,8% населения), то уже к 1970 г. их численность возросла до 538 тыс. (6,7% населения), из них около 60% составляли граждане соседних государств Северной Европы (главным образом – выходцы из Финляндии), еще более 25% иммигрантов были уроженцами других европейских стран, и лишь менее 15% приходилось на остальные регионы мира¹.

Рост промышленности привел к оттоку населения из сельской местности и сосредоточению хозяйственной жизни Швеции в городах, где концентрировалось и большинство прибывавших в страну мигрантов. Это привело к дефициту жилого фонда и **перегруженности центральных районов столицы, в т.ч. из-за мигрантов**, и других крупных городов. Поэтому в 1950–1960-е гг. правительство, согласно концепции «дома для народа», приступило к решению задачи по обеспечению каждой шведской семьи собственным жильем. В стране было реализовано несколько градостроительных проектов, в т.ч. создание городов-спутников (*ABC-города*²), а также «Миллионной программы» (шв. *miljonprogrammet*), по которой в 1965–1974 гг. было построено несколько более 1 млн новых квартир³, более 180 тыс. из них – в Стокгольме⁴. Возникли новые пригородные районы Стокгольма, а также других крупных городов страны: Мальмё, Гётеборга и др. [3; 4; 5].

Однако экономический бум в Швеции с конца 1960-х гг. сменился спадом, в стране начался рост безработицы. В 1972 г. доля безработных достигла рекордного для послевоенной истории страны уровня – 3,5% всех занятых, или 136 тыс. человек. Следствием мирового энергетического кризиса 1970-х гг. стало падение промышленного производства, приведшее к общему сокращению занятости в промышленности. В начале 1990-х гг. Швеция пережила еще один макроэкономический шок: ВВП с 1990 по 1993 г. снизился на 6%, а безработица выросла до 8% экономически активного населения, в то время как общая занятость во всех отраслях хозяйства сократилась на 13% [6].

Иностранных рабочих в стране стали постепенно сменять беженцы: этот процесс начался с 1970-х гг. и в дальнейшем только нарастал. Вскоре в страну устремились многочисленные родственники беженцев. В дальнейшем страна пережила несколько миграционных волн, мощнейшая из которых достигла шведских границ в годы Европейского миграционного кризиса в 2015–2017 гг. [7]. В результате Шве-

¹ Folkmängd efter födelseland 1900–2022. Statistiska centralbyrån (SCB). <https://www.scb.se> (accessed 19.08.2023)

² ABC-город – аббревиатура от шв. Arbete-Bostad-Centrum-städer (город «Центр труда и жилья») (нпум. авт.).

³ Under miljonprogrammet byggdes en miljon bostäder. <https://www.boverket.se/sv/samhallsplanering/stadsutveckling/miljonprogrammet> (accessed 26.10.2023)

⁴ Miljonprogrammet. Stockholm Stad. <https://stockholmskallan.stockholm.se/teman/staden-vaxer/miljonprogrammet/> (accessed 26.10.2023)

ция превратилась в страну иммигрантов: в 2022 г. 865 тыс. её жителей были гражданами других стран, а 2,8 млн (более 25% населения) имели иностранное происхождение⁵.

Рост популярности новых видов жилья, таких как частные дома и таунхаусы, вызвал отток из пригородов коренного населения. В результате шведские пригороды, построенные в 1960-е гг. по «Миллионной программе», постепенно пустеют, их среда деградирует, а стоимость аренды квартир снижается – они становятся доступными для мигрантов и безработных [8]. Таким образом на месте рабочих пригородов формируются сегрегированные городские районы, заселенные мигрантами и их потомками.

Самый яркий пример такого сегрегированного городского квартала – столичный Ринкебю.

РИНКЕБЮ – СОМАЛИЙСКИЙ РАЙОН ШВЕЦИИ

Ринкебю – один из самых удаленных от центра районов столицы; его площадь – 1,31 км², население – 17,2 тыс. человек, 92% жителей имеют иностранное происхождение, что более чем в 2,5 раза выше среднего показателя по Стокгольму. При этом 47% (8,1 тыс.) обитателей района составляют уроженцы стран Африки, прежде всего Сомали, а также их потомки⁶.

Район был построен по «Миллионной программе» в 1969–1971 гг. на территории, использовавшейся шведской армией в качестве полигона для военных учений. Ринкебю стал типичным спальным районом столицы, фактически весь (более 99%) жилищный фонд которого – это многоквартирные дома со сдаваемыми в аренду квартирами. С центром Стокгольма район связывает линия метрополитена, открытая в 1975 г., а также несколько автобусных маршрутов. В Ринкебю не было промышленных предприятий и офисных центров, власти района могли предложить своим жителям ограниченное число рабочих мест, прежде всего, в сфере торговли, а также начального и среднего образования. Предполагалось, что население должно ездить на работу в центр города или соседние районы, используя для этого метрополитен.

Трансформация экономики Швеции после экономических кризисов середины 1970-х и первой половины 1990-х гг., изменение миграционной политики страны преобразовали этнокультурное и социальное пространство Ринкебю. Первоначально подавляющее большинство его населения составляли шведские рабочие и трудовые мигранты из стран Северной Европы, которые вследствие сокращения занятости в промышленности и непривлекательности типового многоквартирного жилья стали постепенно покидать район. После отъезда из района рабочих, занятых на промышленных предприятиях, их место стали активно занимать мигранты и беженцы, которых привлекала невысокая стоимость аренды местной муниципальной недвижимости.

В истории Швеции можно проследить несколько миграционных волн, каждая из которых оставила свой след. Первыми еще в начале 1970-х гг. в район стали приезжать греки и чилийцы, спасавшиеся от режима «черных полковников» и преследований генерала А.Пиночета; за ними в 1980-е гг. последовали граждане Ирана и Ирака, бежавшие от военных действий между этими странами. В 1990–2000-е на стала очередь беженцев из бывшей Югославии (прежде всего из Боснии и Герцеговины), стран Африканского Рога, а также афганцев, выходцев из Турции (в основном курдов) и уроженцев Сирии и Ирака, искавших спасения от бедствий гражданской войны.

При этом миграционный поток беженцев из Сомали на протяжении многих десятилетий стабильно оставался наиболее масштабным. Сомалийцы начали прибывать в Швецию с начала 1990-х гг.; триггером их исхода стала гражданская война, разразившаяся на их родине в последнее десятилетие XX в. В 1990 г. в Швеции проживало чуть больше 400 сомалийцев, в т.ч. более 40 из них жили в Ринкебю [9]. В дальнейшем ситуация в терзаемой войной и стихийными бедствиями Сомали только ухудшалась. К 2022 г. в Швеции численность лиц, родившихся в Сомали (без учета их потомков), возросла до 69,5 тыс., из которых 8,5 тыс. проживали в Стокгольме⁷.

Шведская статистика, отражающая этническую принадлежность населения страны, крайне скудна. На уровне городских районов трудно установить точную численность сомалийцев (как и выходцев из других стран) за весь период их миграции в Стокгольм; открытые данные есть только по численности

⁵ Befolkningsstatistik. SCB. <https://www.statistikdatabasen.scb.se/> (accessed 26.10.2023)

⁶ Områdesfakta Rinkeby. <https://start.stockholm/globalassets/start/om-stockholms-stad/utredningar-statistik-och-fakta/statistik/omradesfakta/vasterort/rinkeby-kista/rinkeby.pdf> (accessed 20.12.2023)

⁷ Befolkningsstatistik. SCB. <https://www.statistikdatabasen.scb.se/> (accessed 26.10.2023)

населения, прибывшего из Сомали за период 2008–2015 гг. Начиная с 2018 г. шведские власти с целью исключить обвинения в расизме в свой адрес публикуют сведения лишь о населении иностранного происхождения по регионам мира, под которым они подразумевают родившихся за границей или тех, чьи родители имеют иностранное происхождение.

Тем не менее имеющиеся неполные статистические данные (см. табл.) свидетельствуют о росте численности сомалийцев и увеличении их «веса» в населении района. Хотя в результате череды миграционных волн в Ринкебю сложилось полиэтническое сообщество, именно сомалийский компонент стал своеобразным маркером района, определившим его второе, неофициальное наименование – «маленький Могадишо». Росту численности сомалийцев способствует также высокая рождаемость и возрастной состав диаспоры, половину которой составляют люди в возрасте от 15 до 34 лет.

Таблица. Динамика численности и доли населения иностранного происхождения, проживавшего в Ринкебю (2008–2022 гг.)

Table. Dynamics of the number and share of the population of foreign origin lived in Rinkeby (2008–2022)

Показатель	2008	2012	2015	2018	2022
Численность населения района, родившегося в Сомали, чел.	1832	2181	2546	...	...
Численность населения района, родившегося в странах Африки, чел.	2927	3502	3968	4298	4999
Доля населения, родившегося в странах Африки, %	19,4	21,9	25,0	26,2	29,1
Численность населения района, родившегося за границей, чел.	9256	9510	9632	10056	10 795
Доля населения, родившегося за границей, %	61,4	59,6	60,8	61,3	62,8
Численность населения района иностранного происхождения (в т.ч. из стран Африки), чел.	13 440	14 456	14 410	14 972 (7112)	15 829 (8106)
Доля населения района иностранного происхождения (в т.ч. из стран Африки), %	89,1	90,5	90,9	91,3 (43,3)	92,1 (47,2)
Общая численность населения района, чел.	15 084	15 968	15 844	16 406	17185

Рассчитано авторами по ^{8,9,10,11,12}.

Согласно данным шведской полиции за 2019 г., в Ринкебю проживало более 4,7 тыс. жителей сомалийского происхождения¹³. Однако, как представляется, их всё же больше, чем об этом говорит официальная статистика, поскольку она не учитывает третье поколение сомалийцев, чьи родители родились уже в Швеции, а также детей от смешанных браков, которые часто выбирают именно сомалийскую идентичность.

Особую роль сомалийского компонента в населении района определило использование в повседневной практике языкового общения жителями т.н. «ринкебюшведского языка» (*rinkebysvenska*), представляющего собой диалект шведского, в котором отмечаются значительные заимствования из сомалийского и арабского языков [10].

УЯЗВИМЫЕ РАЙОНЫ: СЕГРЕГАЦИЯ ИЛИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ?

Для сомалийцев в Стокгольме характерен очень высокий уровень сегрегации: в районах столицы с доминированием мигрантского населения, имеющих дурную славу гетто, проживают 78,6% местных сомалийцев, в т.ч. в Ринкебю – почти 60%¹⁴.

⁸ Rinkeby-Kista 2010. Stockholm Stad. 16 p.

⁹ Rinkeby-Kista 2014. Stockholm Stad. 16 p.

¹⁰ Rinkeby-Kista 2016. Stockholm Stad. 16 p.

¹¹ Områdesfakta. Rinkeby statsdel. 2018 Stockholm Stad. 4 p.

¹² Områdesfakta. Rinkeby statsdel. 2022 Stockholm Stad. 4 p.

¹³ Fakta för förändring: demografi och boende. Stockholm: Stiftelsen The Global Village, 2019. 84 p.

¹⁴ Ibidem.

Как было показано выше, первоначальной причиной сегрегации сомалийских беженцев в Швеции были особенности жилищной системы страны, сложившейся еще в 1960-е гг. Однако важную роль сыграли и их культурные особенности, затруднявшие интеграцию в принимающее общество. Безусловно, мусульманам, которыми в своем подавляющем большинстве являются сомалийцы, не просто приспособиться к жизни в шведском секулярном обществе, однако не религия стала главной причиной, тормозившей их адаптацию. Основным фактором стала архаичная (наличие кланов) социальная структура сомалийского этноса. Клан в Швеции оставался чрезвычайно важной составляющей жизни каждого сомалийца, мало совместимой со шведской культурой, вокруг которой организованы многие аспекты жизни: культурные, экономические, политические, религиозные и т.д. [11].

Прибывавшие в Швецию сомалийцы почти сразу оказывались под контролем клановых лидеров; селились именно в тех районах страны, где уже проживали их соплеменники, занимались теми видами деятельности, которые одобряли их старейшины. Таким образом, клановая структура консервировала социальный уклад сомалийцев, а их размещение в сегрегированных городских районах компактными клановыми группами тормозило интеграцию в шведское общество, сводя контакты с коренным шведским населением к минимуму.

Однако немаловажным (если не ключевым) фактором возникновения феномена, который позднее получил в Швеции название «апартеида с дружелюбным лицом», стала политика мультикультурализма, возводившая культурную идентичность в своеобразный фетиш [12]. В 1975 г. в Швеции был принят «Закон о руководящих принципах политики в отношении иммигрантов и меньшинств»¹⁵, который положил начало внедрению политики мультикультурализма в шведском обществе.

С этого момента политика в отношении постоянно проживавших в королевстве иммигрантов была направлена на обеспечение равенства между ними и шведами, достижение которого рассматривалось правительством как необходимое условие интеграции переселенцев [13]. Шведская модель государства всеобщего благосостояния стала распространяться и на мигрантов, которым, как и шведам, стал доступен весь комплекс социальных услуг в стране. Однако в реальности политика предоставления мигрантам равных с коренным населением прав, несмотря на благие намерения её авторов, лишила мигрантов экономического стимула для интеграции в шведское общество, целиком переложив на шведов бремя финансовой ответственности за переселенцев. Объединение мультикультурной модели интеграции, предусматривающей всемерную поддержку государством сохранения и развития в Швеции культурных традиций иммигрантских общин, с принципами государства благосостояния фактически привело к добровольной сегрегации сомалийцев.

Мигрантам также была предоставлена возможность самим выбирать, в какой степени они хотят ассимилироваться в шведскую культуру или поддерживать и развивать свою первоначальную этническую самобытность, а созданные ими культурные и религиозные организации стали получать щедрые государственные субсидии на свою деятельность. В результате уроженцы Сомали, согласно шведскому законодательству, обучаются на своем родном языке и, как следствие, часто плохо владеют шведским языком.

Для сомалийцев характерен более низкий уровень образования по сравнению с коренным населением, а также другими иммигрантскими группами Швеции. Эта особенность типична и для Ринкебю: так, в 2022 г. лишь 24% жителей района в возрасте 25–64 лет имели высшее образование (по сравнению с 62% в среднем по Стокгольму), 31% – только начальное (в среднем по столице – 7%)¹⁶. Вместе с тем в районе активно действуют т.н. независимые религиозные школы, часто находящиеся под влиянием исламистов и фактически только противодействующие интеграции детей мигрантов в шведское общество [14].

Низкий уровень образования, характерный для представителей сомалийской диаспоры в Швеции, стал причиной того, что им трудно найти хорошо оплачиваемую официальную работу. Доля предпринимателей сомалийского происхождения составляет в Швеции менее 1%, хотя сомалийское происхождение имеют как минимум 3,5% населения страны. В 2012 г. лишь 23% сомалийцев в возрасте 20–64 лет были официально трудоустроены, причем доля легально работавших мужчин (28%) была значи-

¹⁵ Prop. 1975: 26. <https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/proposition/regeringens-proposition-om-riktlinjer-for-fy0326/> (accessed 21.12.2023)

¹⁶ Områdesfakta. Rinkeby statsdel. 2022 Stockholm Stad. 4 p.

тельно выше, чем женщин (18%), что скорее характерно для структуры занятости в развивающихся, а не в развитых странах [15].

В 2022 г. каждый четвертый житель Ринкебю не имел постоянной работы, а в самом районе была зафиксирована самая высокая доля безработных, не получавших от государства никакой помощи – более 36%¹⁷. Существующие рабочие места относятся в большинстве своем к категории низкооплачиваемых, поэтому средний доход населения в районе составлял в год лишь 241 тыс. шведских крон (ок. \$23 тыс.), что почти в 2 раза ниже среднего показателя по Стокгольму – 471,8 тыс. Главная сфера занятости населения района – социальная, представленная медицинскими и образовательными учреждениями, однако большинство жителей, в т.ч. сомалийцы, заняты в теневых секторах экономики – от содержания небольших закусочных, торговых лавок и гостиниц до участия в наркоторговле.

Социальная незащищенность сомалийской общины столицы Швеции вылилась в настоящую трагедию во время пандемии *COVID-19*; избыточная смертность¹⁸ в её рядах составила 220% от среднего по стране. Больше всего от *COVID-19* пострадал именно Ринкебю, смертность в котором составляла 47 случаев на 10 тыс. жителей, что более чем в 3 раза выше, чем в среднем по Стокгольму [9].

Таким образом, сомалийцы, даже если они пытаются стать частью шведского общества, фактически попадают в замкнутый круг сегрегации: существуя на социальное пособие, что многих из них устраивает; они не могут получить жилье нигде, кроме Ринкебю или подобных ему мест. Неблагоприятная социально-экономическая обстановка, трудности, которые испытывает большинство его населения при интеграции стали причиной роста влияния в районе преступных группировок. Сомалийцы в современной Швеции – одна из наиболее криминализованных этнических общин, а благодаря шведским СМИ этот район приобрел сомнительную славу одного из самых опасных мест для проживания в стране¹⁹.

В 2015 г. Национальный оперативный департамент полиции Швеции в своем отчете впервые выделил в стране уязвимые районы (*utsatt område*), для которых характерен высокий уровень преступности. Согласно определению полиции, под уязвимым районом понимается «географически обособленная территория, характеризующаяся низким социально-экономическим статусом, местное население которой находится под влиянием криминальных группировок»²⁰.

По данным шведской полиции, в 2021 г. в стране насчитывался в общей сложности 61 уязвимый район (из них 25 – в Стокгольме), 19 из которых были отнесены к категории особо уязвимых (в Стокгольме – 6, в т.ч. и Ринкебю). Для особо уязвимых районов характерны максимально низкие показатели социально-экономического развития на фоне высокого уровня насилия, нарушения прав и свобод населения, экстремизма. Фактически эти территории находятся вне контроля со стороны государственных служб, а управление ими осуществляют параллельные властные структуры, образованные этническим криминалом из стран происхождения мигрантов [16].

В Стокгольме существуют 50 этнических преступных группировок²¹, занимающихся наркоторговлей, похищением людей, вымогательством, грабежами и торговлей оружием [17]. Большинство членов банд составляют молодые люди в возрасте до 16 лет, которых рекрутируют криминальные авторитеты в уязвимых районах столицы.

В Ринкебю наиболее активно действуют несколько криминальных группировок, в состав которых входит сомалийская молодежь – «Отряд Смерти», банда Шоттаза, «Скорпионы» и др. Хотя конфликт между бандами начался в 2015 г. с убийства, вызванного бытовой ссорой, основой для кровавого соперничества между ними служат старые клановые противоречия. Война между бандами, бойцы которых вооружены крупнокалиберным оружием, фактически разрывает район на части, вовлекая мальчиков-подростков в кровавую спираль клановой мести^{22,23}.

¹⁷ Statistik om Stockholm. Arbetslöshet i stadsdelområden 2022. <https://start.stockholm/globalassets/start/om-stockholms-stad/utredningar-statistik-och-fakta/statistik/arbetsloshet/rapport-arbetsloshet-2022.pdf> (accessed 12.12.2023)

¹⁸ Избыточная смертность – временное увеличение смертности в популяции по сравнению с ожидаемой (*npum. asm.*).

¹⁹ Den ottrygga förorten? En kvalitativ innehållsanalys av hur Rinkeby framställs i svensk media. https://www.criminology.su.se/polopoly_fs/1.428715.1551353390!/menu/standard/file/Hasni%20Zeineb.pdf (accessed 12.12.2023)

²⁰ Utsatta områden. Polisens arbete. <https://polisen.se/om-polisen/polisens-arbete/utsatta-omraden/> (accessed 15.12.2023)

²¹ Polisen: 50 kriminella gäng finns i Stockholmsregionen. <https://www.epochtimes.se/Polisen-50-kriminella-gang-finns-i-Stockholmsregionen> (accessed 15.12.2023)

²² Diamant Salihu skrev boken om gängkriget i Rinkeby. <https://www.hbl.fi/artikel/8d9a85fd-e8a8-486a-982f-995a0770b2d2> (accessed 15.12.2023)

²³ Poliser beskjutna i Rinkeby. <https://blog.zaramis.se/2022/03/26/poliser-beskjutna-i-rinkeby/> (accessed 15.12.2023)

Криминальные группы в Ринкебю часто сотрудничают с такими исламистскими террористическими организациями как «Исламское государство», «Аль-Каида», «Ансар ас-Сунна» и особенно «Аш-Шабаб» [18], возникшей в 2006 г. в Сомали и поэтому наиболее популярной у выходцев из этой страны (подробнее см. [19]). Так, Фуад Мохамед Халаф, также известный как Шанголе, 12 лет живший в Швеции и работавший имамом в мечети Ринкебю, в 2014 г. вошел в руководство «Аш-Шабаб». Именно Шанголе в 2014 г. призвал всех мусульман Кении бороться против своего правительства с оружием в руках²⁴.

Социальная уязвимость и разгул криминала; общество, основанное на традиционной клановой идеологии, сделали Ринкебю ареной беспорядков. Именно здесь в июне 2010 г. произошли первые жестокие выступления мигрантской молодежи, когда на протяжении 2 ночей более сотни молодых людей и подростков громили местный участок полиции и школу, закидав их камнями и бутылками с зажигательной смесью²⁵. Наиболее масштабные беспорядки в районе произошли в феврале 2017 г.: тогда в ходе массовых беспорядков были сожжены 8 автомобилей, разгромлены магазины, избиты несколько человек. Полиция, пытавшаяся остановить разгул криминала, сама подверглась нападению хулиганов и была вынуждена ретироваться. В том же году было принято решение о строительстве нового, более надежного полицейского участка, однако его строительство затянулось до конца 2020 г. в связи с тем, что строительные компании не соглашались на эту работу, опасаясь нападения со стороны криминальных элементов. То, что этот полицейский участок в Ринкебю необходим, со всей очевидностью показали события апреля 2022 г., когда здесь снова вспыхнули массовые беспорядки после сожжения на его улицах Корана правым экстремистом из Дании Расмусом Палуданом²⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тяжелая криминальная обстановка, обусловленная сегрегацией и экономической отсталостью, в Ринкебю и других уязвимых районах страны, вынуждает правительство Швеции искать пути решения проблем этих территорий. Прежде всего оно хочет пересмотреть политику «гуманитарной сверхдержавы», сократив масштабы потоков беженцев, прибывающих в страну, и уменьшив расходы на их содержание.

В 2016 г. в Швеции вступил в силу закон²⁷, согласно которому временный вид на жительство для беженцев ограничивается сроком не более 3 лет, а для других категорий мигрантов – 13 месяцев; также был введен ряд ограничений на воссоединение семей – лица, желающие переселиться в Швецию своих родных, должны иметь доход не ниже установленного минимума. Швеция также намерена сосредоточить больше внимания на возвращении на родину лиц, которым было отказано в убежище. Также правительство намерено отменить закон, позволяющий искателю убежища, приехавшему в Швецию, самостоятельно выбирать себе жилье, получая при этом финансовую помощь от государства.

Еще одним направлением стабилизации обстановки в уязвимых районах, по мнению шведских властей, должно стать усиление борьбы с организованными криминальными группами. Речь идет о планах внесения в Уголовный кодекс поправок об ужесточении наказаний за преступления, совершенные в составе преступных банд; предоставления полиции права на превентивное задержание подозреваемых в криминальной деятельности и разрешения частным лицам давать анонимные показания в суде²⁸. В борьбе с криминалом шведское государство стремится к сотрудничеству с жителями сегрегированных районов. Так, позитивные результаты в борьбе с криминальными бандами в Ринкебю принесло совместное патрулирование его улиц полицией и местными жителями – представителями сомалийской общины района²⁹.

²⁴ Före detta Stockholms-imam terrorhotar Kenya. <https://www.svt.se/nyheter/utrikes/fore-detta-rinkeby-imam-terrorhotar-kenya> (accessed 15.12.2023)

²⁵ Cars, schools torched in fifth night of Stockholm riots. <https://www.france24.com/en/20130524-cars-schools-torched-fifth-night-stockholm-riots-sweden> (accessed 15.12.2023)

²⁶ Швеция снова в огне. <https://inosmi.ru/20220421/shvetsiya-253893754.html> (accessed 22.11.2023)

²⁷ Lag (2016:752). <https://rkrattsbaser.gov.se/sfsr?bet=2016:752> (accessed 15.12.2023)

²⁸ Gängkriminaliteten. <https://moderaterna.net/tensta-rinkeby/politik/nationellt/gangkriminalitet> (accessed 10.12.2023)

²⁹ A Somali super mum in Sweden. <https://aljazeera.com/features/2018/9/9/a-somali-super-mum-in-sweden> (accessed 22.12.2023)

Однако в последнее время шведское правительство постепенно смещает акцент своей деятельности с борьбы с этнической сегрегацией и преступностью в уязвимых районах на социально-экономическое развитие последних. Свидетельством этих перемен стало то, что в официальных документах всё чаще для обозначения сегрегированных территорий стал использоваться термин «район с социально-экономическими проблемами» (*områden med socioekonomiska utmaningar*)³⁰.

Руководство Швеции понимает, что вряд ли сможет изменить уже сложившийся этноконфессиональный состав населения этих территорий, однако у него есть возможности наладить диалог с местным сообществом, способствуя повышению качества жизни и уровня безопасности его членов.

В 2018 г. правительством страны был разработана «Долгосрочная программа реформ по снижению сегрегации на 2017–2025 гг.», в которой констатировалось усиление сегрегации между различными районами одного и того же муниципалитета в сферах безопасности жизни, безработицы, успеваемости детей в школе, обеспечения жильем и др. Целью программы стало улучшение социально-экономических показателей уязвимых районов посредством структурной работы по ликвидации самих механизмов сегрегации, прежде всего в сферах жилья, образования, рынка труда и борьбы с преступностью³¹.

Безусловно, пока еще рано говорить об успехах новой стратегии правительства Швеции в отношении уязвимых районов. Тем не менее остается открытым вопрос, сможет ли Ринкебю – «маленький Могадишо», расположенный в столице Швеции, – пересилить инерцию «апартеида с дружелюбным лицом», стать для страны примером успешной интеграции мигрантов. Ведь гетто, пусть и созданное с благими намерениями, всё равно остается гетто.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 400 с. Melin Ya., Johansson A.V., Hedenborg S. 2002. The history of Sweden. Moscow. 400 p. (In Russ.)
2. Церкаевич Л.В. Мифы и реальность шведского «дома для народа». *Современная Европа*. 2019. № 2, с. 163–174. DOI: 10.15211/soveurope22019163174
Tcerkasevich L. 2019. Myths and Reality of the Swedish "People's Home". *Contemporary Europe*. Iss. 2, pp. 163–174. (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope22019163174
3. Горохов С.А., Агафосин М.М., Дмитриев Р.В. Уязвимые районы как форма территориальной эксклюзии мигрантских сообществ в Швеции: пример Гётеборга. *Геополитика и экогеодинамика регионов*. 2022. Т. 8. № 3, с. 92–101.
Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriev R.V. 2022. Vulnerable areas as a form of territorial exclusion of migrant communities in Sweden: the case of Gothenburg. *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*. Vol. 8. Iss. 3, pp. 92–101. (In Russ.)
4. Ducas S. 2001. Case Study of the City of Stockholm and the Greater Stockholm Area (Summary). Quebec: University of Quebec, 67 p.
5. Hedman E. 2008. A history of the Swedish system of non-profit municipal housing. Stockholm: Boverket, 31 p.
6. Eliason M., Storrie D. 2006. Lasting or Latent Scars: Swedish Evidence on the Longterm Effects of Job Displacement. *Journal of Labor Economics*. Vol. 24. № 4, pp. 831–856. DOI: 10.1086/506487
7. Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. 2022. Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement during the Migration Crisis. *Baltic Region*. Vol. 14. № 4, pp. 98–112. DOI:10.5922/2079-8555-2022-4-6
8. Malmberg B., Andersson E.K., Nielsen M.M., Haandrikman K. 2018. Residential Segregation of European and Non-European Migrants in Sweden: 1990-2012. *Eur. J. Population*. Vol. 34, pp. 169–193. DOI: 10.1007/s10680-018-9478-0
9. Valdez S. 2023. Immigrant Integration and Vaccine Hesitancy among Somali Immigrants in Stockholm. In: *Lerpold L., Sjöberg Ö., Wennberg K. (eds). Migration and Integration in a Post-Pandemic World*. Palgrave Macmillan, Cham. Pp. 365–383. DOI: 10.1007/978-3-031-19153-4_14
10. Язык как ресурс идентичности в Европе: антропологическое исследование. Отв. ред. М.Ю.Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022. 536 с. DOI: 10.33876/978–5–4211–0284–7/1-536
Language as a resource of identity in Europe: an anthropological study. 2022. M.Y.Martynova (eds). Moscow. 536 p. (In Russ.). DOI: 10.33876/978–5–4211–0284–7/1-536

³⁰ Kommittédirektiv 2022:116. https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/kommittedirektiv/battre-verktyg-for-att-minska-och-motverka_HAB1116/ (accessed 22.12.2023)

³¹ Långsiktigt reformprogram för minskad segregation år 2017-2025. <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/departements-serien-och-promemorior/2016/07/langsiktigt-reformprogram-for-minskad-segregation-ar-2017-2025/> (accessed 22.12.2023)

11. Lewis I. 1999. Pastoral Democracy: A Study of Pastoralism and Politics among the Northern Somali of the Horn of Africa. Oxford: James Currey.
12. Eriksen T.H. 2009. From Obsessive Egalitarianism to Pluralist Universalism? A Normative Epilogue. In: Alghasi S., Eriksen T.H., Ghorashi H. (eds). Paradoxes of cultural recognition. Ashgate. Pp. 283–294.
13. Borevi K. 2013. Understanding Swedish multiculturalism. In: P.Kivisto, Ö.Wahlbeck (eds.). Debating multiculturalism in the Nordic welfare states. London: Palgrave Macmillan, Pp. 140–169.
14. Avci G. 2019. Liberal integrationspolitik. Stärk individen – motverka parallellsamhällen. <https://data.riksdagen.se/fil/575BDE5E-4DF0-4F77-A6BC-664AE949D94C> (accessed 22.12.2023)
15. Carlson B., Magnusson K., Rönnqvist S. 2012. Somalier på arbetsmarknaden – har Sverige något att lära? 188 p. <https://www.regeringen.se/contentassets/55f58b2bc8fd4f66842e37f54c38fc51/somalier-pa-arbetsmarknaden---har-sverige-nagot-att-lara> (accessed 22.12.2023)
16. Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Сомалийцы в Швеции: региональное измерение. *Современная Европа*. 2020. № 7, с. 132–143. DOI: 10.15211/soveurope72020150161
Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. 2020. Somalis in Sweden: Regional Dimension. *Contemporary Europe*. Iss. 7, pp. 132–143. Moscow, (In Russ.). DOI: 10.15211/soveurope72020150161
17. Абрамова И.О. Африканская трансграничная миграция и проблемы международной безопасности. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2015. № 2(33), с. 127–136.
Abramova I.O. 2015. African Trans-Border Migration and Problems of International Security. *Journal of the Institute for African Studies*. № 2(33), pp. 127–136. Moscow. (In Russ.)
18. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Негосударственные и квазигосударственные акторы Большого Ближнего Востока и проблема «евроджихадизма». Европейское лицо экстремистской угрозы. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 11. С. 2–11.
Fituni L.L., Abramova I.O. 2015. Non-state and quasi-state actors of the Greater Middle East and the problem of “Eurojihadism”: European face of an extremist threat. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 2–11. (In Russ.)
19. Пономарев И.В. Сети «Аш-Шабаб» в Восточной Африке. Успешное противодействие и дезинформация. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 9. DOI:10.31857/S032150750000689-9
Ponomarev I.V. 2018. Al-Shabaab cells in East Africa. Successful deterrence & disinformation. *Asia and Africa today*. № 9. (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750000689-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горохов Станислав Анатольевич, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Stanislav A. Gorokhov, Dr.Sc. (Geography), Professor, Leading Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Дмитриев Руслан Васильевич, доктор географических наук, заместитель директора по научной работе, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Ruslan V. Dmitriev, Dr.Sc. (Geography), Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Агафшин Максим Михайлович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Maksim M. Agafoshin, PhD (Geography), Senior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 17.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2024

АСЕАН в условиях цифровой фрагментации

© Канаев Е.А.^{a,e}, Новик Н.Н.^{b,c,f}, Кулясов Н.С.^{d,g}, Федоренко Д.О.^{b,h}, 2024

^a ИМЭМО РАН, Москва, Россия

^b НИУ ВШЭ, Москва, Россия

^c Финансовый университет, Москва, Россия

^d РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

^e ORCID: 0000-0002-7988-4210; e.a.kanaev@gmail.com

^f ORCID: 0000-0002-9373-5246; nnovik@hse.ru

^g ORCID: 0000-0002-0438-8394; nkulasov@gmail.com

^h ORCID: 0009-0000-8831-5821; nfedor11@gmail.com

Резюме. В статье проанализирована политика Ассоциации стран Юго-Восточной Азии по реализации многосторонних экономических проектов в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях фрагментации глобального цифрового пространства. Выявлены направления цифровой трансформации общественных явлений и основные обусловленные её развитием проблемы, определено её влияние на АСЕАН-центричные форматы и инициативы многостороннего сотрудничества, дана оценка энергетическому измерению политики АСЕАН и её цифровому сопровождению.

Выявлено, что фрагментация цифровой сферы оказывает негативный эффект мультипликатора на усиление элементов конфликтности в отношениях между ключевыми глобальными акторами, а инструментальных возможностей снизить их остроту пока не просматривается. Происходит наложение вызванных цифровой трансформацией проблем на «узкие места» многосторонних проектов и инициатив под эгидой АСЕАН: Экономического сообщества АСЕАН и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, что подрывает возможности Ассоциации создать и усилить эффект масштаба для превращения региона в привлекательное пространство ведения производственной и коммерческой деятельности и отрицательно сказывается на статусе АСЕАН как координатора азиатско-тихоокеанского многостороннего диалога по вопросам политики и безопасности.

Ключевые слова: АСЕАН, фрагментация, глобальное управление, цифровая трансформация, технонационализм, Экономическое сообщество АСЕАН, энергетика, Единая энергосистема АСЕАН

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

Для цитирования: Канаев Е.А., Новик Н.Н., Кулясов Н.С., Федоренко Д.О. АСЕАН в условиях цифровой фрагментации. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 66–73. DOI: 10.31857/S032150750030442-8

ASEAN amidst the Digital Fragmentation

© Evgeny A. Kanaev^{a,e}, Nikolay N. Novik^{b,c,f}, Nikolay S. Kulyasov^{d,g}, Dmitry O. Fedorenko^{b,h}, 2024

^a IMEMO RAS, Moscow, Russia

^b HSE University, Moscow, Russia

^c Financial University, Moscow, Russia

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

^e ORCID: 0000-0002-7988-4210; e.a.kanaev@gmail.com

^f ORCID: 0000-0002-9373-5246; nnovik@hse.ru

^g ORCID: 0000-0002-0438-8394; nkulasov@gmail.com

^h ORCID: 0009-0000-8831-5821; nfedor11@gmail.com

Abstract. This article focuses on the policy of the Association of Southeast Asian Nations regarding the implementation of multilateral projects in the Asia-Pacific region amidst the fragmentation of the global digital space. On identifying the directions of social digital transformation and major problems it generates, the study further proceeds to specifying its impact on ASEAN-centric formats and initiatives of multilateral cooperation to finally turn to assessing the energy dimension of ASEAN's policies and its digital support.

It has been revealed that the fragmentation of the digital sphere has a negative multiplier effect on the strengthening of conflict elements in relations between key global actors, and there are no instrumental opportunities to reduce their severi-

ty. The problems caused by digital transformation overlap with the bottlenecks of ASEAN-led multilateral projects and initiatives: the ASEAN Economic Community and the Comprehensive Regional Economic Partnership, which undermines the Association's ability to create and enhance economies of scale to make the region an attractive space for production and commercial activities and negatively affects ASEAN's status as a coordinator of Asia-Pacific multilateral policy dialogue and security issues.

Keywords: ASEAN, fragmentation, global governance, digital transformation, techno-nationalism, ASEAN Economic Community, energy sector, ASEAN Power Grid

Acknowledgement. This study was financed by a grant from the Plekhanov Russian University of Economics.

For citation: Kanaev E.A., Novik N.N., Kulyasov N.S., Fedorenko D.O. ASEAN amidst the Digital Fragmentation. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 66–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030442-8

ВВЕДЕНИЕ

Фрагментация глобального пространства имеет множество проявлений. К их числу относится цифровая сфера. Это естественным образом смещает инструменты управления и регулирования на уровень регионов, обуславливая их растущую значимость в перспективных планах региональных акторов.

Одним из показательных примеров служит Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, реализующая на Азиатско-Тихоокеанском пространстве масштабные проекты экономического и политического сотрудничества. Хотя их характер, темпы и промежуточные итоги различаются, их конечная цель состоит в создании и последующем расширении эффекта масштаба (*economies of scale*)¹ при осуществлении производственной и коммерческой деятельности на азиатском юго-востоке. Проследить направления, меры и механизмы, посредством которых Ассоциация решает эту задачу на примере энергетического сотрудничества стран ЮВА и его цифровой трансформации в контексте формирования Экономического сообщества АСЕАН, – важная научная и прикладная задача.

МИР НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ФРАГМЕНТАЦИИ

Цифровая трансформация современного мира – явление комплексное и многоаспектное. Хотя она продолжается уже достаточно длительное время, её развитие подстегнула пандемия *COVID-19*, переведя многие экономические, коммерческие и социальные практики из дополнительных в обязательные.

Фрагментация мирового цифрового пространства обусловлена взаимосвязью и взаимовлиянием множества факторов с долгосрочным накопительным эффектом. Нарастает фрагментация нецифровой сферы. Не пересказывая содержание существующих публикаций и отсылая читателя напрямую к наиболее содержательным из них, отметим главное: причина состоит в незавершенности распада глобальной биполярной системы и в объективной невозможности выстроить систему многополярную. По оценкам ученых ИМЭМО РАН, всё заметнее становятся признаки фрагментации военно-технического сотрудничества, что подрывает функционирование глобального рынка ВТС и услуг военного назначения, а сложившиеся цепочки производства вооружений и военной техники будут тяготеть к «замыканию» на союзников и партнеров [1].

Характер мирового экономического развития свидетельствует о дисфункции глобальных институтов управления и регулирования. Налицо дезорганизация мировых рынков, нарастание экономического давления на различные страны и числа контрмер со стороны последних, равно как ущерб от них для мировой экономики. По оценкам профессора РАН С.А.Афонцева, дестабилизирующие факторы ведут к негативному эффекту мультипликатора: международная напряженность обуславливает рост военных расходов, снижение доступности кредитов ведет к сокращению инвестиций в гражданские проекты, повышение процентных ставок увеличивает вероятность финансового кризиса [2]. В совокупности эти процессы ведут к усилению элементов конфронтации между различными экономическими акторами, когда перспективные проекты приносятся в жертву сиюминутной политической конъюнктуре. Конечным результатом становится «экономика недоверия» как одна из базовых характеристик современного мира.

¹ Эффект масштаба – снижение затрат на единицу продукции при укрупнении производства, связанное с изменением стоимости единицы продукции в зависимости от масштабов её производства в долгосрочном периоде (*прим. авт.*).

В идейно-политической сфере идет нарастание разрыва между материальной взаимосвязанностью и идейно-ценностной однородностью мирового пространства. Политолог Ф.А.Лукиянов и директор Центра евроазиатских исследований МГИМО И.А.Сафранчук определили это как «движение в сторону этического плюрализма» [3]. Это можно было бы приветствовать, если бы этический плюрализм не вел к моральному релятивизму и двойным стандартам как новой норме политики и общественных настроений. Частный пример, иллюстрирующий общую картину, – реакция СМИ коллективного Запада на действия России на Украине и Израиля в секторе Газа.

Сама же цифровая трансформация общества в её широком понимании не поддается не только регулированию, но и сколь-либо системному осмыслению. Хотя эксперты предпринимают попытки разграничить т.н. ядро цифровой экономики (ИКТ-сектор), собственно цифровую экономику (цифровые услуги и платформенная экономика) и т.н. оцифрованную экономику (традиционные секторы под влиянием цифровой трансформации), на практике граница между ними размыта. При этом цифровые технологии начинают динамично и хаотично распространяться, их развитием практически невозможно управлять.

Большой комплекс спорных вопросов возникает в связи с характером, направленностью и перспективами цифровой трансформации. В практике разных стран встречается движение от технологии к отраслям (одна технология внедряется в несколько отраслей, например внедрение искусственного интеллекта в медтех, логистику, умные города и пр.) и от отрасли к технологиям (несколько технологий и инструментов внедряются в одну отрасль, например использование в медтехе электронных медицинских карт, программного обеспечения медицинской визуализации, онлайн-систем поддержки принятия врачебных решений).

Заметно сокращается жизненный цикл технологий. Налицо т.н. фактор сжатия времени, когда частый выход технологий из лабораторий и конструкторских бюро не гарантирует роста конкурентоспособности продукта и поддерживающих его услуг. Параллельно снижается и количество выдаваемых патентов – изобретения устаревают раньше их патентования. Наконец, цифровая трансформация самым пагубным образом сказывается на состоянии окружающей среды: обслуживание, например, центров хранения и обработки данных сопряжено с огромными экологическими издержками, для устранения которых у компаний многих стран нет необходимых ресурсов и бюджетов².

Отдельный комплекс проблем относится к регулированию цифровой трансформации. Цифровые технологии и факторы, их создающие и поддерживающие, эволюционируют быстрее, чем их осмысление, регуляторные инструменты и практики. Немаловажно и иное: конвергенция медиа (телевидения, мобильной связи, интернет-трансляций) ведет к смешению рынков, которые традиционно регулировались отдельно друг от друга. Немало и юридических проблем, носящих как коллизивно-правовой, так и материально-правовой характер. Требуют уточнения не только правовые термины, роль существующих международных норм и институтов, но и возможности и предел корпоративного саморегулирования [4].

Ситуация усугубляется китайско-американскими противоречиями по вопросам торговли и технологий. Американское давление на Китай демонстрирует смену акцентов: отход от ограничений на трансфер американских технологий Китаю сопровождается расширением зоны мирового технологического влияния США. Примеров множество: запрет на продажу в КНР технологий и конечных решений, необходимых для повышения китайского инновационного потенциала, ограничение доступа китайских специалистов к перспективным наработкам в высокотехнологичных отраслях, недопущение закупок и установки произведенных в Китае коммуникационных технологий на американских стратегических предприятиях и объектах критически важной инфраструктуры [5].

Параллельно Пекин и Вашингтон прилагают большие усилия для повышения своего влияния на стандарты промышленного сотрудничества и его цифрового сопровождения. Китай расширяет масштабы хозяйственной кооперации с партнерами по инициативе «Пояс и путь» на тех направлениях, где у него имеются конкурентные преимущества: строительный сектор, производство бытовой техники и электрокаров, строительство, обслуживание и ремонт электросетей и т.д. Отметим и усилия Китая по

² Как дата-центры влияют на экологию. 2022. Бизнес про экологию. Экология России. См.: <https://www.ecologyofrussia.ru/stories/kak-data-tsentry-vliyayut-na-ekologiyu/> (accessed 24.12.2023)

созданию новых технических комитетов в международных организациях, разрабатывающих стандарты такого сотрудничества (разумеется, китайские специалисты возглавляют эти комитеты).

Устойчивой тенденцией становится не только присутствие, но и активное участие представителей китайских организаций, занятых в разработке промышленных стандартов, в различных профессиональных мероприятиях. Пекин выпустил Рабочую процедуру о признании взаимных стандартов, ставшую основой его участия в различных форматах и инициативах экономического сотрудничества. Осуществляя программы международной помощи, Китай настаивает на письменной фиксации, что такое взаимодействие будет проводиться на основе стандартов КНР [6].

Констатируя, что США не только уделяют пристальное внимание международной промышленной стандартизации и своему влиянию на неё, но и определяют развитие международных институтов такого сотрудничества со времени их становления, подчеркнем: существует высокая вероятность китайско-американского размежевания уже по линии международных стандартов с формированием замкнутых производственных и цифровых анклавов. Это обусловлено ростом технационализма в Китае и США и усилением элементов конфликтности в отношениях между ними, что естественным образом подталкивает другие страны к «суверенизации» своей цифровой политики [7].

Фрагментация глобального цифрового сотрудничества оказывает растущее влияние на различные регионы и региональных акторов. К числу последних принадлежит и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, реализующая на азиатском юго-востоке масштабные проекты экономического регионализма с целью превратить ЮВА в 4-ю экономику мира (после Китая, США и ЕС), оказывающую заметное влияние на глобальное развитие и привлекательную для корпоративного сектора.

ПРОЕКТЫ АСЕАН ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ключевым перспективным проектом Ассоциации было и остается формирование Сообщества АСЕАН, основой которого является Экономическое сообщество (ЭС) АСЕАН. Заявив в 2003 г. о намерении двигаться к Сообществу как к новой интеграционной реальности азиатского юго-востока, Ассоциация обозначила датой завершения проекта 2025 г.

Оценивая планы Ассоциации относительно Экономического сообщества, выделим ряд моментов.

Во-первых, этот проект нацелен на превращение Юго-Восточной Азии в унифицированное пространство ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности, интегрированное в мировые экономические процессы. Ассоциация осознает важность эффекта масштаба, необходимого для отдачи на инвестиции. Для АСЕАН такая отдача исключительно важна: без масштабных инвестиций, прежде всего в трансграничную инфраструктуру, не будет ни роста конкурентоспособности её стран-участниц, ни превращения Юго-Восточной Азии в привлекательное для корпоративного сектора пространство ведения производственной деятельности и торговли.

Однако реализовать эту задачу АСЕАН становится все сложнее. Привлекать инвестиции в ЮВА приходится в условиях, когда доллар становится инструментом не только политического давления, но и национального диктата, а многие страны отказываются от использования доллара в международных расчетах в пользу национальных валют. АСЕАН, например, заявила о готовности активизировать транзакции в национальных валютах (в терминологии Ассоциации – «укреплять платежную взаимосвязанность»)³. Вне зависимости от того, как скоро это произойдет (пока доллар используется в 88% валютных сделок в мире⁴), одним из последствий станет рост волатильности мирового финансового рынка. А это не лучшее время для привлечения «длинных денег». Тем актуальнее становится задача создать в ЮВА эффект масштаба как ключевой фактор её международной конкурентоспособности.

Во-вторых, расширение экономических и коммерческих возможностей ЮВА необходимо Ассоциации для укрепления позиций как координатора Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Этот проект не является простой суммой ЗСТ АСЕАН и её партнеров по Восточноазиатскому саммиту, он имеет собственную уникальную ценность. ВРЭП вводит новые направления со-

³ ASEAN Leaders' Declaration on Advancing National Payment Connectivity and Promoting Local Currency Transaction. 2023. ASEAN Indonesia. https://www.asean.org/wp-content/uploads/2023/05/08-ASEAN-Leaders-Declaration-on-Regional-Payment-Connectivity-and-LCT_adopted.pdf (accessed 24.12.2023)

⁴ Рей Далио прогнозирует ослабление доминирования доллара. *Финам*. 20.04.2023. <https://www.finam.ru/publications/item/rei-dalio-prognoziruet-oslablenie-dominirovaniya-dollar-20230420-0949/> (accessed 26.12.2023)

трудничества, ранее отсутствовавшие в ЗСТ АСЕАН+1. В их числе: положения о конкуренции с участием госпредприятий, защита прав интеллектуальной собственности, электронная торговля и государственные закупки. Однако есть сомнения в том, что Ассоциация сможет быть эффективным координатором и посредником в сотрудничестве между участниками ВРЭП, учитывая отсутствие надлежащих знаний и опыта у государственных структур и корпоративного сектора стран «десятки».

В-третьих, при создании в ЮВА унифицированных условий развития производств и ведения коммерческой деятельности ЭС АСЕАН будет ключевым фактором повышения глобального влияния Ассоциации. Эти планы не ограничиваются исключительно экономикой. Ассоциация является т.н. движущей силой азиатско-тихоокеанской системы безопасности на основе сотрудничества, определяя повестку переговоров Регионального форума АСЕАН, Совещания министров обороны АСЕАН и её партнеров и Восточноазиатского саммита и их взаимодействие между собой. ЭС АСЕАН и ВРЭП служат экономической основой этой системы, оказывая значительное влияние на её функционирование и на статус АСЕАН как её координатора.

На пути реализации своих планов АСЕАН сталкивается с рядом проблем. Страны «десятки» не создали собственных глобальных цепочек стоимости, назначение которых состояло бы в производстве АСЕАНовского продукта, конкурентоспособного на мировом рынке. Более того, проекты экономического регионализма АСЕАН: Зона свободной торговли АСЕАН (*ASEAN Free Trade Area – AFTA*) и Схема промышленного сотрудничества АСЕАН (*ASEAN Industrial Cooperation Scheme – AICO*) отталкивались от программы «Дополнение от бренда к бренду», развиваемой японскими производителями автомобилей [8]. Иными словами, предприятия стран АСЕАН изначально были встроены в цепочки, созданные внерегиональными компаниями, прежде всего японскими и южнокорейскими. В последнее время к ним присоединился китайский корпоративный сектор, не только развивающий инновационные производства, но и с опорой на возможности влиятельных диаспор этнических китайцев интегрирующий их в крупные сбытовые сети.

Подрывает превращение Юго-Восточной Азии в единое хозяйственное пространство и неразвитая логистика. ЮВА включает полуостров Индокитай и Малайский архипелаг, имеет изрезанный природный ландшафт. В результате грузоперевозки затруднены не только между странами (например, не имеющим выхода к морю Лаосом и Филиппинами), но и внутри стран (примеры – Филиппины и Индонезия). Ситуация усугубляется отсутствием единого видения логистики различными странами АСЕАН. Для Камбоджи характерна широкая трактовка: логистика – это складские помещения, транспорт, институты и конечные потребители, а Индонезия понимает логистику узко – лишь как транспортно-логистическую сеть [9].

Наконец, превращению ЮВА в пятую, а в перспективе в четвертую экономику мира препятствует отсутствие у Ассоциации собственных инструментов решения юридических вопросов. Одна из назревших мер – учреждение Международного центра коммерческого арбитража и коммерческой медиации АСЕАН как части Экономического сообщества с задействованием для этой цели опыта Сингапурского центра международного коммерческого арбитража и медиации. То обстоятельство, что этого до сих пор не сделано, не лучшим образом сказывается на состоянии и перспективах развития ЭС АСЕАН.

Хотя проблем у Ассоциации немало, предпринимаются попытки создать и нарастить эффект масштаба на пространстве азиатского юго-востока, развивая сотрудничество в различных секторах. Одним из таковых является энергетика, традиционно занимавшая важное место в приоритетах и политике «десятки».

ЦИФРОВЫЕ РЕШЕНИЯ И ОЦЕНКА ИХ ПОСЛЕДСТВИЙ НА ПРИМЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

Успешное встраивание цифровых решений в актуальную повестку региональной интеграции – процесс сложный и трудоемкий, связанный с учетом интересов большого количества заинтересованных лиц, высокими требованиями к технической квалификации и объемам инвестиций. С этой точки зрения цифровая трансформация энергетического сектора является показательным примером стратегии по встраиванию системы сдержек и противовесов.

Энергетика – одно из ключевых направлений развития ЭС АСЕАН в связи с особенностями взаимодействия её стран-участниц. Во-первых, в состав АСЕАН входят как нетто-импортеры энергоресурсов (нефти, природного газа и электроэнергии), так и нетто-экспортеры. Наличие подобной дифференци-

ции создает дополнительные возможности для формирования торговых соглашений, расширения и создания новых цепочек поставок, а также сфер сотрудничества по развитию единого энергетического пространства. Во-вторых, несмотря на зависимость Ассоциации от импорта энергоресурсов, некоторые её члены лидируют в мировом производстве отдельных видов энергоресурсов. В данном контексте цифровые решения позволят повысить эффективность инфраструктурных проектов и интеграционных инициатив на пространстве азиатского юго-востока.

Реализация стратегии инклюзивного экономического роста предусматривает расширение проектов трансграничного сотрудничества. В энергетическом секторе это находит отражение в первую очередь в создании новых объектов инфраструктуры, назначение которых состоит в создании единого рынка энергоресурсов. В ЮБА уже реализуются 2 крупных проекта, которые призваны объединить страны Ассоциации в единую систему обеспечения поставок природного газа и электроэнергии: Трансасеановский газопровод (*Trans-ASEAN Gas Pipeline – TAGP*)⁵ и Единая энергосистема АСЕАН (*ASEAN Power Grid – APG*)⁶.

Реализация проекта *TAGP* позволит обеспечить трансграничную торговлю природным газом между большинством стран ЮБА. Обеспечение обмена информацией в онлайн-режиме, защищенности финансовых сделок, а также прозрачности контрагентов – ключевые направления для внедрения цифровых технологий в контексте создания единого рынка газа в ЮБА.

Использование подобных систем будет стимулировать как покупателей, так и продавцов переходить на рыночную торговлю газом. На первоначальных этапах развития единой газотранспортной инфраструктуры наиболее релевантным цифровым продуктом для *TAGP* будет именно система онлайн-мониторинга контрагентов для повышения прозрачности торгового процесса. Со стороны потребителей перспективным цифровым решением является система взаимодействия с поставщиками, в том числе для учета потребляемого газа и оплаты его поставок.

Внедрение цифровых технологий с точки зрения их эффективности и достижения эффекта масштаба перспективно и в сфере электроэнергетики. Сектор «эластичен» по отношению к технологическим инновациям, внедрение которых в существующие процессы не требует значительных капитальных издержек. На примере Европейского Союза можно отметить, что цифровизация электроэнергетики сейчас развивается вокруг возобновляемых источников энергии и модификации систем управления перераспределением энергоресурсов⁷.

Можно обоснованно ожидать, что цифровая трансформация электроэнергетики АСЕАН будет формироваться вокруг проекта *APG*, т.к. объединение всех стран в единую систему снабжения электричеством позволит увеличить его внутренние перетоки, устранив тем самым дефицит электроэнергии в отдельных территориальных анклавах стран ЮБА, а участие в масштабном инфраструктурном проекте благоприятно скажется не только на самой энергетической сфере, но и на общей инвестиционной и коммерческой привлекательности этих государств.

APG открывает широкое пространство для цифровой трансформации этого направления сотрудничества. Создание единого конкурентного рынка электроэнергии естественным образом будет стимулировать производителей повышать результативность своей деятельности, в том числе за счет внедрения «умных» решений.

Можно ожидать следующих положительных эффектов от цифровой поддержки электроэнергетики. Во-первых, возможность объективного контроля объема потребления позволит производителям управлять и планировать производственный цикл, тем самым снижая операционные издержки. Во-вторых, внедрение цифровых инструментов по мониторингу и управлению приведет к более эффективному потреблению, в том числе за счет внедрения счетчиков учета. Более гибкое и предсказуемое потребление даст возможность эффективно планировать дальнейшее инфраструктурное развитие, столь важное для стран АСЕАН.

⁵ Trans-ASEAN Gas Pipeline. 2015. ASEAN. <https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/October/outreach-document/Edited%20TAGP-3.pdf> (accessed 17.12.2023)

⁶ ASEAN Power Grid. 2023. ASEAN. <https://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/October/outreach-document/Edited%20APG-3.pdf> (accessed 23.12.2023)

⁷ Digitalization of the European Energy System (2023). European Commission. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digitalisation-energy> (accessed 20.12.2023)

Вместе с тем до реализации многосторонних планов Ассоциации в энергетической сфере еще далеко. Мероприятия по цифровой трансформации и цифровой поддержке энергетики реализуются на уровне отдельных стран и носят точечный характер, хотя умалять возможности АСЕАН по внедрению цифровых инструментов в энергетический сектор всё же не стоит. Ассоциация осознает свою растущую потребность в более эффективном потреблении и производстве электроэнергии, а также стабильном энергоснабжении своих стран-участниц в условиях масштабного развития ВИЭ.

Присматривается АСЕАН и к опыту ЕС по использованию цифровых сервисов для мониторинга и прогнозирования потоков электроэнергии между участниками сотрудничества. По сумме этих обстоятельств можно ожидать расширения масштаба и повышения качества политики АСЕАН в области цифровой трансформации энергетического сотрудничества в ЮВА.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая фрагментация глобального пространства поставила перед АСЕАН множество вопросов. Основной из них касается инструментария политики Ассоциации и возможности наращивания недостающих ресурсов в условиях ограниченного времени. Малоприятный, но закономерный вывод таков, что АСЕАН и входящие в неё страны сталкиваются с негативным эффектом мультипликатора, когда недостаточные цифровые ресурсы накладываются на узкие места нецифровых направлений сотрудничества. Это препятствует созданию и расширению эффекта масштаба как базового условия повышения коммерческой привлекательности и международно-политического статуса Ассоциации.

Попытки Ассоциации снизить остроту этой проблемы за счет развития секторального сотрудничества привели к двойственным результатам. С одной стороны, АСЕАН осознает важность цифровой поддержки крупных инфраструктурных энергетических проектов на пространстве ЮВА, поскольку благоприятные последствия таких мер выйдут далеко за рамки собственно энергетического сотрудничества. С другой стороны, такие планы не подкреплены, во всяком случае – пока, практикой конкретных дел, хотя бы частично соответствующей масштабности возможной отдачи.

В общем и целом цифровая фрагментация создает для АСЕАН условия, радикально отличающиеся от тех, в которых она привыкла действовать. Тем интереснее будет посмотреть на её ответные шаги.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. 2022. Рук. проекта: А.А.Дынкин, В.Г.Барановский; отв. ред.: Г.И.Мачавариани, И.Я.Кобринская. М., ИМЭМО РАН, 2022. с. 10. <https://imemo.ru/files/File/ru/publ/2022/Russia-World-2023.pdf> (accessed 21.12.2023)
Russia and the world: 2023. Economy and foreign policy. Annual forecast. 2022. Edited by: A.A.Dynkin, V.G.Baranovsky. Eds.: G.I.Machavariani, I.Ya.Kobrinskaya. Moscow. IMEMO, 2022. P. 10. (In Russ.). <https://imemo.ru/files/File/ru/publ/2022/Russia-World-2023.pdf> (accessed 21.12.2023)
2. Афонцев С. 2023. Мировая экономика в плену геополитики. *Год планеты: ежегодник. Вып. 2022 г.: экономика, политика, безопасность*. Под ред. Барановского В.Г., Соловьева Э.Г. М.: Идея-Пресс. с. 7–18.
Afontsev S. 2023. World economy in captivity of geopolitics. *Year of the Planet: Yearbook. Vol. 2022: economics, politics, security*. Eds. Baranovsky V.G., Solovyova E.G. M.: Idea-Press, 2023. Pp. 7–18. (In Russ.)
3. Лукьянов Ф., Сафранчук И. По дороге к светлому будущему: конкуренция и взаимосвязанность на мировой арене. *Россия в глобальной политике*. 21.10.2022. <https://globalaffairs.ru/articles/po-doroge-k-budushhemu/> (accessed 24.12.2023)
Lukyanov F., Safranchuk I. On the road to a bright future: competition and interconnectedness on the world stage. *Russia in global affairs*. 21.10.2022. (In Russ.). <https://globalaffairs.ru/articles/po-doroge-k-budushhemu/> (accessed 24.12.2023)
4. Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. 2021. Право и цифровая трансформация. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. № 2. С. 4–23.
Tikhomirov Yu.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Balkhaeva S.B. 2021. Law and digital transformation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. № 2. Pp. 4–23. (In Russ.)
5. Данилин И.В. 2022. От технологических санкций к технологическим войнам: влияние американо-китайского конфликта на санкционную политику и рынки высоких технологий. *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3(55). С. 214–215. <https://imemo.ru/files/File/ru/Articles/2022/NEA-032022-Danilin.pdf> (accessed 24.12.2023)

- Danilin I.V. 2022. From technological sanctions to technological wars: the impact of the US-Chinese conflict on sanctions policy and high-tech markets. *Journal of the New Economic Association*. № 3(55). Pp. 214–215. Moscow. (In Russ.). <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2022/NEA-032022-Danilin.pdf> (accessed 24.12.2023)
6. He A. 2022. The Digital Silk Road and China's Influence on Standard Setting. *GIGI Papers*. № 264. Pp. 4–7. <https://www.cigionline.org/static/documents/no.264.pdf> (accessed 24.12.2023)
7. Данилин И.В. 2022. Сектор высоких технологий в 2022 г.: «идеальный шторм» или старт нового роста? *Год планеты: ежегодник*. Вып. 2022 г.: экономика, политика, безопасность. Под ред. Барановского В.Г., Соловьева Э.Г. М.: Идея-Пресс, 2023. С. 19–33.
- Danilin I.V. 2022. The high-tech sector in 2022: a “perfect storm” or the start of new growth? *Year of the Planet: Yearbook*. Vol. 2022: economics, politics, security. Ed. Baranovsky V.G., Solovyova E.G. Moscow. 2023. Pp. 19–33. (In Russ.)
8. Ishikawa K. 2021. The ASEAN Economic Community and ASEAN Economic Integration. *Journal of Contemporary East Asia Studies*. Vol. 10, Iss. 1. Pp. 24–41. <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/24761028.2021.1891702> (accessed 24.12.2023)
9. Tham Siew Yean, Basu Das S. 2018. Logistics Development in ASEAN: Complex Challenges Ahead. *Trends in Southeast Asia*. № 1. P. 4. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/pdfs/TRS1_18.pdf (accessed 24.12.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Канаев Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия.

Evgeny A. Kanaev, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Новик Николай Николаевич, кандидат экономических наук, доцент департамента международных отношений, НИУ ВШЭ; доцент кафедры международного бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия.

Nikolay N. Novik, PhD (Economics), Associate Professor, School of International Affairs, HSE University; Associate Professor, Department of International Business, Financial University, Moscow, Russia.

Кулясов Николай Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник научно-методического центра «Высшая школа тарифного регулирования», РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва, Россия.

Nikolay S. Kulyasov, PhD (Economics), Leading Researcher, Scientific and Methodological Center “Higher School of Tariff Regulation”, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

Федоренко Дмитрий Олегович, студент 2-го курса магистратуры «Мировая экономика», Факультета мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Dmitry O. Fedorenko, 2nd-year master's student, “World Economy” program, Faculty of World Economy and International Affairs. HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.02.2024

«Экспорт невест» в дискурсе СМИ Вьетнама и Китая

© Григорьева Н.В.^{a,b}, Старикова С.А.^{a,c}, 2024

^a НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

^b ORCID: 0000-0003-3948-720X; ngrigoreva@hse.ru

^c ORCID: 0009-0006-5244-4131; sastarikova@edu.hse.ru

Резюме. В статье представлены результаты исследования репрезентации феномена «экспорта невест» в СМИ Вьетнама и Китая. На материале публикаций двух молодежных, а также двух крупнейших социально-ориентированных газет СРВ и КНР при помощи методов рамочного анализа (*frame analysis*), авторы выявляют сходства и различия в освещении практик трансграничного бизнеса по вывозу молодых вьетнамских женщин в Китай для заключения брака с китайскими мужчинами.

Результаты исследования показали, что СМИ Вьетнама и Китая интерпретируют «экспорт невест» как уголовную проблему, однако по-разному определяют его причины, жертв, влияние на вьетнамских женщин и эффективность мер противодействия. Выявленные различия свидетельствуют о том, что медиа каждой из стран стремятся найти внешнюю причину для нежелательных социальных явлений и противоправной деятельности, а также склонны считать своих сограждан в большей степени жертвами, а граждан соседнего государства – в большей степени виновниками сложившейся ситуации.

Ключевые слова: Вьетнам, Китай, «экспорт невест», трансграничные практики, медиа-репрезентация

Благодарность. Исследование поддержано РФФИ, проект 20-59-92001 ВАОН_a.

Для цитирования: Григорьева Н.В., Старикова С.А. (Санкт-Петербург). «Экспорта невест» в дискурсе СМИ Вьетнама и Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 3. С. 74–82. DOI: 10.31857/S032150750029389-9

“Bride Exports” in Media Discourse of Vietnam and China

© Nina V. Grigoryeva^{a,b}, Sabina A. Starikova^{a,c}, 2024

^aHSE University, Saint Petersburg, Russia

^bORCID: 0000-0003-3948-720X; ngrigoreva@hse.ru

^cORCID: 0009-0006-5244-4131; sastarikova@edu.hse.ru

Abstract. The article focuses on representation of the “bride exports” phenomenon in the media of Vietnam and China. Based on publications from two youth newspapers and two largest socially oriented newspapers of Vietnam and China, using frame analysis methods, the authors identify similarities and differences in the coverage of “bride exports” practices in media of the two countries. The results revealed that the media in Vietnam and China both interpret the “bride exports” as a criminal problem but they differ in the coverage of its causes, victims, impact on Vietnamese women and effectiveness of countermeasures. The revealed differences indicate that the media of each country are seeking to find an external cause for negative social phenomena and illegal activities and also tend to consider their fellow citizens to be victims rather than responsible for the current situation.

Keywords: Vietnam, China, “bride exports”, transboundary practices, media representation

Acknowledgement. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 20-59-92001 VAON_a.

For citation: Grigoryeva N.V., Starikova S.A. (St. Petersburg). “Bride Exports” in Media Discourse of Vietnam and China. *Asia and Africa today*. 2024. № 3. Pp. 74–82. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750029389-9

ВВЕДЕНИЕ

С 1990-х гг., когда китайско-вьетнамские отношения начали восстанавливаться после десятилетия вооруженных конфликтов и враждебной риторики (1979–1989 гг.), одним из аспектов трансграничного обмена стал «экспорт невест» – практика выезда и вывоза молодых женщин из Вьетнама в Китай для

заключения брака с китайскими мужчинами. Такие браки могут быть добровольными и недобровольными; к категории недобровольных, которые преобладают, относятся принудительные, брачное рабство и торговля людьми в целях заключения брака¹. Далее под понятием «экспорт невест» мы будем иметь в виду нелегальные в том или ином аспекте перемещения вьетнамских женщин в Китай для вступления в официальные или неофициальные браки с китайскими мужчинами.

Исчерпывающей статистики «экспорта невест» из Вьетнама в Китай не существует. Поскольку многие вьетнамские женщины проживают в Китае нелегально и потому не учитываются в официальной статистике, фактическое число китайско-вьетнамских браков подсчитать невозможно². О приблизительных масштабах этого явления можно судить лишь на основании публикуемых вьетнамскими властями отчетов о жертвах, возвращенных на территорию Вьетнама³, а также из немногочисленных социологических опросов, результаты которых представлены в исследовательских работах.

«ЭКСПОРТ НЕВЕСТ» В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Выявление предпосылок формирования и специфики феномена «экспорта невест», его влияния на жертв и общественные процессы в двух странах осуществляется в рамках различных социогуманитарных дисциплин: исследований миграции, права, социальной антропологии, психологии, медиаисследований. Наиболее очевидной причиной этого явления признается дефицит женщин фертильного возраста на брачном рынке Китая, возникший в результате проведения в 1979–2015 гг. политики, направленной на ограничение рождаемости в условиях сохранения конфуцианских патриархальных норм, отдающих предпочтение потомкам мужского пола. Проведение селективных аборт при обнаружении эмбрионов женского пола обусловило возникновение гендерного перекаса в пользу мужчин и дефицит «невест» в современном Китае.

Исследователи миграции, анализируя результаты опросов и интервью, отмечают, что беспрецедентному развитию практик вывоза вьетнамских женщин в Китай способствуют несовершенное регулирование и слабый контроль на вьетнамско-китайской границе. Отмечается, что работники контролирующих органов и власти двух стран игнорируют проблемы, связанные с выездом вьетнамских женщин за рубеж в качестве «невест» [2; 3]. Применение метода корреляционного анализа позволило выявить, что женщины, происходящие из бедных провинций Вьетнама, в стремлении улучшить материальное положение своих семей чаще становятся жертвами вербовщиков и сутенеров, нелегально переправляющих их на территорию КНР [4; 5].

Работы психологов, социологов и социальных антропологов свидетельствуют о том, что жертвы трансграничного траффинга нередко подвергаются сексуальному и физическому насилию со стороны китайских мужей и торговцев людьми. Многие вьетнамские женщины, которым удалось вернуться на родину, не могут восстановить нормальный образ жизни из-за депрессии и суицидальных настроений [6; 7].

Несмотря на то, что о беспрецедентном развитии практик «экспорта невест» общественность узнает главным образом из СМИ, исследования медиа-репрезентации этого явления не столь многочисленны (см. [8; 9; 10; 11; 12]). Прокомментируем некоторые из них.

В работе французского антрополога Каролин Грийо, хотя она и не относится к медиаисследованиям напрямую, поднимается вопрос о влиянии общественного дискурса на укоренение стереотипных представлений о вьетнамских женщинах среди китайских мужчин, проживающих в приграничном китайском г. Хэкоу [8]. Отмечается, что осмысление образа вьетнамских женщин происходит через призму их «инаковости»: послушные и кроткие вьетнамки противопоставляются эмансипированным китайским женщинам, забывшим о традиционных семейных ролях [8, pp. 135–136]. Вместе с тем образ рас-

¹ UNFPA. 2018. Sino-Vietnamese Cross-Border Marriage in the Context of Sex Imbalance: View from China. Beijing: UNFPA Country Office in China.

² UNFPA. 2018. Sino-Vietnamese Cross-Border Marriage..., p. 11.

³ К примеру, на семинаре, организованном Министерством труда, инвалидов и социальных вопросов СРВ совместно с Международной организацией по миграции в 2018 г., отмечалось, что за период 2012–2017 гг. во Вьетнам было репатрировано 7500 граждан, из них около 90% – женщины, насильно отправленные в Китай для вступления в брак или сексуальной эксплуатации [1].

четливой и стремящейся поправить свое финансовое положение за счет брака с китайцем вьетнамской «невесты» продолжает главенствовать в дискурсе о трансграничных браках [8, p. 137].

В совместной работе упоминавшейся выше К.Грийо и Е.Барабанцевой (Университет Манчестера) проводится сравнительный анализ популярных медийных нарративов, формирующих общественное восприятие брачной миграции из Вьетнама и России в Китай [9]. По результатам исследования было выявлено, что российские «невесты» получают позитивное освещение в СМИ, становятся героями телешоу и романтических сериалов, в то время как образ вьетнамских «невест» формируется в контексте разнообразных расследований и скандальных историй о торговле людьми, подчеркивающих незаконный характер их пребывания на территории КНР [9, p. 297].

С целью выявления специфики медиа-репрезентации вьетнамских женщин, покинувших страну ради замужества (не только в Китае, но и в других странах), Д.Беланже, исследовательница из Канады, и двое вьетнамских авторов осуществили контент-анализ публикаций онлайн-СМИ Вьетнама за период 2000–2010 гг. [10].

Основные выводы этой группы исследователей сводятся к следующему:

1. СМИ Вьетнама вместо того, чтобы ставить и обсуждать вопрос о том, почему тысячи молодых вьетнамок решают оставить семью и страну ради замужества за рубежом, «обвиняют женщин и тем самым отвлекают внимание общественности от причин, которые толкают их к миграции».

2. Этих женщин причисляют к числу тех, «кто бесстыдно продает свое тело ради материальной выгоды»; помимо них, вина за бурное развитие «экспорта невест» возлагается лишь на брачных брокеров, которые обманом вовлекают молодых вьетнамок в этот процесс.

3. Основные характеристики, которые вьетнамские СМИ применяют к описанию «невест», сводятся к следующим – «импульсивные, молодые, невежественные, малообразованные, эгоистичные и ленивые». По мнению авторов исследования, такие оценки не могут считаться объективным, т.к. «миграция является результатом сложных социальных процессов и может включать в себя множество факторов».

4. Считается, что женщины, вступающие в браки с иностранцами, наносят ущерб национальной гордости вьетнамцев и имиджу Вьетнама как страны с одним из самых высоких темпов экономического роста в мире.

5. Браки вьетнамских женщин с иностранцами и брачная миграция подрывают представления о сексуальной привлекательности вьетнамских мужчин.

6. Наконец, приравнивание брачной миграции к торговле людьми в общественном дискурсе Вьетнама позволяет позиционировать «экспорт невест» как проблему, имеющую внешние причины и представляющую угрозу для стабильного и гармоничного развития вьетнамского социума [10, pp. 104–106].

В контексте нашей темы особый интерес представляет статья китайских авторов Чэньюнь Гуаня и Цян Фэна, посвященная исследованию репрезентации вьетнамских «невест» и трансграничных браков в СМИ КНР, в основу которого был положен количественный контент-анализ публикаций, размещенных на новостном портале *Wise Search хуэйкэ шуцзюйку* 慧科数据库 за период с 2010 по 2016 г. [11].

Результаты этого исследования показали:

1. Чаще всего вьетнамские «невесты» находят мужей в провинциях Фуцзянь, Цзянси и Чжэцзян.

2. 94,3% китайских мужчин, заключающих браки с вьетнамскими женщинами, – это фермеры в возрасте от 35 лет.

3. Возраст «невесты» при этом не превышает 25 лет.

4. В основном поиск брачного партнера ведется через агентства, средняя цена услуг которых составляет от 50 до 80 тыс. юаней (\$1 в те годы был равен 7,1 юаня), от этой суммы также отчисляется и брачный выкуп за «невесту» (около 8–10 тыс. юаней).

5. Групповые закупки «невест» проводятся через Интернет, где образ вьетнамской женщины как недорогой и послушной жены широко разрекламирован; кроме того, женихам не нужно нести дополнительные расходы для предварительного свидания с «невестой» во Вьетнаме.

6. Ввиду брачного ажиотажа активно развиваются практики траффикинга – женщин похищают и нелегально перевозят через вьетнамско-китайскую границу (чаще всего в провинцию Юньнань), чтобы удовлетворить растущий спрос среди сельских холостяков.

7. Нередко после заключения брака вьетнамские женщины совершают побег (поэтому СМИ КНР осуждают их стремление к обогащению за счет китайских холостяков) или их депортируют на родину [11, pp. 62–65].

Исследование вьетнамского автора Ле Фьонг Линь, посвященное изучению влияния СМИ на вьетнамских женщин, имеющих (ре)миграционный опыт [12], как и рассмотренная ранее статья Беланже и двух других авторов [10], выявило, что вьетнамские медиа зачастую изображают репатрианток из Китая как работниц секс-индустрии, что значительно осложняет их реинтеграцию в консервативное вьетнамское общество. Стереотипный образ жертв трансграничных браков как «секс-работниц», формируемый СМИ, приводит к социальной изоляции женщин, поскольку друзья, члены семей и местные власти отказываются от взаимодействия с ними из-за их неблагонадежного и общественно порицаемого статуса [12, р. 359].

В целом, исследователи китайских и вьетнамских медиа сходятся во мнении, что образ вьетнамских «невест» в СМИ Китая и Вьетнама имеет, скорее, негативные коннотации; при этом вьетнамские СМИ, с одной стороны, представляют вьетнамских «невест» как жертв трансграничного траффинга и подчеркивают роль правительства Вьетнама в искоренении нелегальных практик, с другой – позиционируют этих женщин как «группу нежелательных лиц» или работниц секс-индустрии.

Анализ предшествующих работ по изучаемой проблеме свидетельствует о том, что исследования различий в репрезентации феномена «экспорта невест» в СМИ двух стран не проводились. Помимо этого, обнаружилась еще одна исследовательская лакуна – до сих пор при изучении особенностей медиарепрезентации практик «экспорта невест» из Вьетнама в Китай не применялись методы рамочного анализа, что и побудило нас предпринять данное исследование.

ПУБЛИКАЦИИ ОБ «ЭКСПОРТЕ НЕВЕСТ» И ИХ ОБРАБОТКА

Эмпирическую базу нашего исследования составили 36 публикаций из двух вьетнамских и двух сопоставимых с ними по аудитории китайских изданий за период с 2012 по 2022 г.:

1) Молодежные издания – вьетнамская газета «Туйче» (Tuổi trẻ, «Юность») и китайский медиа-портал «Чжунго циннянь ван» (中国青年网, «Молодежь Китая»);

2) Социально-ориентированные издания, в которых обсуждаются общественно значимые проблемы – вьетнамская газета «Нгыой лао донг» (Người Lao Động, «Трудящиеся») и китайская «Гунжэнь Жибао» (工人日报, «Ежедневная рабочая газета») ⁴.

Первоначально основные фреймы (рамки) освещения проблемы «экспорта невест» определялись индуктивно. Затем они классифицировались по 5 группам, объединенным общей целью:

- 1) выявление причин и предпосылок развития практик «экспорта невест»;
- 2) определение жертв;
- 3) влияние вынужденных трансграничных браков на вьетнамских женщин;
- 4) правовая оценка «экспорта невест»;
- 5) оценка мер по противодействию. Результаты распределения обозначенных рамок (фреймов) по публикациям в изданиях двух стран представлены в *таблице*.

Таблица. Результаты анализа публикаций о нелегальном «экспорте невест» в СМИ Вьетнама и Китая
Table. Frame analysis of publications on the illegal export of “brides” in the media of Vietnam and China

Рамки (фреймы)	СМИ	
	Вьетнама	Китая
1. Причины и предпосылки развития «экспорта невест»		
Гендерный дисбаланс в КНР	13	0
Бедность приграничных провинций Вьетнама	0	8
Уязвимость жертв, в частности их низкое социальное положение	12	7
2. Обозначение жертв		
Вьетнамские женщины	18	10
Китайские мужчины	0	6

⁴ Ссылки на публикации в этих изданиях будут приводиться только в случаях прямого цитирования или указания конкретных фактов (прим. авт.).

Рамки (фреймы)	СМИ	
	Вьетнама	Китая
3. Влияние вынужденных трансграничных браков на вьетнамских женщин		
Отрицательное	6	3
Положительное: улучшение социально-экономического положения	0	6
4. Правовая оценка «экспорта невест»		
Нарушение прав человека	13	9
Нелегальная миграция	0	2
Мошенничество и уголовно наказуемая практика вымогательства денежных средств у китайских мужчин	0	6
5. Оценка мер противодействия		
Позитивная: эффективные меры	12	14
Негативная: недостаточность мер противодействия	3	1

Составлено авторами.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ОБ «ЭКСПОРТЕ НЕВЕСТ» В СМИ ВЬЕТНАМА И КИТАЯ

В исследуемых СМИ Вьетнама и Китая причины и предпосылки развития практик «экспорта невест» определяются по-разному.

Во вьетнамских изданиях в качестве основных причин указывается «гендерный дисбаланс в КНР» и «уязвимость жертв, в частности их низкое социальное положение». Отмечается, что масштабный импорт вьетнамских «невест» в КНР является логическим следствием жестких мер по ограничению рождаемости, действовавших в Китае до 2015 г., и практики селективных абортов, обусловивших гендерный дисбаланс в современном Китае. Авторы вьетнамских публикаций делают акцент на том, что ввиду низкой плотности женского населения фертильного возраста граждане КНР мужского пола вынуждены искать брачных партнеров в соседних странах при помощи посредников, тем самым нередко оказываясь вовлеченными в преступную деятельность. Невостребованность мужчин особенно остро ощущается в сельской местности, где на 100 новорожденных девочек в прошлом приходилось около 150 мальчиков.

В статьях также отмечается, что из-за низкого уровня образования и доходов жители китайских сел больше подвержены влиянию со стороны брачных агентств, предлагающих брак с вьетнамками по доступным ценам, нежели жители городов: «Наличие среди одиноких китайских мужчин, проживающих в селах, спроса на вьетнамских женщин в качестве недорогих и верных жен определяет существование и развитие нелегального рынка торговли "невестами"»⁵; «По мнению холостых китайцев, проживающих в сельской местности, женитьба на уроженке Вьетнама обходится дешевле, чем на соотечественнице»⁶.

Уязвимость жертв, низкий социально-экономический статус девушек, их юный возраст и психологическая незрелость, желание улучшить материальное положение семьи, недостаточная информированность о рисках и, как следствие, вера в обещания вербовщиков-нелегалов о лучшей жизни и финансовой стабильности также обозначаются во вьетнамских изданиях как основные предпосылки развития трансграничного траффинга.

Китайские издания также склонны объяснять причины массового «экспорта невест» из Вьетнама в Китай через призму уязвимости вьетнамских женщин, однако примечательно, что «гендерный дисбаланс в КНР» как катализатор спроса на жен из Вьетнама не упоминается ни в одной статье! Напротив, китайские новостные издания акцентируют внимание на бедности приграничных территорий Вьетнама. В статьях говорится о том, что вьетнамские женщины из неблагополучных районов либо добро-

⁵ Dụ cô gái đi lấy chồng rồi bán sang Trung Quốc (Lure the girl for marriage and then sell her to China). (In Viet.). <https://nld.com.vn/phap-luat/du-co-gai-di-lay-chong-roi-ban-sang-trung-quoc-20210814085036123.htm> (accessed 07.03.2023)

⁶ 12 Vietnamese brides escaped from a Chinese village in one night. (In Viet.). <https://tuoitre.vn/12-co-dau-viet-tron-khoi-ngoi-lang-trung-quoc-trong-mot-dem-1062241.htm> (accessed 07.03.2023)

вольно оказываются вовлеченными в преступную сеть, желая успешно выйти замуж за состоятельного гражданина КНР, либо становятся жертвами обмана или похищений. Часто вербовщики под видом агентов по найму предлагают женщинам из бедных семей улучшить свое материальное положение, предлагая работу няней или сиделкой для пожилых людей в Китае, а после пересечения границы обманом продают их в качестве «невест». При этом отмечается, что родственники «невесты» часто вступают в сговор с похитителями, желая заработать.

Характерно, что жертвами «экспорта невест» во Вьетнаме и в Китае признаются разные участники процесса. Во всех без исключения публикациях вьетнамских изданий женщины выступали в роли жертв и признавались потерпевшими. При этом китайские мужчины не были признаны жертвами нелегальных трансграничных браков ни в одной из публикаций вьетнамских СМИ.

В китайских новостных публикациях определение жертв не столь однозначно: лишь в 10 из них женщины признавались пострадавшими от насильственных действий со стороны вербовщиков и китайских мужей. В 3 статьях они, напротив, изображались как соучастницы мошеннических действий в отношении китайских мужчин. При этом в 6 статьях китайских авторов жертвами «экспорта невест» признавались китайские мужчины, заплатившие «брачный выкуп» за вьетнамскую «невесту» и столкнувшиеся с её побегом после переправки в Китай. В таких случаях мужчины признавались обманутыми, а женщины – членами преступных группировок, стремящимися к обогащению за счет обмана жертв «брачного сжатия»⁷.

Оценки влияния трансграничных насильственных браков на вьетнамских женщин в двух медиа-системах также разнятся. Вьетнамские источники делают акцент на их отрицательном воздействии, поскольку женщины вступают в браки по принуждению и нередко сталкиваются с физическим и психологическим насилием со стороны мужей. Кроме того, «невесты», как правило, не знают китайского языка, поэтому оказываются в Китае в социальной изоляции.

Позитивные оценки влияния практик «экспорта невест» на вьетнамских женщин в СМИ Вьетнама не представлены. Однако на китайских информационных платформах они преобладают. Позитивное влияние, с точки зрения китайских СМИ, заключается в улучшении материального положения вьетнамских женщин и их семей.

Тема негативного влияния нелегальных трансграничных браков на вьетнамских женщин не освещается широко в китайских СМИ. Негативные стороны таких браков китайские авторы видят в:

- 1) супружеских конфликтах, возникающих из-за разницы менталитета и невозможности налаживания коммуникации по причине незнания женой китайского языка;
- 2) принудительном труде вьетнамской жены в качестве домашней прислуги и сиделки для пожилых родителей мужа;
- 3) домашнем заточении и ограничении свободы передвижения;
- 4) сексуальном насилии со стороны супруга. Кроме того, женщины нередко сталкивались с домогательствами со стороны вербовщиков: *«“Невесту” передавали из рук в руки – от вербовщика к участникам преступной группировки, а затем мужу, который также мог делиться ею со своими друзьями и родственниками»*⁸.

«Правовая оценка “экспорта невест”» и «оценка мер противодействия» относятся к темам, в освещении которых между СМИ Китая и Вьетнама практически нет расхождений. И вьетнамские, и китайские издания интерпретируют «экспорт невест» как уголовную проблему, акцентируя внимание на противоправности действий брачных агентств и сутенерских сетей (акцент на том, что «экспорт невест» – это «нарушение прав человека» отмечен в 13 вьетнамских статьях и в 9 китайских).

Тем не менее в нескольких китайских статьях говорится о том, что «экспорт невест» – это мошеннические практики со стороны вьетнамских женщин, вовлеченных в преступные группировки, и уголовно наказуемая практика вымогательства денежных средств у китайских мужчин. Оправдание граждан КНР, «купивших» себе вьетнамскую жену, в этих случаях происходит по трем следующим основаниям:

- 1) признание мужчин необразованными и не разбирающимися в законах;

⁷ Брачное сжатие – дисбаланс между количеством мужчин и женщин, готовых вступить в брак в определенном обществе (прим. ред.).

⁸ 本周法制播报 (The Weekly Law Digest). (In Chin.). <https://www.workercn.cn/papers/grrb/2015/06/27/6/news-5.html> (accessed 11.03.2023)

- 2) обозначение их как жертв «брачного сжатия»;
- 3) создание условий для улучшения социально-экономического положения женщин из бедных районов Вьетнама.

Отметим, что вышеперечисленные доводы в пользу невиновности «мужей» противоречат постулатам ООН о противодействии торговле людьми, поскольку китайские мужчины являются осведомленными соучастниками преступной деятельности. Кроме того, они игнорируют то, что совершившие побег женщины, ранее нелегально проданные в качестве «невест», даже если и содействуют нелегальным брачным агентствам, подвергаются насилию и эксплуатации со стороны сутенеров, многократно перепродаются, а их неотчуждаемые права и свободы нарушаются.

Рамка «нелегальная миграция» не представлена во вьетнамских изданиях, однако дважды встрети-лась в изучаемых СМИ КНР. Одна из статей в издании «Молодежь Китая» построена таким образом, что незаконное пересечение вьетнамо-китайской границы и нелегальный брак женщины из Вьетнама с гражданином Китая представлены как своего рода романтическая история. В основу статьи легла «история любви» китайца и вьетнамской девушки, которая якобы ради общего счастья незаконно пересекла границу и провела в КНР 8 лет без документов, подтверждающих право проживания:

«А Сян знала, что если выйдет замуж в Китае, то сможет вести комфортную жизнь. Поэтому, когда жених приехал к ней свататься, она без промедления согласилась на свадьбу и, посоветовавшись с родственниками, решилась на нелегальное пересечение границы. Спустя 8 лет брака, который не был зарегистрирован официально, женщина сама пришла в полицию, чтобы пожаловаться на жестокое обращение мужа, и попросила отправить её на родину. Когда муж приехал в участок, выяснилось, что пара поссорилась из-за тривиальных семейных вопросов, А Сян, нанося удар по репутации мужа, не осознавала последствий обращения в правоохранительные органы. Сотрудники миграционной службы, выявив правонарушение, были вынуждены депортировать девушку во Вьетнам, но поскольку А Сян с нетерпением ждет продолжения жизни со своей китайской семьей, миграционные процедуры и въезд в КНР на законных основаниях обещали провести в кратчайшие сроки»⁹.

Поведение женщины было признано опрометчивым, что стало достаточным основанием для прекращения разбирательства по делу о бытовом насилии, а нарушение миграционного законодательства КНР оправдывалось проявлением чувств.

Очевидно, что подобное освещение нелегальных трансграничных браков в СМИ, во-первых, способствует укоренению стереотипов о легкомысленности и безответственности вьетнамских «невест»; во-вторых, оправдывает насилие со стороны мужчин и нелегальное пересечение государственных границ со стороны женщин; в-третьих, дает представителям сутенерских группировок и мужьям понимание того, что жертв можно запугивать, заставляя отказываться от обвинений в целях прекращения рассмотрения уголовных дел.

В одной из публикаций китайской «Ежедневной рабочей газеты» в практиках нелегального «экспорта невест» предлагается усматривать 3 вида правонарушений:

- 1) противоправное пересечение границы контрабандистами и жертвами, в которое могут быть вовлечены сотрудники пограничных служб;
- 2) нарушение личных прав женщин;
- 3) ведение нелегальной предпринимательской деятельности¹⁰.

В китайских СМИ меры по борьбе с нелегальным «экспортом невест» в подавляющем большинстве случаев получают позитивную оценку и признаются эффективными (14 публикаций из 18). Во вьетнамских изданиях этот показатель несколько ниже (12 из 18).

СМИ Китая, как и Вьетнама, положительно оценивают следующие предпринимаемые властями двух стран действия:

- 1) разработка и совершенствование законодательных мер;

⁹ Illegally crossed the border for marriage and was deported: Vietnamese bride secretly entered China where lived for 8 years. (In Chin.). https://mip.youth.cn/jsxw/201612/t20161230_8998417.htm (accessed 08.03.2023)

¹⁰ Judge's interpretation of the law] "Bride group-buying" may fall into "three crimes". (In Chin.). <https://www.worker.cn/papers/grrb/2013/11/23/5/news-6.html> (accessed 11.03.2023)

2) раскрытие преступных группировок и сутенерских сетей, занимающихся поставкой вьетнамских женщин в Китай, арест и вынесение судебных приговоров пособникам и членам преступных группировок;

3) успешное раскрытие дел и проведение специальных операций по освобождению и репатриации вьетнамских женщин.

В одной из статей вьетнамского издания «Трудящиеся» среди положительно оцениваемых действий упоминается мониторинг социальных сетей *ZALO*¹¹ и *Facebook* сотрудниками правоохранительных органов с целью выявления информации о трафикерах¹².

Тем не менее в нескольких публикациях отмечается недостаточная эффективность действий, предпринимаемых властями двух государств, поскольку практики «экспорта невест» продолжают активно развиваться, обретая всё более изощренные формы, например в интернет-пространстве. Негативную оценку вызывает отсутствие законов, которые бы регулировали противоправные действия в сети интернет, неэффективность реализации вышеупомянутых мер, а также стигматизация или социальная изоляция жертв.

В ранее упомянутой статье из китайской «Ежедневной рабочей газеты» (см. [10]) говорится, что, несмотря на публикацию канцелярией Госсовета КНР директивы об усилении контроля за регистрацией браков, которая подразумевает запрет на деятельность брачных агентов по поиску жен за рубежом, рынок таких услуг продолжает динамично развиваться. Незаконная коммерческая деятельность в КНР регулируется ст. 225 УК КНР, но «экспорт невест» как форма нелегального бизнеса до сих пор не определен как особый тип правонарушения в её рамках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты нашего исследования во многом подтверждают выводы предшествовавших работ, посвященных изучению практик «экспорта невест», однако применение рамочного анализа и сравнительного подхода позволило выявить несколько новых моментов.

Вьетнамские издания в качестве основной причины «экспорта невест» указывают гендерный дисбаланс в сельских районах Южного Китая, в то время как китайские СМИ – бедность приграничных территорий Вьетнама.

Вьетнамские СМИ единодушно признают женщин жертвами нелегальных трансграничных практик. В китайских изданиях вьетнамские «невесты» тоже признаются жертвами насилия со стороны вербовщиков и китайских мужей, однако в некоторых публикациях они предстают соучастницами мошеннических группировок, обманывающих мужчин, заплативших «брачный выкуп».

Оценки влияния трансграничных браков на вьетнамских женщин в двух медиасистемах также разнятся. Во вьетнамских публикациях фокус внимания направлен исключительно на отрицательные последствия подобных практик. В китайских изданиях отрицательное влияние насильственных браков на женщин (социальная изоляция, принудительный труд, домашнее заточение, физическое, психологическое и сексуальное насилие со стороны китайских мужей) не освещаются широко.

Китайские и вьетнамские СМИ в основном представляют трансграничную торговлю «невестами» как уголовную проблему, поскольку права женщин на свободу передвижения и волеизъявления нарушаются. Китайские издания расширяют уголовную проблематику, включая в неё нарушение миграционного законодательства КНР, а также мошенничество, совершаемое в отношении китайских мужчин; помимо этого, ставится вопрос о незаконности коммерческой деятельности, которую ведут брачные агентства.

REFERENCES

1. Phuong Vu. 2018. Workshop reviews assistance for returnee victims of trafficking. VNA. <https://en.vietnamplus.vn/workshop-reviews-assistance-for-returnee-victims-of%20trafficking/138095.vnp> (accessed 15.03.2023)

¹¹ *ZALO* – один из наиболее популярных мессенджеров во Вьетнаме; приложение было создано в 2012 г. вьетнамским разработчиком (прим. авт.).

¹² “Hunting” young girls to sell them for 10 million VND/girl. (In Viet.). <https://nld.com.vn/phap-luat/san-thieu-nu-ban-do-dong-10-trieu-dongco-20150415112004424.htm> (accessed 10.03.2023)

2. Maochun L. & Wen C. 2014. Transnational Undocumented Marriages in the Sino-Vietnamese Border Areas of China. *Asian and Pacific Migration Journal*. 23(1), pp. 113–125. DOI: 10.1177/011719681402300105
3. Vu Thi Thanh. 2021. Vietnamese migrant women working abroad: risks and challenges for accessing support services. *DEMIS. Demographic research*. Vol. 1. № 1. Pp. 71–78. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.8
4. Davin D. 2007. Marriage Migration in China and East Asia. *Journal of Contemporary China*. Pp. 83–95. DOI: 10.1080/10670560601026827
5. Su Lianling. 2013. Cross-border marriage migration of Vietnamese women to China. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree Master of Arts. Kansas State University. <https://krex.k-state.edu/handle/2097/15663?show=full> (accessed 15.12.2023)
6. Stöckl H., Kiss L., Koehler J. et al. 2017. Trafficking of Vietnamese women and girls for marriage in China. *Global Health Research and Policy*. 2, 28. DOI: 10.1186/s41256-017-0049-4
7. Le Phuong Thao. 2014. Trafficking experiences and psychological dysfunction among female trafficking survivors returning to Vietnam. *The Lancet*. Vol. 2, Special issue, S46. DOI: 10.1016/S2214-109X(15)70068-9
8. Grillot C. 2012. Between Bitterness and Sweetness, When Bodies Say it All: Chinese Perspectives on Vietnamese Women in a Border Space. *Journal of Vietnamese Studies*. Vol. 7(1). Pp. 106–148. DOI: 10.1525/vs.2012.7.1.106
9. Barabantseva E., Grillot C. 2019. Representations and Regulations of Marriage Migration from Russia and Vietnam in the People's Republic of China. *Journal of Asian Studies*. Vol. 78(2). Pp. 285–308. DOI: 10.1017/S002191181900010X
10. Bélanger D., Khuất Thu Hồng, Trần Giang Linh. 2013. Transnational Marriages between Vietnamese Women and Asian Men in Vietnamese Online Media. *Journal of Vietnamese Studies*. Vol. 8(2). Pp. 81–114. DOI: 10.1525/vs.2012.7.1.106
11. Guan Chengyun, Feng Qiang. Commercialized Marriage and the Marriage Risk of Bachelors' "Safari" Blind Date in Rural China – Based on the Content Analysis of the "Vietnamese Bride" Report (2010–2016). (In Chin.). *现代传播*. 11 期. 60 – 66 页.
12. Linh Le Phuong. 2022. Vietnamese female returnees from forced migration in China: An explorative study on media impact and intersectionality. *Asian Studies: ICAS12*. Vol. 1. Amsterdam: Amsterdam University Press. Pp. 355–365. DOI: 10.5117/9789048557820/ICAS.2022.042

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Григорьева Нина Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Nina V. Grigoryeva, PhD (History), Associate Professor, Head, Department for Chinese, South and Southeast Asian Studies, HSE University, Saint Petersburg, Russia.

Старикова Сабина Александровна, студентка 5-го курса ОП «Востоковедение», НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия.

Sabina A. Starikova, 5th year student, Program "Asian and African Studies", HSE University, Saint Petersburg, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 24.12.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 24.01.2024

Принята к публикации
(Accepted) 25.02.2024

ОСНОВНЫЕ НОРМЫ НАУЧНОЙ И ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ЭТИКИ ЖУРНАЛА

Редколлегия и редакция журнала «Азия и Африка сегодня» придерживаются международных стандартов этики научных изданий, зафиксированных в Кодексе этики научных публикаций, разработанных Комитетом по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics/COPE).

Главный редактор журнала несет ответственность за принятие решения о публикации статей, предоставленных в редакцию журнала. При этом Главный редактор руководствуется как общей политикой журнала, принятой редколлгией, так и соответствующими положениями действующего законодательства РФ, касающимися нарушения авторских прав и плагиата. Принимая решения о публикации статей, Главный редактор учитывает мнение членов редколлгии, других сотрудников журнала и научных рецензентов.

Редактор авторской рукописи руководствуется исключительно ее научной значимостью, не разглашает и не передает третьим лицам сведения, содержащиеся в рукописи. Редактор может отказаться от рассмотрения рукописи в случае конфликта интересов с ее автором, должен приложить все усилия для разрешения спорных вопросов.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АВТОРОВ

Авторы гарантируют, что представленная ими рукопись является оригинальной работой и не содержит плагиата, в качестве которого в последнее время часто рассматриваются пространные цитаты и слегка измененный текст, а также схемы, графики, таблицы, опубликованные другими авторами. В случае использования ими трудов других исследователей или их цитирования, авторы журнала обязаны дать сведения об использованных источниках, а приводимые цитаты должны быть абсолютно точными.

Работа должна содержать достаточно подробную информацию об использованных источниках и литературе и соответствующие ссылки с целью привлечения внимания к ним других исследователей.

Одновременное предложение автором одной и той же рукописи сразу нескольким журналам считается неэтичным и неприемлемым, сотрудничество с ним в дальнейшем прекращается.

Авторы должны отдавать должное коллегам, работающим по данной проблематике. Следует указать те труды, которые повлияли на характер и содержание их собственных работ.

Авторами рукописи признаются только те, кто внес существенный вклад в разработку концепции и замысла рукописи, или интерпретацию содержащихся в ней идей. Все они должны быть представлены как соавторы рукописи. Если есть и другие лица, которые участвовали в создании данного труда, авторы обязаны выразить свое признание их вкладу.

В случае если автор обнаруживает в представленной или уже опубликованной работе ошибку или неточность, он обязан немедленно информировать об этом редактора журнала и в сотрудничестве с ним отозвать данную рукопись или исправить допущенную ошибку.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ

Экспертная оценка рецензента призвана помочь Главному редактору и редколлгии принять то или иное решение о судьбе представленного материала. Если рецензент понимает, что не в состоянии профессионально оценить достоинства представленного материала или не может уложиться в назначенные сроки, он обязан уведомить об этом Главного редактора (его первого заместителя) и просить отозвать предложение о рецензировании.

Отзывы должны быть объективными. Абсолютно неуместна критика личности автора. Свое мнение рецензент должен выражать четко и определенно, приводя при этом достаточно убедительные аргументы. Если рецензент считает, что какие-либо выводы или аргументы автора статьи уже ранее приводились или публиковались другими исследователями, они должны сопровождать свое мнение соответствующими замечаниями.

Рецензент также может привлечь внимание автора к любому существенному текстуальному совпадению в работе рассматриваемой рукописи и авторами других ранее опубликованных работ, если таковые ему известны.

Рукописи, представленные на рецензирование, должны рассматриваться как конфиденциальные документы. Любая информация или идеи, с которыми рецензент ознакомился в результате экспертной оценки рукописи, являются сугубо конфиденциальными и не могут быть использованы в личных целях или передаваться третьим лицам.

Учредители: Российская академия наук, Институт Африки РАН, Институт востоковедения РАН

Свидетельство о регистрации в Министерстве печати и информации РФ № 0110157 от 04.02.1993.

Подписано в печать 22.03.2024. Дата выхода в свет 29.03.2024. Формат 60x88 1/8. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 190 экз. Цифровая печать. Заказ 1/3а. Цена свободная. 20 экз. распространяется бесплатно

16+ Оригинал-макет подготовлен в редакции.

Издатель: Российская академия наук.

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Журнал «Азия и Африка сегодня» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых публикуются основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям:

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки),

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки),

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

Журнал входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и международную базу данных EBSCO Publishing.

«Азия и Африка сегодня» распространяется по подписке (индекс объединенного каталога «Пресса России» 38795).

Приобрести журнал «Азия и Африка сегодня» можно в магазине «Академкнига» по адресу: Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1.

Ознакомиться: www.asaf-today.ru

Подать заявку на публикацию: asaf-today@mail.ru